

ISSN 0869-544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО • 4
• ВЕДЕНИЕ
2016

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4
2016
ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Турилов А.А.</i> (Москва). Служба Климента Охридского на Богоявление в составе «Николиной минеи» («Минеи Томича»)	3
<i>Флоря Б.Н.</i> (Москва). Представления о древнепольском обществе и его развитии в польской исторической мысли второй половины XV – середины XVI века (Я. Длугош и М. Кромер)	15
<i>Кочегаров К.А.</i> (Москва). Россия, гетман Мазепа и избрание киевским митрополитом Иоасафа Кроковского. 1707–1708 годы	25
<i>Лазарев Я.А.</i> (Екатеринбург). Российское правительство и украинская казацкая элита: особенности взаимоотношений в период функционирования Малороссийской коллегии (1722–1727)	41
<i>Лунькова Н.А.</i> (Москва). Ритм прозы (о синтаксисе рассказов С. Стратиева 1990-х годов)	52

* * *

<i>Зуптан А.</i> (Вена). Конфликт, война и геноцид в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. 1938–1948. Часть II	64
---	----

СООБЩЕНИЯ

<i>Шевченко В.А.</i> (Москва). Русские школы в межвоенной Польше	72
<i>Казак О.Г.</i> (Минск). Национально-культурный облик Подкарпатской Руси в представлении чехословацкой эмиграции в Лондоне (1940–1944 годы)	85

* * *

<i>Шемякин А.Л.</i> (Москва). Между Москвой и Белградом: история Сербии в трудах К.В. Никифорова	91
--	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лыкошина Л.С.</i> Русская государственность в трудах историков зарубежья. Работы русских историков-эмигрантов белградского круга 1920–1941	97
---	----

<i>Косик В.И.</i> П. Мангачев. Документална история на руските бежанци в България (1919–1944). В 2-х т.	99
<i>Косик В.И.</i> Руската колония во Скопје (1920–1943 год). Зборник на документи	101
<i>Шевченко К. J.</i> Vaculik. Reemigrace a repatriace česků a slovaků po První světové válce.....	103
<i>Седакова И.А.</i> The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology	106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Акимова О.А.</i> XXVII конференции «Славяне и их соседи»	110
<i>Шрек К.</i> Российско-венгерская конференция «Мирные договоры и соглашения в Новой и новейшей истории Центральной и Восточной Европы, XVII–XX вв.»	113
<i>Валенцова М.М.</i> Второй конгресс словацких славистов	115
<i>Копчёнова И.В., Амосова С.Н.</i> Конференция «Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции»	120

ЮБИЛЕИ

<i>Майорова О.Н.</i> К юбилею Эллы Григорьевны Задорожнюк	124
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2016
 © ФГУП «Издательство «Наука», 2016
 © Составление. Редколлегия журнала
 «Славяноведение», 2016

© 2016 г. А.А. ТУРИЛОВ

СЛУЖБА КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО НА БОГОЯВЛЕНИЕ
В СОСТАВЕ «НИКОЛИНОЙ МИНЕИ» («МИНЕИ ТОМИЧА»)*К 1110-летию кончины великого славянского
проповедника и гимнографа*

Статья посвящена сербской рукописи Праздничной Миней конца XIII – начала XIV в. При описании в ней удалось обнаружить два памятника, созданных учеником Кирилла и Мефодия Климентом, епископом Охридским. Один из этих памятников – служба на Богоявление с акrostихом-«подписью» в каноне КЛИМ – был неизвестен науке. Находка существенно меняет представление о составе Рождественско-Богоявленского гимнографического цикла, созданного совместно Климентом и Константином Преславским.

The article is devoted to the Serbian manuscript of the Anthologion of the late thirteenth – early fourteenth century. Its attribution allowed verifying of two literary monuments, created by the pupil of Cyrill and Method – Clement Bishop of Ohrid. One of these monuments – the Epiphany service with the acrostic-«autograph» CLIM – has not been known. This finding changes the knowledge about the Nativity-Epiphany hymnography cycle, created by Clemet and Constantin of Preslav.

Ключевые слова: С. Томич, Минея праздничная, Климент Охридский, древнейшая славянская гимнография.

Keywords: Tomić, Anthologion, Clement of Ohrid, most ancient Slavic hymnography.

В 1902–1903 гг. московский Исторический музей приобрел небольшую, но весьма ценную коллекцию южнославянских рукописей XIII–XIV в. от сербского филолога Симы Новаковича Томича (1867–1903) (см. о нем [1. С. 181, 183, 213–214, 218; 2. С. 165–166]), которая была собрана им во время ученой поездки в Македонию в 1901 г. [3. С. 121–124]. В хранилище рукописи (очевидно, ввиду небольшого их числа) не составили отдельного фонда¹, а были включены в основное – Музейское – собрание. Судя по разбросу номеров, которые они получили в в этом фонде (Музейск. 2752, 2835, 2836, 2838, 2881), кодексы поступали по крайней мере в три приема (вероятно, по почте).

В дальнейшем научная судьба рукописей, собранных Томичем, сложилась по-разному, при том, что все они фигурируют в исследовательской литературе с

Турилов Анатолий Аркадьевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Характерным признаком всех рукописей, принадлежавших С.Н. Томичу являются наклейки на переплете (см. ниже), на которых владельцем латиницей указано количество листов, писчий материал (пергамен или бумага) и помещены инициалы S.T. (Sima Tomic).

именем первого владельца. Излишне, кажется, упоминать лицевую среднеболгарскую Псалтырь Томича XIV в. (Музейск. 2752), которой посвящено две иллюстрированные монографии [2; 4], не говоря уже о многочисленных статьях и разделах в общих работах по болгарскому средневековому изобразительному искусству. Апостол Томича (Апостол апракос краткий) раннего XIV в. (Музейск. 2838) и Октоих второй половины XIII в. (Музейск. 2881) уже в 1906 г. были использованы В.Н. Щепкиным (при участии которого рукописи и поступили в Исторический музей от сербского ученого) при исследовании Болонской Псалтыри [5. С. 242–245; 251–267]. Евангелие тетр первой половины XIV в. (Музейск. 2836), возможно, ввиду массового характера этого типа книги, было введено в научный оборот лишь в 1960-х годах [6. С. 289–290; 7. С. 323].

Судьба еще одной рукописи из собранных Томичем – сербской Минеи праздничной (далее – МТ) конца XIII – начала XIV в. (Музейск. 2835) сложилась загадочно. Она «затерялась» на полках Отдела рукописей ГИМ, не была включена в описание пергаменных рукописей собрания [6] и, в сущности, до последнего времени не вошла в научный оборот, поскольку не попала ни в предварительные списки рукописей для Сводного каталога [8–9], ни в тома самого этого справочник [10–11]. Лишь в начале нашего столетия сотрудница ОР ГИМ М.М. Панкова (Черниловская) сделала описание кодекса для вып. 2 «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в.» (она датировала рукопись первой половиной этого столетия). Однако это описание было выполнено еще в традициях Сводного каталога XI–XIII вв. [10], когда – в свете установок государственного атеизма – содержанию богослужебных рукописей уделялся минимум внимания². Между тем на вторую половину 1970-х – 1990-е годы пришлось волна открытий в области древнейшей оригинальной славянской гимнографии [12–16], и рассмотрение содержания литургических рукописей (будь то минеи, триоди или октоихи) естественным образом актуализировалось. Автору этих строк пришлось описать рукопись заново, исходя из современных требований, и она оказалась во многих отношениях незаурядным памятником. МТ несколько раз упоминалась в исследовательской литературе в связи с содержащимся канонем на Богоявление Климента Охридского [16. С. 496; 17. С. 24; 18. С. 13, 15–16, 42], но настоящая работа является первым достаточно подробным описанием и исследованием этого кодекса³.

МТ представляет пергаменный кодекс из 100 листов размером 18,5 x 12 см. (что примерно соответствует формату «малой четвертки» в «бумажном» измерении). У рукописи утрачен конец (см. ниже), значительные утраты имеются и в середине: между л. 5 и 6 утрачены 2 тетради (первоначальные 2-я и 3-я), между л. 35 и 36 – 1 тетрадь (первоначальная 7-я), между л. 57 и 58 – 2 л., между л. 68 и 69 – не менее 2-х л.; между л. 76 и 77 – одна тетрадь (14-я)⁴. Таким образом, исходно

² В значительной степени в отношении древнейших рукописей эта ситуация была исправлена уже в процессе подготовки 1-го выпуска Сводного каталога XIV в. [11. С. 561–589].

³ Статья имеет довольно долгую предысторию. Обнаружив в МТ в процессе описания неизвестный канон Климента Охридского на Богоявление, я сообщил об этом (приложив, разумеется, текст) одному из основоположников и классика древнейшей славянской гимнологии Георгию Попову, который в то время уже работал над подготовкой издания Рождественско-Богоявленского гимнографического цикла, написанного совместно Климентом и Константином Преславским (первый том [18] увидел свет в конце 2013 г.). При этом я исходил из трезвой оценки ситуации, будучи уверен, что болгарский коллега издаст и прокомментирует данный памятник гораздо лучше, чем я. Он, однако, отказался это делать, исходя, очевидно, из ложно трактуемой научной этики, и длительные разговоры не дали результата. Поэтому данная публикация выходит в свет в год Климентова юбилея.

⁴ Среди рукописей других фондов и хранилищ (как отечественных, так и зарубежных) тетради и листы, которые могли бы соответствовать отсутствующим в МТ, не обнаруживаются. Поэтому следуют предполагать, что они, по всей видимости, утрачены безвозвратно.

кодекс состоял (если утраченные тетради были стандартными кватернионами) не менее, чем из 137 л. Лл. 83–86 проедены червем (утраты текста незначительны). Лл. 33, 35 надорваны, л. 13 выпадает. Правый нижний угол всего кодекса объединен грызунами без утраты текста, у л. 36, 82 он отрезан. На ряде листов чернила осыпались, текст затерт, местами почти не читается (в особенности ближе к концу). На л. 47об.–48, 54об.–55, 93 текст местами грубо наведен не ранее XVI в. Лл. 14, 15, 17–19, 29, 31, 33, 35об.–36, 40, 47, 49об., 68об. подмочены, в пятнах сырости. Многие листы загрязнены, в пятнах от капель воска. На л. 21 зеленовато-голубое пятно (судя по цвету – от химического реактива).

Рукопись написана несколькими уставными почерками (границы их еще нуждаются в уточнении). Орфография сербская – точнее, старшая рашская (примеры см. ниже, в публикации). Лицевая сторона л. 1 и большая часть л. 5об. не имеют текста. Нумерация тетрадей первоначальная – в середине нижнего поля первого листа. Встречаются (например, на л. 2об., 72) отдельные знаки фитной нотации⁵. Известно имя первого писца – Никола⁶ (упомянуто в пространной записи-«оглавлении» на л. 1об.), что придает кодексу определенную индивидуальность, не столь уж частую в славянской рукописной традиции – его в равной степени можно именовать и по владельцу (МТ), и по писцу – «Минейя Николы» или «Николина минейя».

Палеографическая датировка МТ представляет известную сложность в силу несомненно провинциального происхождения рукописи, которая писалась явно для приходской церкви. Все почерки кодекса, включая почерк Николы, вполне профессиональные и отражают то направление в сербском уставе, которое сложилось после середины XIII в. (старший представитель – почерк Богдана, второго писца Иловицкой Кормчей 1262 г.) и развивалось без особых новаций до конца первой трети следующего столетия. Иллюминация рукописи (о которой см. ниже) тяготеет к традициям XIII в., однако осторожнее будет датировать МТ концом XIII – началом XIV в.

Переpleт – современный рукописи: толстые (более сантиметра) доски, обложенные кожей (желобки на торцах не прерываются по углам), застежки утрачены. Утрачено больше половины (верх и низ) кожи на корешке. Доски и кожа изъедены древоточцем, особенно сильно пострадали углы и верхняя часть нижней крышки. На корешке наклейка с надписью рукой С.Н. Томича: «I, 100 fol. perg.

⁵ Подробнее об этом типе нотации, встречающемся в южнославянских рукописях XII – XIV вв., см.: [19; 20. С. 323–328].

⁶ Следует оговорить, что данный писец не имеет отношения к соименному книгописцу-каллиграфу конца XIII – первой трети XIV в., монаху и игумену монастыря Студеница, переписавшему в 1329 г. Евангелие апракос полный, которое до начала XX в. хранилось в библиотеке монастыря Св. Павла на Афоне; его отрывки находятся ныне в ОР РГБ (собр. В.И. Григоровича, № 11.VIII, 11. IX) и Британской библиотеке в Лондоне (Add. Ms. 19, 393) [11. С. 235–237, № 117–118; 21. С. 33–36, 39–49; 22. С. 462–464; 23. С. 332–333, 338–339]. Последний является также писцом Евангелия тетр раннего XIV в. из старого собрания Народной Библиотеки Сербии (№ 102), обнаруженного А.Ю. Чернодаровым несколько лет назад в Эрфурте [22. С. 462–464; 23. С. 332; 24]. Ему же в недавнее время атрибутировано Евангелие от Луки и от Иоанна из библиотеки Печского патриархата № 1 [22. С. 462–464] и один из почерков Гомилиария Михановича (Загреб, Архив ХАЗУ, III с 19) [22. С. 462–464; 23. С. 332, 339]. С письмом последней рукописи произошло забавное недоразумение. Сербская исследовательница Л. Василев в недавней статье решительно отвергла мою атрибуцию, написав, что почерк игумена Николы в рукописи отсутствует [25. С. 421–422]. Между тем он там несомненно наличествует и воспроизведен на снимке л. 7об. еще в палеографическом альбоме 1952 г. к описанию собрания [26. Repr. 18]. Моя вина (каюсь!) состоит главным образом в том, что я неосторожно последовал за нумерацией почерков, предложенной описателем (листы в кодексе, как известно, были сильно перепутаны, а писали его, как теперь ясно, не менее, чем трое). Так что претензии г-жи Василев должны быть адресованы в первую очередь не мне, а ее учителю – незабвенному В.А. Мошину.

S.T.» (т.е.: Sima Tomic). На обороте верхней крышки указана цена рукописи: «150 р.». Здесь же приклеен листок с краткими сведениями о кодексе и с описанием – рукой М.Н. Сперанского (?).

Иллюминация МТ сравнительно обильна (для богослужебной рукописи), но довольно скромна, не высока по качеству исполнения: вся она выполнена чернилами и киноварью, скорее всего, самими писцами. На л. 1об. и 2 заставки «южнославянского»⁷ стиля – рисунок чернилами с раскраской киноварью. Концовки-держатели на л. 2об. (с человеческой полуфигурой), 21 (с рукой), 75об. (с изображением дракона или птицы). Указатели светильнов в виде руки, держащей круглый сосуд (вероятно, светильник) – л. 23об., 50об., 65об. На л. 20об. троичен отмечен на полях «рыбкой» с подкраской киноварью. На л. 70об. инициал Ч в виде мужской полуфигуры (с подписью почерком писца: прохоръ), держащей чашу – рисунок чернилами с раскраской, сильно затерт. Инициалы южнославянского стиля, на л. 19об., 51, 90 (О), 43, 56 (М) с изображением человеческого лица, на л. 39об., 48об. (дважды), 70 – с изображением руки. Инициалы типа киноварных тонких с украшениями, характерными для сербских рукописей конца XIII – первой трети XIV в.⁸, но выполненные здесь в два контура чернилами, с заливкой киноварью (что в принципе может свидетельствовать в пользу более ранней датировки кодекса). Заголовки чернилами в два контура с заливкой киноварью; маргинальные украшения-указатели «южнославянского» стиля.

Писцы и пользователи книги оставили на ее полях и оборотах крышек переплета значительное число записей, преимущественно проб пера. На обороте верхней крышки, на коже, сербским полууставом XV (?) в.: Поимени гн̄ по множьствоу щедротъ твоихъ и докъ недостонньсво ꙗ̄ и прости ми грѣхи. В верхней трети л. 1 выскоблена запись. Ниже, канцелярским письмом второй половины XIV в. проба пера – начало послания, читается фрагментарно: преосвѣщѣноу патрїарху Спїрїдону (сербский патриарх в 1379/1380–1389 гг.). Ниже другим почерком (XV–XVI вв.?): Чтѡ пѣ... вндѣ хстїанчѣ. Ниже, канцелярским письмом XV в. проба пера – начало послания: въ (д)ѣто гнѣ ми всѣтсьноу и въ ха благоверноу племенитоу и мѣдрѡмѣ... На л. 1об., под заставкой запись почерком первого писца (первая строка декоративным письмом с элементами вязи): дннѣн. с в(г)мь п(о)чннаѣ(м). м(с)ць се(к). Снмѣсонѣ. рож(д)ствоу бѣѣ. Въз(д)виженню кр(с)та. Иоану бѣгословцоу. фомѣ. лоуцѣ. Дмитрїю. Оувѣ(д)нню бѣн. Николѣ. шѣцѣм. Рож(д)ствоу гѣ наше(г) тс̄ хѣ. Обрѣзанию. Бѣгавленню. Срѣтенню. Стефану. Блговѣщенню. Герогнїю. Рож(д)ствоу Иоана. Петроу и Павлоу. Иан[н]. Пантелендоню. Прѣображенню. Оу(с)пѣнню Прѣстѣ. Оу(с)кновенню Пр(д)те. Соу(б)цѣ(т) Лазароу. Цвѣтоносною. Въскр[се]нню. Възнесенню. Снн писахъ съ к[ω(д)]кн и свѣ(т)нанами. И нко(с) и стн(х) На ст[н]. Сн типнкомь. Како по чнноу. Пра(з). И стѣмь. Снн поуще исправланте. Я м[ε]не бл(с)вите. Нн поменнте. Грѣшнаго Николоу. Я ва(с) бѣ̄. поимени в цр(с)тви своємь. и въ боу(д)шнн вѣкъ. Рядом с заставкой грифонаж чернилами – рука, держащая ветку. На л. 5об. запись сербским канцелярским письмом XIV в. в 10 строк с упоминанием имени Николы (чернила осыпались, невооруженным глазом читаются отдельные слова и буквы). На обороте верхней крышки, л. 6об., 47об., 68об. разновременные пробы пера уставом, полууставом и канцелярским письмом. На нижнем поле л. 64об. рукой писца: Не бѣ нкоса да прости мѣ. На верхнем поле л. 84 и нижнем л. 84об. неразборчивые записи почерком писца.

⁷ Этим термином в археографии принято обозначать упрощенный вариант старовизантийского стиля (причем не только в южнославянских, но и в древнерусских рукописях), обычно не очень высокий по качеству исполнения – см.: [27. С.174. Табл. IV].

⁸ О датирующем потенциале подобных инициалов см.: [28].

Содержание. Минея праздничная (л. 2–76об., 97–100об.) и службы Триоди Цветной (л. 77–97). Порядок песнопений: стихиры, канон, включающий седален по третьей песни и кондак и икос – по шестой; светилен и стихиры по каноне. Ирмосы могут писаться и сокращенно и полностью.

Л. 2–5об. – служба Симеону Столпнику (1. 09). Л. 6 – окончание службы апостолу Иоанну Богослову (26. 09): текст начинается богородичном 9-й песни канона (со слов: *вѣши вѣстока слѣдѣнаго. Оумьнааго и праведнааго поношение наць...*), далее светилен, стихира и уставные указания. Л. 6об.–11об. – служба апостолу Фоме (6. 10). Л. 11об.–15об. – служба апостолу Луке (18. 10). Л. 16–19 – служба великомученику Димитрию Солунскому (26. 10). Л. 19–24 – служба на Введение («вне-сение») Богородицы во храм (21. 11). Л. 24–28 – служба Николаю Чудотворцу (6. 12). Л. 28–33 – служба в Неделю святых отцов. Л. 33–35об. – служба на Рождество Христово (25. 12), без конца; текст обрывается на ирмосе песни 5, на словах ... *вѣлика свѣта дѣла. мира же...* Л. 36–40 – служба на Сретение (2. 02), без начала; текст начинается стихирой «на Господи воззвах», словами: ... *не выпльща се. Законодавца законоу съврѣшаща чинь...* Л. 40–45 – служба апостолу и первомученику Стефану (27. 12), включающая проложное житие в редакции нестишного Пролога (л. 43–43об.). Л. 45об.–51 – служба на Благовещение (25. 03). Л. 51–55об. – служба великомученику Георгию (23. 04). Л. 56 – заголовок службы апостолу Иоанну Богослову (8. 05), с отсылкой к сентябрьской памяти. Л. 56–58 – служба на Рождество Иоанна Предтечи (24. 06); текст обрывается на л. 57об. третьим тропарем песни 5, на словах: *бжню словоу хотещоу ѿ двѣх родити се. прѣсвѣтъ...*, начинается на л. 58 последней стихирой по каноне, словами: ... *дн вѣдѣа нмже х(с)е спсн дше наше како мл(с)рдь...* Л. 58–62об. – служба апостолам Петру и Павлу (29. 06). Л. 62об.–66об. – служба пророку Илии (20. 07). Л. 66об.–68об. – служба великомученику Пантелеймону (27. 07), без кон.; текст обрывается на богородичне песни 4-й канона, на словах: *Отроковице двѣце въ слѣ(д) ти по...* Л. 69–72 – служба на Успение Богородицы (15. 08), без начала; текст начинается уставными указаниями перед канонем; канон Климента Охридского, гласа 4, сокращен (от именного акростиха КЛИМ в песни 9 остались буквы ЛИ). Л. 72–76об. – служба на Усекновение главы Иоанна Предтечи (29. 08).

Л. 77–97 – Службы Триоди Цветной: Л. 77–80об. – В пяток Цветной седмицы; Л. 81–86 – В Лазареву («Цветную») субботу; Л. 86–91об. – В Великую субботу; 91об.–97 – На Вознесение.

Л. 97–100об. – служба на Богоявление (6. 01) с канонем Климента Охридского гласа 4 (по тропарям песни 9 именной акростих КЛИМ), без кон., текст обрывается второй стихирой «на хвалитех».

Значительные утраты (не менее 30 %) в составе рукописи частично восстанавливаются (разумеется, на уровне тематики, а не конкретного наполнения) при помощи перечня служб на обороте л. 1 (см. выше), представляющего (для времени создания кодекса) образец редчайший, если не уникальный. Из него следует, что в двух первых утраченных тетрадах помимо службы Иоанну Богослову, окончание которой сохранилось, находились последования на Рождество Богородицы и на Воздвижение Креста (соответственно 8 и 14 сентября). Сложнее обстоит дело с содержанием еще двух тетрадей, находившихся первоначально между современными листами 35 и 36, 76 и 77. В первом случае возможны два варианта. Если трактовать свидетельство «оглавления» буквально, то там, помимо окончания службы на Рождество Христово (почти полные пять песен канона и стихиры после него), помещалось последование на Богоявление и самое начало (заголовок и несколько строк) службы на Сретение, что вполне допустимо по объему. В таком

случае, служба на Богоявление в конце МТ (л. 97–100об.) помещена дополнительно (и это, возможно, указывает на посвящение храма). Но почти столь же вероятен и другой вариант – храм был посвящен Рождеству Христову и служба на этот праздник содержала два канона, помещенных последовательно (в таком случае «оглавление» не отражает реальной последовательности текстов). Во втором случае ситуация с утраченной тетрадью (между л. 76 и 77) представляется совершенно неясной, поскольку между службой на Усекновение главы Предтечи, завершающей список минейных (29 августа), и началом триодного цикла в «оглавлении» ничего не значит. Можно лишь допустить, что писцом было пропущено упоминание службы на Положение пояса Богородицы (31 августа). Разумеется, при любом варианте реконструкции нельзя не пожалеть об утратах. Дошедший в рукописи гимнографический материал (см. ниже) позволяет допускать, что число памятников оригинальной славянской гимнографии в МТ исходно могло быть больше. И здесь нельзя не вспомнить, что древние славянские каноны на Рождество Богородицы и на Воздвижение Креста, некогда несомненно существовавшие [15. С. 409–410; 17. С. 23–27], до наших дней не дошли (во всяком случае в полном объеме и с акростихом).

В целом, как уже говорилось, МТ представляет сочетание предельно краткой Миней праздничной с изборной Триодью Цветной. Такой тип книги более характерен для древнерусской традиции (так называемые «Праздники»)⁹, чем для южнославянской. Отсутствие в рукописи служб Постной Триоди указывает на то, что эта книга имела в церкви¹⁰ или у священника отдельно. Само по себе это достаточно раннее свидетельство раздельного бытования в рукописной традиции великопостного и пасхального (и послепасхального) цикла песнопений, поскольку до распространения у южных славян Иерусалимского богослужебного устава (первая половина XIV в.), обе Триоди составляли обычно один том (см., к примеру: [10. С. 190–191 (№ 170), 239–241(№ 221–222), 331–337 (№ 405–415)]).

Памятников древнейшей славянской гимнографии в МТ, как уже сказано, два – службы на Успение Богоматери и на Богоявление. Обе принадлежат перу Климента Охридского и снабжены его кратким именованным акростихом (КЛИМ) по тропарям 9-й песни канона, причем в первом случае от этого краегранесия из-за исключения двух тропарей сохранились только две средние буквы. Подобная сокращенная авторская «подпись» (наряду с полной – КЛИМЕНТ) широко представлена в творчестве этого ученика Кирилла и Мефодия, хотя в момент ее открытия – свыше 30 лет назад – исследователям приходилось обосновывать правомочность ее употребления [31. С. 120–122, 125; 14. С. 43–46]. Этим кратким

⁹ Правда, в древнерусских рукописях службы триодного цикла помещались обычно не в конце, а внутри минейного (между весенними и летними праздниками) – см., например: [10. С. 237–238 (№ 218), 361(№ 467); 11. С. 623–624 (№ д36)].

¹⁰ Дополнительным аргументом в пользу того, что МТ предназначалась для приходской церкви служит структура входящих в нее служб (см. выше). Для сербских Миней служебных, использовавшихся в монастырском или кафедральном обиходе (что для Сербии, где центрами епархий по преимуществу являлись крупные монастыри, по сути одно и то же), характерно отсутствие кондака и икоса после 6-й песни канона (приношу искреннюю признательность Р.Н. Кривко за это указание). А поскольку в сербской (равно как и в болгарской) средневековой рукописной традиции в принципе отсутствует Кондакарь (единственное исключение составляет список первой трети XIV в. составе сборника (ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 189, л. 251об.–282об., несомненно восходящий к русскому оригиналу [29. С. 268, 272; 30. С. 175–176, 181]), то можно сделать вывод, что кондаки и икосы в монастырских (и кафедральных) храмах исполнялись (пелись) по-гречески. Разумеется, в приходской церкви это было чрезмерной роскошью (хотя, в принципе, никто не мешал написать греческий текст для пения кириллицей).

акростихом снабжены как минимум восемь¹¹<?> из написанных Климентом канонов – помимо включенных в перечень 2003 г. [13] относится также открытый и опубликованный позднее канон Алексею человеку Божию [35; 17. С. 24; 36. С. 3, 21–27].

Обнаружение богоявленского канона гласа 4-го с акростихом-подписью Климента Охридского в известном смысле явилось неожиданностью для исследователей, поскольку в литературе известен славянский канон на этот праздник 2-го гласа с анонимным текстовым акростихом, введенный в научный оборот Г. Поповым почти четверть века назад [37; 31. С. 117; 14. С. 51; 15. С. 408]. Следовательно, исходно славянская служба на Богоявление включала два канона, что вполне согласуется с ее особо торжественным оформлением двойными циклами азбучных стихир и трипеснцами Константина Преславского и, вероятно, Климента [31. С. 118–120]. Явно второе – судя по номеру гласов (второй и четвертый) – положение Климентова канона в составе службы и послужило в дальнейшем одной из причин его малой популярности в рукописной традиции. При сокращении службы обычно использовался чисто позиционный принцип – исключался прежде всего второй канон. Близкую аналогию этому составляет судьба двух созданных одновременно канонов Константину-Кириллу Философу – 4 и 8 гласов: первый из них представлен 25 списками [38], второй двумя [39. С. 657–658; 40].

После находки нового памятника возник естественный вопрос: можно ли отыскать другие списки этой службы – разумеется, еще более дефектные, чем уже обнаруженный, лишенные большей части 9-й песни, где помещен акростих. За прошедшие 10 лет сделать этого не удалось (во всяком случае, в российских хранилищах), список в составе МТ остается уникальным. Возможно, со временем такой дефектный список и будет обнаружен, хотя более вероятны отождествления отдельных тропарей в составе комбинированных канонов на Богоявление. В любом случае наличие публикуемого канона в МТ лишней раз подчеркивает значение сербской рукописной традиции для сохранения древнейших славянских литературных памятников, в первую очередь гимнографических [41; 29. С. 103–114; 30. С. 479–490].

Принимая во внимание уникальность списка, уместно поставить вопрос о степени сохранности текста службы помимо мелких повреждений в результате угасания чернил и незначительных утрат пергамента. Вопрос не праздный, поскольку целый ряд древнейших славянских гимнографических текстов пострадал от исключения из них первоначально присутствовавшей второй песни (оба канона первоучителю Мефодию¹², канон Андрею Первозванному Наума Охридского [42]) и отдельных тропарей (канон Мефодию Климента Охридского [33. С. 6–13]). В нашем случае, когда акростих охватывает тропари лишь девятой песни, обнаружить текстологические утраты весьма трудно, но наличие в рукописи явно сокращенного канона того же Климента на Успение (см. выше) может внушать опасения и по поводу Богоявленской службы.

¹¹ Относительно еще одного минейного канона Климента – первоучителю Мефодию, дошедшего в единственном списке [32; 29. С. 47–72; 32] – ситуация представляется неоднозначной. Начальная часть акростиха, где находилось имя автора, сохранилась фрагментарно, поэтому его реконструкция напрямую зависит от представления исследователей о первоначальном составе канона. Так, Г. Попов реконструирует форму КЛИМ, исходя из тезиса об изначальном отсутствии в каноне второй песни и того факта, что первый тропарь песни 3-й начинается с буквы М («Молитвы твоє...») [33. С. 10–13]. Автор этих строк, напротив, полагает, что в каноне (по аналогии с канонами Кириллу Философу) исходно была вторая песнь, в первом тропаре 3-й песни изменен порядок начальных слов (первоначально было: «Твоє молитвы...») и имя читалось как КЛИМЕНТ [34. С. 106]

¹² Этому вопросу автор предполагает посвятить отдельное исследование. См. также примеч. 11.

Песни публикуемого канона с первой по восьмую включают по три тропаря, 9-я состоит из четырех, что отчасти, вероятно, продиктовано необходимостью завершить акростих. Ирмосы написаны сокращенно (даются лишь начальные слова, от одного до четырех), за исключением песни 3, где ирмос приведен полностью. Бросается в глаза почти полное отсутствие богородичнов. Этот тип песнопения присутствует лишь в песнях 7-й и 8-й, но не имеет заголовка «Бог(ородичен)», все остальные тропари, завершающие песни, явно лишены мариологической темы. Но отсутствие богородичных песнопений едва ли следует считать результатом сокращения первоначального текста. Известно, что в греческой традиции существуют каноны на чисто господские праздники (к ним не относится, естественно, Рождество Христово), где богородичны исходно отсутствуют. Таковы, к примеру канон «Космы мниха» (Козьмы Маюмского) на Богоявление [43. С. 801] и Иоанна Дамаскина на Преображение¹³. Характерно, что на славянской почве уже в глубокой древности (не позднее XI в.) песни первого из этих канонов были дополнены богородичными [43. С. 801]. Учитывая заметную ориентацию учеников Кирилла и Мефодия на гимнографическое творчество ближневосточных авторов VIII в. (см., к примеру [44. С. 3–8]), подобную особенность богоявленского канона Климента Охридского трудно не признать первичной. В объяснении здесь нуждается скорее появление одиночных богородичнов песней 7 и 8. Очевидно, сокращение не коснулось собственно канона, он и так был выбран для приходской Минеи праздничной, вероятно, за свою краткость, возможно, еще на уровне архетипа. Подробный разбор содержания Богоявленской службы в составе МТ ожидается во втором томе фундаментального труда Г. Попова «Старобългарска църковна поезия за Рождество Христово и Богоявление», работа над которым ведется в настоящее время.

Находка канона Климента Охридского на Богоявление в составе МТ не ограничивается констатацией факта, что в службе на этот праздник исходно присутствовало два славянских канона. Почти автоматически это означает, что два славянских канона было написано также и на Рождество Христово.

* * *

Служба на Богоявление с канонам Климента Охридского издается по единственному списку ГИМ, Музейское собрание, № 2835, л. 97–100об. с сохранением пунктуации оригинала. Выносные буквы вносятся в строку в скобках. Отточиями (в квадратных скобках и без них) обозначены нечитаемые места и физические утраты текста в рукописи. С прописной буквы помимо заголовков и начал песнопений даются имена собственные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы к истории славяноведения в России (1850–1812). М.; Л., 1948.
2. Щепкина М.В. Болгарская миниатюра XIV в.: Исследование Псалтыри Томича. М., 1963.
3. Кувев К.М. Съдбага на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-о изд. София, 1986.
4. Джурова А. Томичов Псалтир. София, 1990. Т. 1–2.
5. Щепкин В.Н. Болонская Псалтырь. СПб., 1906 (репринт – М., 2005).
6. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольищенко В.Ф. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 2 (Рукописи болгарские, сербские, молдавские) // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966.

¹³ Пользуюсь случаем поблагодарить Р.Н. Кривко, указавшего мне этот пример.

7. Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968.
8. Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно) / Сост. Н.Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966.
9. Рукописные книги XIII–XIV вв., не вошедшие в «Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР» // Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост. А.А. Турилов. М., 1986. С. 367–374 (Приложение).
10. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
11. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1.
12. Йовчева М. Проблемы текстологического изучения древнейших памятников оригинальной славянской гимнографии // *La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия: XIII Международный съезд славистов. Тематический блок № 14. Доклады.* София; Roma, 2003.
13. Нововыведенные оригинальные произведения древней славянской гимнографии IX–X вв. // *La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия: XIII Международный съезд славистов. Тематический блок № 14. Доклады.* София; Roma, 2003. Прилож.
14. Попов Г. Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // *La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия: XIII Международный съезд славистов. Тематический блок № 14. Доклады.* София; Roma, 2003.
15. Попов Г. Химнография старобългарска през IX–XI в. // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 4 (Т–Я. Дополнения).
16. Мошкова Л.В., Турилов А.А. Древнейшая оригинальная славянская гимнография // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11 (Георгий – Гомар).
17. Турилов А.А. К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (на материале минейных служб) // Старобългарска литература. София, 2006. Кн. 35–36.
18. Попов Г. Старобългарска църковна поезия за Рождество Христово и Богоявление. София, 2013. Кн. 1 (Климента пясни).
19. Кожухаров С. Палеографски проблеми на тита-нотацията в средновековните ръкописи от XII–XIII в. // Славянская палеография и дипломатика / Доклады и сообщения от семинара. София, 1980.
20. Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. Т. 1.
21. Васильев Љ. Три рукописних фрагмента из Левинове библиотеке у Москви // Археографски прилози. Београд, 1987. Бр. 9.
22. Турилов А.А. О датировке и происхождении рукописи Гомилиярия Михановича // *Slavia*. 2009. Рос. 78. Ses. 3–4.
23. Турилов А.А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софийнина (История и культура славян IX–XVII вв.). М., 2011.
24. Младеновић А., Недељковић Ј. О Четверојеванђељу бр. 102 (прва четвртина XIV века) из старе збирке Народне библиотеке у Београду // Археографски прилози. Београд, 2009–2010. Бр. 31–32.
25. Васильев Љ. Два непозната слова на Успење Богородице Климента Охридского // Свети Њирило и Методије и словенско писано наслеђе: 863–2013. Београд, 2014.
26. Mosin V. *Сiрiлски rukopisi Jugoslavenske Akademije.* Zagreb, 1952. Dio II (Reprodukcije).
27. Неволин Ю.А. Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 164–179. Табл. I–XI.
28. Васильев Љ. Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV века и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // Археографски прилози. Београд, 1984–1985. Бр. 6–7.
29. Турилов А.А. Межславянские связи эпохи Средневековья и историкокультурное исследование истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.
30. Турилов А.А. Исследования по славянскому и сербскому Средневековью // Студије из словенског и српског Средег века. Београд, 2014.
31. Станчев К., Попов Г. Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988.
32. Мошкова Л.В., Турилов А.А. «Моравские земле велеи гражданин» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // Славяноведение. 1998. № 4.
33. Попов Г. Службата на славянския първоучител Методий в Хлудовия миней 156 // Старобългарска литература. София, 2001. Кн. 32.
34. Турилов А.А. К изучению великоморавского литературного наследия между двумя юбилеями: промежуточные итоги, спорные вопросы и перспективы // Вестник славянских культур. 2015. № 1.

35. Савова В. Непознато химнографско произведение на св. Климент Охридски за св. Алексей Човек Божий (предварителни бележки) // Palaeobulgarica. 2003. № 2.
36. Савова В. Химничната прослава за Алексей Човек Божий сред православните славяни / Автореферат дисертация за присъждане на образователна и научна степен «доктор». София, 2014.
37. Попов Г. Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски // Български език. 1982. № 1.
38. Крысько В. Б. Старославянский канон Кириллу Философу: Источники и реконструкция. М., 2014.
39. Попов Г. Служби за Кирил и Методий старобългарски // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3.
40. Крысько В.Б. Служба Кириллу Философу по Синайскому списку // ПОЛУСТОР. Scripta slavica Mario Capaldo dicata. Москва; Рим, 2015.
41. Турилов А.А. Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // Славянский альманах. 1998. М., 1999.
42. Matejko L'. К poezii Zlatého veku // Slovensko-bulharské jazykové a literárne vzťahy. Bratislava, 1998.
43. Ильина книга: Древнейший славянский богослужебный сборник / Изд. подг. Е.М. Верещагин. М., 2006.
44. Попов Г. Канон за Рождество Христово от Константин Преславски // Palaeobulgarica. 1998. № 4.

Приложение

(л. 97) **Ж(С)ЦА ГЕННАР(А). ДНЬ. С. БОГОВАЛЕННИЕ** ГА нашего Ис Х(с)а. На ГН възва(х). О(с). Н. И поемъ стрѣ. гла(с). Ъ. по трн(т)цин[!]:

Просвѣтителѧ нашего, просвѣщающаго всякого члвкѧ. видѣвъ Прѣ(д)течѧ пришь(д)ша кр(с)тнтн се. ра(д)уѣтъ се душею. и трепещеть роукою. показане лю(д)мь и глѣеть. се естъ хотен избавити **ИЗЛѦ** сковаж(д)ане ны изъ нетаѣнниѧ. ѿ безгрѣшны **ХЕ БЕ** нашъ сла(в):

Иердѧнскнѧ водн. тебе источнника приише. паракантъ же зра (л. 97об.) комь голоуѣнномь хожд)аше. поклонен главоу прѣклонѧ **НЕСА**. что ли велши таже пате мене. азъ трѣбоую ѿ тебе кр(с)тнтн се. ѿ безгрѣшны **Х(с)Е БЕ** нашъ сла(в):

Избавителю нашемюу ѿ раба кршающоу се. послушествоующе. оужасоше се видеще ангабскаю коннства. гла(с) же с **НЕСЕ** прнде ѿ ѿца. се иемюже Прѣ(д)течѧ роукою касаеть се. **СНЪ** мон к(с) възлюбленни. ѿ нем же блгозволнхъ. ѿ безгрѣшны **Х(с)Е БЕ** нашъ сла(в) тебѣ:

Гла(в) и ннѧ. Прьвоуѣ На стн(х). гл(с). Ъ.

Съверѣмъ се мысаню вѣрны. къ Иердѧнскнмь водамь. пр(о)ркь ре(т). тако да вн(д)мь **Х(с)а** крщающа се. с(х). море видѣ.

Ѿ вифлемеда на Иорданъ прѣндѣмь. да оузримь всн Іоана. како крщають безгрѣшнаго. **С(х)**. что ти бы(с) море да побѣжеж и ты Иорда:

Не могоу творити ре(т). повелѣнни (л. 98) твоего **Х(с)е**. Прѣ(д)течѧ ре(т). азъ бо трѣбоую ѿ тебе кр(с)тнтн се. алн ты гре(д)ши къ мн(ѣ) како крщаю те безгрѣшнаго.

Гла(в) и ннѧ. С.

Облачающаго облаки **НБО** югда нага дрѣвле въ Иорданѣ видѣше. ре(т) **Кр(с)титель** не тръпеть **НЕСА**. нн члвци видеше чоу(д) страшно. еже ннѧ творши. ГН сла(в).

На үтрни **БЪ ГЪ**. Тро(п). пра(з). По трн(ш). Та(ж). ка(ф). Ре(т) **ГЪ ГВН** моемюу. Та(ж). сте(ф). Ѿ юности м(о): Та(ж). Про(к). гл(с). **Д. Я**оре видѣн побѣ(ж). **С(х)**. **Что** ти бы(с) море да побѣ. Та(ж). **Все** дыханнѧ. Та(ж). **Юв(г)анѧ** ѿ м(р). **Въ** ѿ(н)о врѣ(м) прнде **Исѣ** ѿ **Нз:**

Та(ж). Ка(н). гл(с). **Д. Пѣ(с). А.** **Въспою** ти:

Въспою ти **ГН БЕ** мон. тако неизре(т)н'но рож(д)ество нмѣе. **Нзъ** ѿца пл(т) бесѣмене приемь. **Иама** пакн водамн жнж(д)еть[!]:

Въспою ти **ГН БЕ** мон. тако страшна творши. бескврны нест(с)твомь на воды ннѧ прнде. и рабоу врѣхъ свон прѣклонн:

Поустыне вешед'на (л. 98об.) веселн се. Иорданомь кипеющнн. и странн Галнлѣнскн. се **спсѣ** приходнтъ. **Иама** хоте водамн обновитн:

Пѣ(с). Г. **Ирм(с). О** г(д)ѣ **бзѣ** моемь ср(д)це мое оутврѣдн се. нмже немоцин прѣпожа.

Кто виде **слнце** оцнщаемо. въ водахъ вѣтхы скврнн оцнщае. по(д) роукоу равню зре врѣхъ свон прѣкланяють:

Тварь бездѣшна. зрещи въ нищетнѣ образѣ. приходитъ на воды Иерданьскн(е) страхомъ днѣла шѣ се. и рабоу врьхъ скон прѣкланяюща:-

Гла(с) въпнюща въ поустыни. Исана дрѣвляе възоупн. оуготованте въ поустыни поутн гнѣ правые. гредоуща на Иордань кр(с)тнтн се:-

Гѣ(а) [!]. Гла(с). д. По(а). Каме(н). Исоу рож(а)ышоу се ѿ дѣвы Ирнѣ. дхъ сты сннде нань. зрнмъ въ образѣ голоуѣнн. его ради пр(о)ркъ съ англн въпнѣтъ. сла(в) прншьствню тн Х(с)е. сла(в) цр(с)твню тн. сла(в) [л. 99] смотренню тн еднне мл(с)рдѣ.

Пѣ(с). д. Оуслы(ш).

Въ нищетнѣ видѣбъ те образѣ. Иордан' оубоа се. и възврати шьствнѣ своѣ къспе(т):-

Вьстрепета Иовань видѣбъ те Х(с)е. тако проста тлѣвка. ндоуща крѣпѣнѣна оу него просѣща:-

Язь трѣбоую ѿ тебе кр(с)тнтн се вл(а)ко. а нли ты къ мнѣ грѣ(д)шн. Иовань въпнѣше съ страхомъ.

Пѣ(с). е. Вьснавѣ.

Трепетно днветъ се оубо. хероуѣннн съ страхомъ серафннн ра(д)ующе се:-

Страшна ннѣ творншн. Иовань къ Х(с)оу въпнѣше. сла(в) тн наше кство[!] обновл'ш(ѣ):-

Прострн оубо прѣч(с)тоую деснцоу. вл(а)ко и кр(с)тн мѣ. советшавша грѣхн. ты бо мн кси свѣтъ и въскрѣсеннѣ:-

Пѣ(с). з. Ирм(с). Възоупналь проо:-

Кнѣ грѣхн оиднтн хоцешн вл(а)ко. Иовань въпнѣше Х(с)вн. прострн твою прѣч(с)тоую деснцоу и кр(с)тн мѣ:-

Иадамково кство ннѣ обновляѣ. и цть ор... да тѣло[?] в роукоу мою (л. 99об.) обновнтъ се. прострн роукоу и кр(с)тн мѣ:-

Познавъ те Иордань съ страхомъ шьствн(е) своѣ възврати. то како тн крѣпоу. скврьнн на тебѣ не внде:-

Во(а). Гла(с). д. Вьзне:- Просвѣтъ се въселенѣн свѣ(т) твои гнѣ. и знамена се на на(с) въ разоум поющнмъ те прнде бо и тавн се прѣч(с)тын свѣ(т) твои.

Ико(с). Галнлѣнскоу языкоу. и Завлонн странѣ и Неф-фалнннн землн. такоже ре(т) пр(о)ркъ. свѣтъ въселенѣн вьснахъ. оидраченымъ тавн се свѣ(т)лаа зарѣа. нз вн-флесола обланстающн. и патѣ нз Ирнѣ г(с)ь. всѣн въселенѣн вьсна лоуча тлѣнца праведнаго. тѣмже ѿ адама назн прндѣте сыгрѣемъ се. оидѣеть бо нагн Х(с)ь и просвѣщаѣеть тьм'ныѣ. ко(ц). прнде бо и просвѣтъ:-

Пѣ(с). з. Ирм(с). ѿчьскн бѣ :-

Оутрѣпата мн роуцѣ. не навьк'ши творнтн Иовань къ Х(с)оу въпнѣше:-

Язь трѣбоую ѿ тебе кр(с)тнтн се. и всн прѣдстоѣющн народн. али тн къ мнѣ грѣ(д)шн. (л. 100)

Не протнви дн се твор'ць ре(т)е нь тако тн велю тако створн. роукоу твою прострн прндн н кр(с) тн ле слюу дх'обкою:-

ИЗБАВИ ОДРЪЖИЛА МЕ ГЖ(Д)Е ѿ ВСѢХЪ ЗЪЛ' ПРИЛЕЖНО ПОМЛЄЩИ БЕЗНАЧЕЛНАГО СНА ЈЕГОЖЕ ѿЦЬ ВЪСѢА НА ЗЕМЛН.

ПѢ(С). Н. РМ(С) [!]. ЦРА Х(С)А БА [!] ЈЕГОЖЕ.

Народн прѣ(д)стои[ц]ни слышаще Прѣдвнана Х(с)а къ Іоанову глагоща. выпнюще вса дѣла га понте.

О(т)ць с нбсе послушствоваше. се кр(с)тит' се снъ мон възлюбленн. того послушан(т) :-

Тронца на Иорданѣ. извѣстно яви се. ѿць с нбсе дх'омъ сна. народоу показа выпнє. се прнде обновити йдана:-

Ц(с)ра Х(с)а јегоже родн намь. стаја дво мти йрна. н по рож(д)ьствѣ ч(с)таја двою прѣбы(с):-

ПѢ(С). Ф. Ирм(с). Възвелнчнмь.

К Кто нзрешн можеть страшное вл(д)кн. въ смѣрение прише(д)шаго. н рабоу врь(х) прѣкланяюща:-

Л Днца беспль(т)ны страшно прѣ(д)стоеть (л. 100об.) крны закнрающе. не могоуще (зрн)ти ба' пль(т)ю ѿ раба крщающа се:-

И ИЗБАВИТЕЛЮ ДН(С)Ъ НА ВОДЫ ПРИШЬ(Д)ШОУ ТВАРЬ ВЪЗВЕСЕЛН СЕ. ПРИИМ'ШИ СВЮДО[ОУ] ѿ РАБОТЫ ГРѢХОВНЫЕ:-

И Иоре тн видѣвъ повѣже. Из(д)ранлю... [нсьхо]деща. ннѣя же новые люди проводеще банею пакн породеща. Иор(д)ань воспеть възврати се:-

Свѣ(т) :- Ъвн се въ мнрѣ инсѣ блг(д)ть н истнна [въ] водахъ Иор(д)аньскнхъ. да сѣрошееть тьмѣ н въ сѣнн просвѣтнаъ е(с). н всн[?] [...] Иор(д)анѣ кр(с)ти се ГЪ :-

От(х)ре на хвалн. Гл(с). Н. Г(с)н испльнитн хоте. јакже нарекаъ јен ѿ вѣка. н ѿ всек тварн слоужнтеля таннѣ прнеть ѿ англъ Гаврн(л). ѿ члвкѣ двцоу. ѿ нбсе звѣз(д)оу. ѿ водь Иорданову. въ нејмеже безакон[ниє] мнрноюе потрѣбн. спсе наш [...]

Јакже видѣше те вл(д)ко. Іоань Прѣ(д)теча к сеѣѣ ннѣя гредоуща. прнлн...

© 2016 г. Б.Н. ФЛОРЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДРЕВНЕПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И ЕГО РАЗВИТИИ
В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА
(Я. ДЛУГОШ И М. КРОМЕР)

В статье рассматриваются представления о политическом строе древнепольского общества и его эволюции. Эти представления ориентировались на решение актуальных политических задач, для которых создавались прецеденты в далеком прошлом.

The article considers concepts of the political system of the ancient Polish society and its evolution. These concepts were designed to solve acute political tasks, for which purpose precedents were created in the remote past.

Ключевые слова: Древняя Польша, знать и правитель, политический строй и его эволюция.

Keywords: Ancient Poland, aristocracy and ruler, political system and its evolution.

Первый исторический труд, созданный в Польше в начале XII в. – Хроника Галла Анонима [1], представлял собой историю династии Пястов и начинал свое повествование с ее прихода к власти. На страницах этого труда Пясты выступают как «природные господа» поляков [1. I. 19–20; II. 16], а Польша как их наследственное владение (*patrimonium*) [1. II. 8]. Когда поляки изгнали своего князя Казимира, на страну обрушились несчастья, справедливо постигшие тех, «кто не сохранил верности природным господам» [1. I. 19]. Никаких способов организации общества, кроме монархии, повествование Галла не знает.

Существенно иначе обстоит дело в написанной в конце XII в. Хронике Винцента Кадлубка [2]. В этом повествовании в истории «лехитов» – предков поляков выделяется некий догосударственный период, за которым последовало установление монархии. Однако только после появления монархической власти были созданы права и законы, установлен справедливый общественный порядок [2. I. 5]. Когда временно монархия перестала существовать, общество пришло в упадок [2. I. 7]. Таким образом, общество могло существовать и без монархии, но это было плохое существование. Монархическая власть была для хрониста единственным способом рациональной организации общества.

Сочинение Кадлубка явилось главным источником «Великопольской Хроники» [3] – исторического труда, созданного в своей основной части, возможно, в конце XIII в., но, по мнению ряда исследователей, принявшего свой окончатель-

---

Флоря Борис Николаевич – член-корр., зав. отделом Института славяноведения РАН.

ный вид под пером Янка из Чарнкова, подканцлера короля Казимира Великого¹. Однако древняя история поляков описывается здесь существенно иначе, чем у Кадлубка. Так как никаких других источников, где бы содержались сведения о древней истории поляков, в распоряжении авторов «Великопольской хроники» не было, то внесенные изменения следует расценить, как очевидный вымысел, цель которого можно попытаться определить, анализируя эти изменения.

Так, здесь указывается, что до избрания монарха «лехиты», «как братья, происходившие от одного отца», избирали из своей среды «двенадцать наиболее знаменитых и богатых людей», которые управляли страной, «они ни от кого не требовали податей, не принуждали оказывать услуги». «Опасаясь нашествия галлов», они избрали начальником войска некоего мужа по имени Крак, который после победы над галлами, был провозглашен королем [3. R. I]. Таким образом, в древние времена страной управляли выборные «лучшие люди», которые хорошо справлялись со своими обязанностями (явно даже лучше, чем монархия, накладывавшая на население подати и требовавшая услуг). Институт монарха появился лишь тогда, когда нужно было бороться с внешней опасностью.

Далее, как и у Кадлубка, говорится о временном исчезновении института монархии, но, если, согласно Кадлубку, общество пришло в дурное состояние, то в «Великопольской хронике» лишь кратко отмечено, что «лехиты» выбирали воеводу и 12 советников. Никаких отрицательных оценок их правления текст хроники не содержит, а далее лишь кратко отмечается, что некий Лешек (Lestko) был избран монархом после одержанной им победы над войсками Александра Македонского (сообщение восходит к тексту Кадлубка [3. R. II]). Таким образом, «лехиты» не хотели восстанавливать монархию и учредили, учитывая прежний опыт, институт «воеводы» – выборного главы войска помимо 12 советников, но это не помогло, когда в Польшу вторглись войска Александра Македонского, и монархия была восстановлена как институт, необходимый для борьбы с внешней опасностью.

И труд Кадлубка, и «Великопольская хроника» были хорошо известны Длугошу, когда в начале 60-х годов XV в. он работал над текстом начальной части своих «Анналов». Как показывает сопоставление текстов, сообщения предшественников Длугош существенно переработал и дополнил рядом своих характеристик. Если для Кадлубка, как и для других авторов раннего средневековья (как Нестор или Козьма Пражский), история общества достаточно четко разделяется на догосударственный и собственно государственный период, связанный с возникновением монархической власти, то в исторической схеме Длугоша такого разграничения нет. Монархическая власть главы поляков – Леха появляется сразу же со времени его появления на польских землях [5. S. 87]. В научной литературе справедливо отмечалось, что для Длугоша древнее общество было принципиально таким же, как и общество ему современное [6. S. 189]. Уже в рассказе о поселении Леха и сопровождавших его людей на новой земле и основании столицы – Гнезна говорится об избрании места для города князем и «благородными» («*nati maiorum*»), находящимися под его властью [5. S. 105].

О структуре этого общества в представлении Длугоша судить более точно позволяет рассказ о событиях, происходивших в Польше после пресечения династии Леха. В нем на сцене общественной жизни появляются и принимают решения две общественные группы, которые хронист определяет как «*proceres*» – знать, знатнейшие и «*nobilitas*» – «благородные», т.е. дворянство. Собравшись в Гнезно они устанавливают порядок управления страной [5. S. 119]. Правда, рассказывая в дальнейшем

¹ Обзор дискуссии о времени создания и авторстве «Великопольской хроники» см. [4. С. 17–19].

об избрании польским правителем Крака, Длугош отметил, что «nobilitas wlgusque desiderare unum principem» [5. S. 123], но в дальнейшем подобная формула больше не встречается, при сменах монархов постоянно фигурируют только две указанные выше общественные группы. Так, для избрания монарха – основателя новой династии Пястов «proceres nobilesque Polonorum» собирают «generale conventum» [5. S. 157]. Позднее избранному монарху повиновались «proceres et universa nobilitas Polonorum» [5. S. 163]. Некоторые детали рассказа о злом правителе – Попеле позволяют точнее представлять себе, кто были фигурирующие в тексте «proceres». Так, здесь говорится, что он не слушал советов своих «баронов» [5. S. 147], как в польских текстах XIII–XIV вв. обозначали представителей знати. Малолетний Лестко, сын Земомысла, также пребывал в своем детстве под опекой «баронов» [5. S. 167]. Этими двумя группами и исчерпываются активные участники политической жизни. Правда, в рассказе о принятии Польшей христианства говорится о крещении вместе с князем Мешко I «баронов» и «нобилей», а также «первых из городов» [5. S. 176]. Но это свидетельство также единично, и такая формула больше не повторяется. Возможно, хронист имеет здесь в виду воевод – институт, созданный, по мнению хрониста, в древние времена, но описанный Длугошем в выражениях, характерных для его времени [5. S. 132–134]. Этот пример еще раз показывает, что, по представлениям Длугоша, древнее общество состояло из тех же общественных слоев, что и во время его жизни. Однако, если социальная структура общества была в его представлении неизменной, то менялись его условия жизни и неоднократно изменялся политический строй. К этим изменениям, о которых он писал много и подробно, Длугош явно хотел привлечь внимание читателя и объяснить ему причины происходивших перемен.

Древнее общество во время Леха и его наследников описывается как общество, не знающее торговли и денег, удовлетворяющее свои потребности местными продуктами и домотканой одеждой, не имеющее прочных контактов с соседями. Была спокойная жизнь, когда не было ни войн, ни актов насилия. Эту эпоху в жизни общества Длугош готов был назвать «золотым веком» [5. S. 114–116]. Такое описание в идиллических тонах жизни древнего общества, ориентированное на тексты античных авторов, Длугош в значительной части заимствовал из чешской хроники Пулкавы второй половины XIV в. [7. S. 62]. Однако, если в чешской традиции речь идет о счастливой жизни людей, не знающих какой-либо власти, то в обществе, которое описывает Длугош, центральное место принадлежит княжеской власти. Вслед за Пулкавой он пишет о том, что эти люди не знали законов, но одновременно добавляет, что законом для них были решения князей. В приписке к основному тексту специально отмечено, что князь решал, что разрешать, что – нет. В пользу князя население несло разные повинности, снабжало княжеский двор различными продуктами и звериными шкурами [7. S. 115].

О характере отношений между княжеской властью и населением Длугош специально говорит в последующем повествовании, когда речь идет о том, как «proceres» и «nobilitas» собрались в Гнезно после пресечения рода Леха, чтобы решить вопрос о том, какой политический строй будет теперь в стране.

В этой связи в обширной вставке в первоначальный текст Длугош указывает, что князя руководствовались только своими желаниями, подвергали насилию женщин, лишали людей имущества и жизни без судебного приговора [7. S. 119]. Все это явно не согласуется с приведенным выше определением древнего общества, как живущего в «золотом» веке и не знающего актов насилия. Вместе с тем очевидно, что хронист говорит о вреде единоличной, никем не контролируемой власти, и о праве, которое должно дать членам общества определенные гарантии.

Участники съезда в Гнезно приняли решение освободиться от ига монархической власти и установили законы, которые соответствовали бы «*rudi illi et agresu seculo*». Для управления страной были избраны 12 мужей «*ex proceribus*», отличавшихся нравственной жизнью и духовными качествами, а также благородством происхождения и богатством [7. S. 119]. Эту характеристику Длугош заимствовал из «Великопольской хроники».

Хронист XIV в. явно одобрял их действия. Совсем иную картину рисует Длугош. С наступлением «свободы» поляки оставили суровую дисциплину и обычаи. Они относились с пренебрежением к 12 правителям и их решениям, зная, что их за их поступки никто не накажет. А народ (*wlgo*) обвинял правителей в том, что они руководствуются собственной корыстью и нарушают законы. Так возникла «*odia*» между «*prefectos et communitates*». Обрисованную картину Длугош сопроводил специальным комментарием. Поляки правильно решили основать свое государство «на свободе и законах», «*sacius parere legibus quam regibus*», однако народ, за исключением немногих, состоял из заносчивых, дерзких и сварливых людей, совершавших насилия. В дальнейшем мы узнаем, что эти люди совершали насилия не только в своей стране, но и в соседних землях, что привело к войнам поляков с соседними народами [5. S. 120].

Эти высказывания Длугоша есть смысл сопоставить с его характеристикой польской «*nobilitas*», образовавшей часть его рассказа о жизни поляков во времена их первого правителя Леха и его потомков. В этой характеристике отмечаются такие положительные черты польских «*nobiles*», как жажда славы и презрение к смерти, гостеприимство, но, наряду с этим, фигурируют такие качества, как жажда добычи, угнетение подданных и лиц низшего положения, несдержанность в словах, жизнь не по средствам [5. S. 108]. Сами положительные качества могут становиться источником пороков: презирающий смерть с тем большей охотой убивает других [5. S. 109]². Очевидно, что причиной описываемого кризиса явилось поведение представителей польской «*nobilitas*».

В таком развитии событий повинны были дурные качества дворянства – шляхты, но во время начавшихся войн обнаружили и дурные качества правителей. Более слабые, угнетаемые могущественными, получали помощь от правителей с опозданием. Следуя своим амбициям, правители оказались неспособны к согласованным действиям – «*multorum imperium non posse fieri utile*». К этим словам Длугош затем приписал, что для прекращения начавшихся столкновений и убийств необходимо было вернуться к монархии [5. S. 120]. Монархия выступает здесь как своеобразный инструмент сохранения единства общества, что было особенно важно в условиях войны. Хронист подчеркивает, что восстановления монархии желало все общество («*omnis nobilitas wlgusque*»). Сообщение о таком решении Длугош снабдил специальным комментарием. Хотя свобода была «*omnibus preferenda*», все опасались попасть в рабство к врагам и тем самым эту свободу утратить. Таким образом, монархия выступает и как институт, необходимый для борьбы с внешней опасностью. Однако этим дело не ограничивается. Монарх – то лицо, которое обеспечит равное право для всех членов общества [5. S. 123]. Так обрисовываются две важные функции монархии – борьба с внешней угрозой и поддержание социального мира. Об опасностях, которые могут исходить для членов общества от единоличной власти, Длугош здесь не говорит и не обсуждает вопрос о гарантиях от возможных злоупотреблений. Возможно, речь

² Приписка Длугоша к основному тексту.

идет об обществе, в котором уже существуют законы, и они, отсутствовавшие при потомках Леха, могут служить такого рода гарантией.

Дело не разъясняет рассказ о правлении избранного монарха Крака – Гракха. По словам Длугоша, он не был тираном, заботился о благе подданных, «*tudum et ferocem populum magis benevolentia quam imperio in fidem continuit*» [5. S. 124]. Говорится об установлении Краком законов, но ничего не сообщается об их содержании [5. S. 126].

В дальнейшем повествовании говорится, что после смерти Крака и его дочери Ванды поляки снова вернулись к свободе и избрали 12 «префектов» (сведения Длугош заимствовал также из «Великопольской хроники»). Это решение Длугош сопроводил обширным комментарием. 12 префектов были избраны по числу провинций, на которые делилось Польское государство, и каждый из них стал во главе одного округа как его глава – «воевода». Эти правители должны были обеспечить защиту страны, подавлять непокорных, поддерживать порядок, сохранять права. Длугош подчеркивает, что этот институт, созданный в древние времена, продолжает существовать и в его время, и подробно характеризует компетенцию воеводы, основываясь на современном положении: воевода рассматривает в суде «*maiores causas*», руководит войском, созывает съезды, вообще руководит жизнью «провинции». Избирают на эти должности «*maiores natu*» из числа наиболее одаренных, так как от них зависит спасение или гибель государства.

Таким образом, этот институт, который формируют представители знати, оказывается совершенно необходимым для самого существования государства и общества. Особенно существенно замечание Длугоша, что и после нового появления монарха воеводы продолжают пользоваться той же властью, которой они пользовались во времена «свободы» [5. S. 133–134]. Очевидно, что в этих формулировках получила отражение связь Длугоша с малопольской знатью, одним из главных лидеров которой был патрон Длугоша – Збигнев Олесницкий. Характерно, что на этот раз власть 12 префектов, возглавивших общество в отдельных провинциях, не вызывает у Длугоша критических замечаний. Правители, – отмечает он, – стремились править, стараясь «не оттолкнуть поляков суровостью, чтобы не стали снова желать князя и не уничтожили свободы, при которой постепенно расцветала жизнь частная и публичная». Народ, однако, снова пожелал смены правления, «веря, что под властью правителя жизнь будет более счастливой» [5. S. 133–134]. На положение дел наложили отпечаток и неудачи в борьбе с противниками на территории Паннонии и Моравии, и одержавший победу полководец стал новым монархом. Так получается, что монархия существует благодаря неразумию «народа» и потому, что нужно бороться с внешней опасностью. Однако, как увидим далее, это было бы явным упрощением взглядов Длугоша.

Для полного представления об этих взглядах следует проанализировать два обширных рассказа о событиях последующего времени, которые не имеют аналогов в предшествующей традиции. Первый рассказ о том, как «*proceres nobilesque Polonorum*» собрались избрать нового правителя после гибели злодея Попеля. Между участниками, как пишет Длугош, начались споры, продолжавшиеся много дней. В итоге участники, разделившиеся на разные партии, разъехались с «ожесточенными душами», «*nullo ordine pro administrando republice procurato*» [5. S. 157]. Затем начались нападения соседних народов, которые стали захватывать польские земли. А Польша не могла дать отпор, так как страну разоряли междоусобные войны. Перед Польским государством открылась перспектива полного упадка.

«*Primi proceres*», испугавшись опасности, снова созвали съезд для выборов монарха, но много дней его участники снова никак не могли договориться между собой из-за распрей между вельможами [5. S. 160–161]. Лишь благодаря вмеша-

тельству небесных сил правителем Польши стал Пяст, прекратились и нападения врагов, и разбои, и восстановилась сила государства, ослабленного «ex baronum et nobilium intestina commocione et guerra»³. Таким образом, предоставленная самой себе польская политическая элита оказывается неспособной к солидарным действиям, не может организовать защиту страны и установить в ней мир.

Далее в повествовании помещен рассказ о событиях, происходивших после смерти Мешко II. Тогда снова «proceres» не смогли договориться, кто будет его преемником, и затем бароны и milites изгнали его вдову, временно управлявшую страной. После этого началась «bellum atrox civile in Polonia». Сначала начались кровавые столкновения между вельможами и воинами, а затем на смену убитым пришли «vilia seruogum manseria», которые стали захватывать имущество вышестоящих, а также грабить храмы и убивать священников. Крестьяне стали разбойниками, и большие их банды ходили по стране⁴. Этот рассказ снова демонстрировал неспособность правящей элиты к солидарным действиям. Таким образом, монархия оказывалась институтом, необходимым не только для борьбы с внешней опасностью, но и для прекращения раздоров в рядах элиты и установления мира и порядка в стране.

Эта последняя функция монархии подчеркивается в рассказе Длугоша о правлении первого польского короля Болеслава Храброго, который выступает в его повествовании как идеальный правитель. Такое отношение к Болеславу I характерно для всей польской исторической традиции, начиная с Хроники Галла Анонима. Однако непосредственные предшественники Длугоша – Кадлубек и автор «Великопольской хроники» отмечали его заботу о церкви и военные успехи. Пишет об этом и Длугош, но привлекает внимание и к другим сторонам его деятельности. Так, он подчеркивает его заботы о поддержании порядка и социального мира. Он устанавливал законы «ad unitatem civium et concordiae». Он вел борьбу со злодеями, изгоняя их из страны. Злоупотребления и насилия были в годы его правления редки, так как все боялись королевского гнева, а судьями король назначал людей богобоязненных и справедливых. Особо отмечено, что вдовам, сиротам, простым людям он назначал защитников, содержание которых оплачивалось из казны [5. S. 276, 291].

Вместе с тем написанный Длугошем некролог Болеслава Храброго показывает, решения каких важных задач добивалась «правильная» монархия. Хронист утверждает, что благодаря усилиям этого монарха поляки, бывшие некогда варварами, были из простой и дикой жизни приведены к жизни городской и гражданской, к нравам гражданским и благородным [5. S. 297]. Таким образом, «правильная», не «тираническая» монархия⁵ могла сыграть большую роль в поступательном развитии всего общества. Если поставить вопрос, к какому выводу подводил Длугош своим повествованием о переменах политического строя Польши в древнейший период ее истории, то, как представляется, читателю внушалось убеждение об одобрении политического строя, сложившегося в Польше ко второй половине XIV в., когда значительная власть находилась в руках монарха, направлявшего общество по пути развития цивилизации, и при этом он сотрудничал со знатью, занимавшей высокие административные должности, и с дворянством – «nobilitas», периодически привлекавшимся к решению важных полити-

³ Предшествующая традиция ничего не знает о раздорах и тяжелом положении страны перед избранием Пяста [5. S. 163].

⁴ Стоит отметить, что в более ранних рассказах об этих событиях раздоры в среде социальной элиты не фигурируют как главная причина кризиса [5. S. 311, 313, 317–318].

⁵ См. указания о Краке, что он не правил «more tyrannidem et superbiam [...] sed pro subditorum utilitate [...] administrans» [5. S. 124].

ческих вопросов⁶. В XV в., по убеждению хрониста, это равновесие, с ущербом для страны и государственной власти, было нарушено в пользу дворянства (см. [9]). Изложение Длугоша должно было убедить читателя, что описанное им политическое устройство является единственно правильным, найденным польским народом после целого ряда проб и ошибок еще в древние времена.

На тексте Длугоша лежит отпечаток определенной двойственности. Представление о высоком значении монархии и ее особой роли сочеталось с явными симпатиями к коллективному правлению знати. Такая двойственность хорошо объясняется особенностями биографии автора – выходца из среды малопольской шляхты, секретаря лидера малопольской знати – краковского епископа Збигнева Олесницкого, а позднее – человека, близкого к королевской семье, воспитателя сыновей короля Казимира IV⁷.

Автор сочинения, признанного образцом изложения польского прошлого во второй половине XVI в. (в декабре 1579 г. оно было одобрено сеймом), Мартин Кромер, происходил из иной общественной среды и имел иной жизненный путь. Выходец из мещан малопольского городка Беча, он, подобно ряду других представителей своего сословия, искал возможности для социального возвышения на королевской службе. Со временем его старания увенчались успехом, когда он стал князем церкви – епископом вармийским. Однако к середине 50-х годов XVI в. М. Кромер как краковский каноник и королевский секретарь, неоднократно выполнявший важные поручения монарха⁸, занял важное место в рядах новой политической элиты, формировавшейся в окружении молодого короля Сигизмунда II Августа. Характерно, что ближайший сотрудник короля, канцлер Ян Оцеский, поручил М. Кромеру составить описание документов, хранившихся в государственной казне. Опираясь на эту элиту, молодой монарх стремился укрепить свою власть и не допустить расширения полномочий выборных дворянских представителей. Исследователи с основанием видят в появлении «Хроники» Кромера определенный правительственный заказ. Справедливо обращается внимание на то, что 14 ноября 1555 г. король навечно освободил от уплаты налогов дом Кромера в Бече, и среди его заслуг специально отмечено написание хроники [12].

Уже все эти различия в биографии двух духовных лиц говорят о том, что Кромер не мог механически заимствовать у Длугоша его характеристики политического строя древнепольского общества. Расхождение выявляется уже при характеристике наиболее древнего периода в истории польского общества. Конечно, Кромер, как и Длугош, считает, что уже Лех был настоящим монархом, как и его потомки, но его характеристика этой монархии заметно отличается от характеристики Длугоша. Правда, никакого «писаного» права в то время не существовало, и Лех принимал решения по собственному мнению, но оно исходило «ex equo et bono». При этом Кромер специально отметил, что вольный и дикий народ (*liber et ferox populus*) не стал бы долго терпеть грубого, надменного, глупого и не знающего меры правителя [11. К. 26]. Нельзя не видеть в этом скрытой полемики с отрицательной характеристикой монархии Леха и его потомков в «Анналах» Длугоша.

Когда Кромер рассказывает об установлении власти 12 правителей после пресечения рода Леха, он вслед за Длугошем говорит об опасениях, что единоличная власть может привести к тирании, но одновременно отмечает, что могуществен-

⁶ См. высокие оценки Длугошем деятельности короля Казимира Великого в [8. S. 350–351].

⁷ О главных вехах биографии Яна Длугоша см. [10].

⁸ Не случайно в обращении к Сигизмунду Августу, открывавшему его «Хронику», М. Кромер подчеркивал свою близость к монарху, установившуюся еще тогда, когда он был великим князем литовским [11. Proemium, k. 2–3].

ные люди не могли договориться о том, кто будет новым монархом. Если Длугош писал об установлении 12 правителями законов, то Кроммер пояснял, что речь идет о немногих и самых простых правилах, характерных для «грубого» времени и основанных на обычае [11. К. 27].

Далее оба хрониста говорят о плохом положении дел в стране, но указывают разные причины такого состояния. Длугош возлагает ответственность прежде всего на «*vulgus*» – простонародье, которое не повиновалось распоряжениям вышестоящих, зная, что за это никто не накажет. У Кроммера главная ответственность падает на правителей-«воевод». Они заискивали перед народом, восхваляя его свободы, а одновременно поддерживали «*per fas et nefas*» «своих» и терроризировали тех, расположения которых не могли завоевать. Каждый из них считал себя и правителем, и правом. Поэтому население и не подчинялось их распоряжениям [11. К. 27]. Налицо резкая критика олигархического правления, и на олигархов возлагается главная ответственность за плохое положение дел. Порядок установился только с избранием единоличного правителя – Крака, который обуздал наглость бесчестных и установил судей для разбора споров [11. К. 29].

Похвалы нового правления 12 воевод после смерти Ванды в труде Кроммера отсутствуют, и о самом этом эпизоде сказано предельно кратко. Говоря о правлении Лешко II, Кроммер отметил, что он был «*acer vindex*» для «могущественных», виновных в несправедливостях и насилиях [11. К. 33]. Подобный текст в «Анналах» Длугоша отсутствует. О дурном правителе – Попеле II сказано, что он пренебрегал жалобами людей и не рассматривал их в суде [11. К. 37].

Таким образом, уже при характеристике древнего периода польской истории (до прихода к власти династии Пястов) Кроммер подверг текст своего главного источника – «Анналов» Длугоша серьезной переработке. Были удалены все высказывания, в которых выражались симпатии к правлению знати и отрицательные оценки института монархии, и, наоборот, были внесены отрицательные характеристики действий могущественных магнатов и отмечена роль монарха как защитника простых людей. М. Кроммер внимательно воспроизводит рассказы Длугоша о неспособности правящей элиты избрать нового монарха после гибели убитого мышами Попеля II [11. К. 38–39]. Заимствует он из «Анналов» Длугоша и похвалу Болеславу Храброму, который диких и воинственных людей привел к цивилизованной жизни [11. К. 51–52].

В своем труде Кроммер поместил подробное описание правления Болеслава Храброго. В польской исторической традиции Болеслав Храбрый занимал особое место, как идеальный монарх, действия которого должны были служить образцом для других правителей более позднего времени. Не отошел от этой традиции и Кроммер. Так, он воспроизвел высказывания Длугоша об опеке этого монарха над бедным человеком [11. К. 64], но и внес ряд важных дополнений.

Особое место в этой характеристике уделено мерам, предпринятым Болеславом для укрепления военных сил Польского государства. В его тексте говорится не только о строительстве крепостей и мерах по снабжению их гарнизонов. Здесь также отмечается, что для каждого воеводы было установлено количество вооруженных всадников, которых следовало подготовить к участию в походе по приказу короля. Это сообщение М. Кроммер сопроводил комментарием, что со временем эти меры были отменены «*magno reipublicae detrimento*» [11. К. 64–65]. Эти высказывания Кроммера, как представляется, были связаны с тем, что вопрос об укреплении военных сил Польского государства стал актуальным в середине XVI в. с усилением опасности со стороны Османской империи. На сеймах в середине 40-х годов XVI в. обсуждались проекты военных и финансовых реформ, которые

должны были укрепить обороноспособность государства. Один из проектов, которые так и не были приняты, «Census», принадлежал самому Мартину Кроммеру. В этих условиях важно было напомнить, что еще Болеслав Храбрый устанавливал нормы обязательной военной службы дворянства.

Значительное место в характеристике правления Болеслава Храброго уделено его отношениям с церковью. Вслед за Длугошем Кроммер говорит о почитании Болеславом духовных лиц, об освобождении им владений церкви «навечно» (*sempiterno*) от налогов и повинностей. Вместе с тем в его тексте появляется ряд новых сюжетов, связанных с нелегким положением польской церкви в середине XVI в. Среди польского дворянства к этому времени образовалось влиятельное меньшинство сторонников различных течений протестантизма. Эти люди не желали содержать в своих владениях католические духовные учреждения, выделяя для них десятину. Попытки католической иерархии добиться, чтобы решения духовных судов, направленные против таких лиц, выполнялись государственными органами, оказались безуспешными [13]. Неудивительно, что в этих условиях М. Кроммер, близкий соратник Станислава Хозия, главного деятеля польской контрреформации во второй половине XVI в., уделил отношениям польской церкви с первыми христианскими правителями Польши особое внимание.

Так, уже в рассказе о крещении поляков особое место было уделено установлению десятины в пользу церкви. Мешко I установил такую десятину с земель короля, дворянства и народа, и со всякого урожая «вечным приговором» (*edicto perpetuo*) [11. К. 47]. Тема получает продолжение в рассказе о правлении Болеслава Храброго. Здесь рассказывается, что многие «*equestri ordinis homines*» рассматривали десятину, как некую «тяжесть» (*onus*) и избивали священников. Монарх организаторов таких выступлений карал смертной казнью, а других – частью плетью, частью словом [11. К. 64]. Таких мер польское духовенство в середине XVI в., по-видимому, хотело бы добиться от польской государственной власти.

Как и в других польских исторических повествованиях в «Хронике» М. Кроммера видное место занял рассказ о глубоком внутривластном кризисе древнепольского государства в 30-е годы XI в. Рассмотрение этой части текста еще раз подтверждает, что Кроммер переносил на древность представления о современном ему обществе. Сообщая, вслед за Длугошем, в соответствии с традицией, о выступлениях крестьян, он говорит об их отказе от работ на пашне в пользу панов, и что в ответ на кривды и угнетение они хотят уничтожить шляхту, совершая жестокости и убийства [11. К. 70].

Вместе с тем и в этой части рассказа хрониста проявляется его критическое отношение к действиям «могущественных людей». В соответствии с традицией он пишет о недовольстве поляков действиями королевы Рихезы, покровительствовавшей немцам, но начало кризису положили действия «могущественных людей», которые отказывались выполнять ее распоряжения и присваивали королевские имения и доходы. Затем наступило открытое неповиновение, образовались партии (*factiones*), вступившие в кровавые бои между собой [11. К. 70–71]. Как участники боев выступают в рассказе Кроммера не только «*proceres*» – знатные, но и «*cives*» – мещане, еще одно свидетельство того, что для хрониста общество оставалось одним и тем же. Вместе с тем именно в «могущественных людях» Кроммер видел главную деструктивную силу. Говоря вслед за своими предшественниками о массовом бегстве в эти годы людей в Мазовию, хронист отметил, что они спасались от насилий и несправедливостей со стороны «могущественных людей» [11. К. 71]. Повествование заканчивалось рассказом о съезде в Гнезно, участники которого пришли к заключению, что без восстановления монархии Польша «*salva esse non posse*» [11. К. 72]. Таким образом, критика действий знати

как опасной деструктивной силы в целом ряде ситуаций проходит последовательно через все повествование Кромера о событиях древнепольской истории.

Вместе с тем, последовательно показывая несостоятельность политической элиты, когда она пытается действовать самостоятельно, Кромер постоянно отмечает важную роль сенаторов при обычном решении государственных дел. Так, в хронике отмечается, что Попель I и Попель II занимали трон с согласия не только своих родственников, но и «proceres» [11. К. 36–37], а молодому Лешку IV «proceres» выбирают в качестве советников «custodes et moderatores» [11. К. 42]. Вслед за Длугошем, Кромер говорит о 12 советниках «de tota Polonia probatissimos», которые помогали Болеславу Храброму управлять государством [11. К. 64]. Перед смертью он созвал «primores sacri [...] ac militaris ordinis» и призывал их сохранять согласие между собой и расположение к его потомкам [11. К. 65]. Его внук, Казимир, также поручал «proceribus» своих потомков [11. К. 78].

Такое освещение прошлого отвечало установкам короля Сигизмунда II, стремившегося в 50-х годах XVI в. управлять страной, опираясь на поддержку угодного ему сената.

Проведенное сопоставление показывает, что образ прошлого в «Хронике» Кромера в ряде отношений существенно отличался от той характеристики прошлого, которую поместил в своих «Анналах» Ян Длугош. Вместе с тем в вопросах методологии может быть прослежена определенная связь между воззрениями обоих представителей исторической мысли.

Оба хрониста фактически не знают истории общества, перенося на древнепольское общество представления о современном им обществе. Некоторые попытки наметить какие-то отличия касаются лишь самого древнего периода древнепольской истории и не основаны на каких-либо научных разысканиях. Сам образ прошлого создавался с ориентацией на решение задач, стоявших перед властью и элитой, чему должно было способствовать конструирование исторических прецедентов для таких решений.

Эволюция исторической мысли в Польше XVI в. находила определенное отражение в развитии при рассмотрении ряда проблем элементов научного исследования, чему способствовало влияние памятников прогрессивной исторической европейской мысли. Однако, как показывает пример «Хроники» Кромера, процесс зарождения научного исследования пока не затронул представлений об обществе и эволюции этого общества на протяжении Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Galli Anonimi. Cronica et Gesta Ducum sive principum polonorum* / Wyd., wstępem: kom. opatrzył K. Maleczyński. Kraków, 1952 (Monumenta Poloniae historica. Nowa series. T. II).
2. *Magistri Vincentii. Chronica Polonorum* / Ed. M. Plesia. Kraków, 1994 (Monumenta Poloniae historica. Nowa series. T. II).
3. *Chronicon Poloniae Majoris* // Monumenta Poloniae historica. Nowa series. T. VIII. Warszawa, 1970.
4. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.
5. *Długossii J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae*, 1964. L. I–II.
6. *Gawęda S. O cena niektórych problemów historii oyczystej w «Rocznikach» Jana Długosza // Długossiana. Studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza. Kraków, 1980.*
7. *Solicki S. Źródła Jana Długosza do problematyki czeskiej. Wrocław etc.*, 1973.
8. *Długossii J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae*, 1970. L. IX.
9. *Флоря Б.Н. Самосознание польской народности в XV веке // Этническое самосознание славян в XV столетии. М.*, 1995. С. 41–43.
10. *Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.*, 2004. Кн. I–II. С. 11–16.
11. *Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basileae*, 1554. Proemium. K. 2–3.
12. *Barycz H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego. Wrocław etc.*, 1981. S. 84–85.
13. *Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August – król polski I wielki książę litewski. 1520–1562. Warszawa*, 1996. S. 303 i n.

© 2016 г. *К.А. КОЧЕГАРОВ*

РОССИЯ, ГЕТМАН МАЗЕПА И ИЗБРАНИЕ КИЕВСКИМ МИТРОПОЛИТОМ ИОАСАФА КРОКОВСКОГО. 1707–1708 годы

В статье на основе не известных ранее архивных источников анализируются русско-украинские взаимоотношения, связанные с процессом избрания и посвящения в сан киевского митрополита в 1707–1708 гг. Показано, что именно царь Петр I настоял на кандидатуре Иоасафа Кроковского, тогда как гетман Мазепа рассчитывал на избрание патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского. Вмешательство царского правительства в выборы впервые с 1685 г. характеризовалось одновременным снижением интереса русского правительства к самой церемонии рукоположения в сан, состоявшейся в Москве летом 1708 г.

The article is based on some new archival sources revealing several aspects of the Russian-Ukrainian relations, which were connected with the election and consecration of the metropolitan of Kiev in 1707–1708. It was Peter the Great, who decisively intervened in the election process on the side of Ioazaf Krokowski, while Hetman Ivan Mazepa supported the candidacy of Stefan Yavorsky, the locumtenens of the patriarchal see. The Russian involvement in the election, for the first time since 1685, was simultaneously marked by losing the interest to the ceremony of laying on of hands, which was carried out in Moscow in the summer of 1708.

Ключевые слова: И.С. Мазепа, Петр I, Иоасаф Кроковский, киевский митрополит, русско-украинские отношения.

Keywords: Ivan Mazepa, Peter the Great, Ioazaf Krokowski, the Metropolitan of Kiev, Russian-Ukrainian relations.

Переход Киевской митрополии под верховенство московского митрополита в 1685–1686 гг. положил начало традиции, согласно которой избранный на соборе духовенства с участием светских представителей украинского общества кандидат на киевский престол приезжал в Москву для рукоположения в сан. Важную роль в этом процессе играл правитель Малой России – гетман Войска Запорожского, при активном участии которого согласовывались важнейшие вопросы, касавшиеся и самих выборов, и упомянутой поездки. На основании совокупности фактографии, имеющейся на сегодняшний момент в распоряжении исследователей, мы можем судить, что первые два киевских митрополита, поставленных в Москве (Гедеон князь Святополк-Четвертинский и Варлаам Ясинский), были креатурами

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И.С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

гетманов И. Самойловича [1. С. 17–22, 263] и И. Мазепы. Данных, свидетельствующих о вмешательстве царского правительства в киевские выборы в нашем распоряжении нет. В русской столице лишь санкционировали их результаты. Особенно показательна в этом случае ситуация с Варлаамом Ясинским. Когда Мазепа запросил правительство, какой кандидат на митрополию из двух вероятных ему наиболее угоден – киево-печерский архимандрит Варлаам или черниговский архиепископ Лазарь Баранович, то получил ответ в том духе, что русские власти примут любого иерарха, верного царям и православной церкви [1. С. 330–341].

Что же касается третьего подобного случая – избрания и рукоположения в митрополиты Иоасафа Кроковского в 1707–1708 гг., то вплоть до сего дня историческая наука располагала весьма скудными сведениями источников, главным образом введенными в научный оборот чуть менее двухсот лет назад киевским митрополитом Евгением Болховитиновым. На основе их можно было лишь констатировать сам факт избрания Иоасафа и рукоположения его в Москве. В украинской литературе подобная узость источниковой базы часто приводит к общим констатациям, что Иоасаф стал митрополитом как ставленник Мазепы (см., например [2. С. 260; 3. С. 126; 4. С. 150–151]). В то же время, например, составитель справочника о киевской иерархии, украинский историк-эмигрант В. Блажейовский, полагал, что тезис о симпатиях новоизбранного митрополита по отношению к гетману не имеет под собой оснований, поскольку Иоасаф сохранил свой сан после измены Мазепы [5. Р. 371].

Привлечение новых архивных документов вкупе с опубликованными в XX в. материалами «Писем и бумаг императора Петра Великого» открывает возможности более подробного исследования данного важного для науки сюжета в контексте русско-украинских отношений в последние годы гетманства И.С. Мазепы.

«Сего дня 22 августа, серпня именуемого, преосвященнейший наш архипастыр, архиепископ, митрополит Киевский, Галицкий и всея Малиа России, муж словом и делом свят и праведен, аки клас (колос. – *К.К.*) зрѣлый, серпом смертным пресеченный, по многих трудах, Церкви Божой благополезных, поправлении и управлении богоугодном словесного своего стада и по долгих болезнях, течение жития своего святоблिवого совершивши, отыде к вечному блаженному упокоению на пажит небесную, кдеже нѣсть болѣзни, и нас всѣх церкви святыя и своих сынов, аки овец, не имеющих пастыря, остави», – написал украинский гетман Иван Мазепа в грамоте царю Петру Великому [6. Ф. 124. Оп. 4. Д. 109. Л. 1].

Речь шла о Варлааме Ясинском, который стал митрополитом в 1690 г., будучи уже в довольно преклонном по меркам того времени возрасте (63 года). Ему было достаточно тяжело управлять делами митрополии по причине старческой немощи и частых болезней. Учреждение в 1701 г. в составе Киевской митрополии Переяславской епархии мотивировалось среди прочего тем, что престарелому митрополиту необходим коадьютор (заместитель), который сможет взять на себя часть его обязанностей. Таким человеком стал переяславский епископ Захарий Корнилович [1. С. 450–453]. Стоит отметить, что несколько ранее, в 1695 г., владыка Варлаам предлагал избрать переяславским епископом и своим коадьютором Иоасафа Кроковского, в то время настоятеля киевского Николо-пустынского монастыря. Просьба была выражена устами митрополичьих посланцев в Москву, а также формально поддержана гетманом И.С. Мазепой. Патриарх Адриан дал согласие [7. Ч. 1. Т. 5. С. 414, 423–428], также как и светские российские власти, которые предписывали киевскому первоиерарху предварительно посоветоваться с гетманом об устройстве епархии. Однако как отмечал еще митрополит Евгений Болховитинов, избрание не состоялось [8. С. 213; 8. [Отд. 2.] С. 155–156]. Таким

образом и в Москве, и на митрополичьем подворье в Киевской Софии кандидатура Иоасафа вызвала одобрение. Последнее слово было за гетманом Мазепой, который, однако, по каким-то причинам его не сказал. Показательно, что когда вопрос о переяславской епархии встал вновь, речь о посвящении в сан именно Иоасафа уже не шла. Если Мазепа и не относился враждебно к Иоасафу, то, во всяком случае, трудно говорить о каком-либо особом благоволении ему со стороны гетмана в вопросах церковной карьеры.

Последние годы жизни митрополит Варлаам был настолько слаб, что его даже в церковь носили на руках [8. С. 212]. Летом 1707 г. в Киев прибыл для посвящения в сан избранный белорусским епископом Сильвестр князь Святополк-Четвертинский. Однако киевский митрополит по уже упомянутой причине не мог провести необходимое действие. Ища выход из сложившегося положения, гетман Мазепа обратился к русскому правительству. В ответ один из ближайших сподвижников царя и руководитель посольских дел Г.И. Головкин сообщил ему (30 июля 1707 г. из Варшавы), что Петр указал посвятить «номината» «на епископство Белорусское, Могилевское» владыке Захарии «с прочими тамошними архиереи и духовными особами». При этом «удоволствоват» новопоставленного иерарха «ризницею» следовало «из ризниц киевского митрополита и прочих тамошних архиереев по рассмотрению», поскольку «за нынешним настоящим временем о том могилевском епискупе, о посвящении ево на оной престол да могилевского каменданта и до иных особ публичной посылать его царского величества указ невозможно». Объяснение этого было вычеркнуто из письма. Состояло оно в том, что «в Полше содержитца интеррегум, то есть междо королевствие и иного короля еще ни кого не обрано» [6. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 91–92]¹. Речь шла об отречении в 1706 г. польского короля и саксонского курфюрста Августа II в пользу шведского ставленника Станислава Лещинского, которого Россия и ее сторонники в Польско-Литовском государстве (так называемые сандомирские конфедераты) не признавали.

Письмо Головкина прилагалось к царской грамоте, которая констатировала, что поскольку Варлаам Ясинский «за престарелыми леты и в слабом состоянии здравия своего пребывает, и при такой древности не может управлѣтца по достоинству епархия ево, того ради указали мы, великий государь, оную киевскую митрополию при нем, преосвященном митрополите Варлааме ведать и все духовенству надлежащее управлять впред до нашего царского величества указу преосвященному переяславскому епискупу господину Захарии». Именно Мазепа должен был «объявить» царский указ митрополиту, переяславскому владыке и «всему преосвященному киевской митрополии собору». Указ был дан 31 июля 1707 г. «в военском нашем походе при Варшаве» [6. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 93–93об.]. Царское распоряжение таким образом полностью передавало в руки коадьютора управление митрополией.

Сообщая царю 22 августа 1707 г. («з обозу под Киевом») о «преставлении» митрополита Варлаама «по должности уряду [...] гетманского, именем всего духовенства, Войска Запорожского и народу малороссийского», Мазепа подчерки-

---

¹ Посвящение Сильвестра Святополк-Четвертинского в белорусские владыки при жизни митрополита Варлаама не состоялось, о чем свидетельствует текст обета, данный им при рукоположении, подписанный уже Иоасафом Кроковским как митрополитом киевским [7. Ч. 1. Т. 4. С. 277–280]. Об этом свидетельствует еще одна копия письма Г.И. Головкина И.С. Мазепе, полностью соответствующая вышеуказанному черновику, за исключением одного обстоятельства: упоминание о переяславском епископе там вычеркнуто и вместо него вписано «митрополиту киевскому» [6. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 95–95об.]. Документ, судя по всему не имеет окончания, а следовательно и даты, однако, по всей видимости, исправленный текст был подготовлен вскоре после получения в Посольской канцелярии известий о смерти Варлаама Ясинского.

вал, что «издревле здес по давным правам обыкновение утвердилось, что преставившагося архиепископа, митрополиты киевского тело гробу не предается поты, поки новый митрополит, наследник престола киевского, свободною элекциею не изберется, которая от волных голосов духовнаго и мирскаго чина по древним привилеям и статьям составляется и сочиняется, на якой элекции обыкли и сами гетманы Войска Запорожского со всею старшиною и полковниками бывати», а в случае невозможности прибыть на выборы, посылали уполномоченную делегацию генеральной старшины и полковников. В связи с этим гетман просил царские власти указа о скорейшем проведении выборов нового митрополита «дабы продолжением времени и тело трудолюбивое святого того мужа, преосвященного Варлаама [...] без погребения долго не стояло, и престол митрополии киевской без настоящего архипастыря не ваковал» [б. Ф. 124. Оп. 4. Д. 109. Л. 1–1об.]².

Получив гетманское послание, Петр I грамотой от 4 сентября (из Варшавы) незамедлительно распорядился провести выборы митрополита «по древним привилеям и обыкновениям» [б. Ф. 124. 1707 г. Д. 2. Л. 116–117об.]. Однако в действительности никакого права «вольной элекции» для духовных и мирских чинов Гетманщины не предусматривалось. В письме Г.И. Головкина, прилагавшемся к царскому посланию, отмечалось, что «хотя в оной написано, дабы вашему сиятельству тою элекцию учинить со всеми духовными и мирскими надлежащими к тому особы по прежнему обыкновению», тем не менее, Петр поручил своему сподвижнику известить Мазепу о своем желании видеть во главе митрополии архимандрита Киево-Печерского монастыря Иоасафа Кроковского, «которой есть царскому величеству по достоинству своему угоден является» [б. Ф. 124. 1707 г. Д. 2. Л. 118–118об.].

Подобные рекомендации оказались несколько неожиданными для Мазепы, нарушив его собственные расчеты. Гетман при поддержке части киевского духовенства и старшины намеревался поддержать своего кандидата – Стефана Яворского, митрополита рязанского и местоблюстителя патриаршего престола. В цедуле, приложенной к одному из гетманских писем (может быть датирована второй половиной сентября – началом октября 1707 г.) сообщалось о получении царской грамоты с указом организовать элекцию, после чего «по совету здешних властей духовных определили время елекции на 28 день октоврия». «Всячески потщуся, – писал Мазепа, – исполнити повеление монаршое [...], дабы на митрополию киевскую избран был господин Кроковский, архимандрит печерский, яко человек благоразумный и такой чести достойный». Вместе с тем Мазепа оговаривался, что «здесь многии духовнии и мирские желают усердно имети за пастыря и наследника митрополии Киевския, преосвященного митрополиту Рязанского Стефана Яворского, когда убо на елекции болше будет голосов от народу и от властей духовных и мирских на особу преосвященного рязанского, ниж на господин Кроковского». Гетман просил Головкина «наставить» его, как поступить в данной ситуации [б. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. Л. 788]. Несмотря на то что в поддержке владыки Стефана, Мазепа упирал главным образом на позицию неназванных представителей киевского духовенства и казацкой старшины, очевидно, что его мнение в данном случае имело решающее значение. В тоже время, в отличие от царя, принимавшего подобные решения единолично, либо по совету ближай-

² См. также постскриптум письма И.С. Мазепы Г.И. Головкину, который ошибочно попал в дела 1708 г. [б. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. Л. 544 об.–545]. Здесь обычай погребения митрополита содержит интересное дополнение, что новый митрополит «по избрании своем с всем духовенством, присутствующим себе, погребает умершего митрополита».

шего окружения, гетман, не обладавший подобной полнотой власти, должен был учитывать мнение высшего духовенства и казацкой старшины.

Ответ на просьбу Мазепы был отрицательным. «Изволите ваша велможность сам знать, что его царское величество не соизволит, понеже он (владыка Стефан. – *К.К.*) ныне блюститель и управител дому патриаршего», – писал Г.И. Головкин. Гетману предписывалось исполнять посланный к нему ранее указ [6. Ф. 124. 1707 г. Д. 2. Л. 137].

Разница в позиции царского двора в отношении к элекциям 1690 и 1707 гг. была таким образом разительной. Если в первом случае русское правительство совершенно отстранилось от какого-либо выбора в пользу того или иного кандидата, то во втором – прямо проигнорировало мнение гетмана и по крайней мере части малороссийского общества, поддерживавшего Стефана Яворского. Позиция Петра I в данном случае вполне понятна: вряд ли он намеревался возвращать на Украину иерарха, которого в свое время специально пригласил для управления русской церковью.

Подробности Киевского собора 1707 г. нам неизвестны. Единственное и весьма краткое известие о нем содержится в труде киевского митрополита Евгения Болховитинова, исследовавшего архив Киевской митрополии, хранившийся в ризнице Софийского собора. Он сообщает, что избрание состоялось 19 октября 1707 г. «советом киевского духовенства и чиновников малороссийских по древним правам вольными голосами» [8. С. 213]. Эта дата противоречит той, которая была приведена в послании гетмана, а потому вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении.

После избрания митрополита Мазепа немедленно написал Г.И. Головкину послание с просьбой организовать рукоположение Иоасафа в сан в Москве. Головкин отвечал 3 ноября (из Новогрудка), что донесет царю и сообщит о его решении [6. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Л. 145–145об.]. Однако указа не было и это заставило Мазепу вновь обратиться к руководителю посольских дел, сетуя, что владыка Иоасаф «доучно требует указу о посвящении своем в митрополиты». Вопрос не был решен до самого конца года. Головкин ответил Мазепе (на послание от 19 декабря), что до сих пор не имеет царского распоряжения и советовал гетману «ради скорейшаго получения о том указу» отправить письмо царю и грамоту в столичный Малороссийский приказ [6. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 178об.–179].

Лишь в начале следующего года, 5 января, находясь в Москве, Петр I именным указом распорядился послать память из Монастырского приказа в Посольский о вызове владыки Иоасафа в столицу для рукоположения [9. Т. 7. Вып. 1. С. 253]. По всей видимости, переписка между приказами заняла некоторое время, и лишь 19 января Мазепе была направлена грамота с распоряжениями митрополиту ехать в Москву. Текст ее пока не найден, а упоминание содержится в «настольной грамоте», выданной Иоасафу после рукоположения [8. [Отд. 2.] С. 175].

2 марта 1708 г. в Приказе Малой России получили грамоту И.С. Мазепы, что новоизбранный киевский владыка намерен был «всеконечно» отправиться в столицу 24 февраля. Свита его составляла 89 человек, включая трех игуменов и наместника Киево-Печерского монастыря. В тот же день из Малороссийского была дана память в Монастырский приказ, предписывавшая определить размер жалованья и место расположения киевлян в Москве. Однако через два дня решение было изменено: в соответствии со сложившейся ранее практикой прием Иоасафа и его сопровождающих остался в ведении Малороссийского приказа. Там была подготовлена выписка о выдаче жалованья и кормов предыдущим визитерам – Гедону Святополк-Четвертинскому и Варлааму Ясинскому, опублико-

ванная митрополитом Евгением Болховитиновым. За образец решено было взять последний приезд, когда на содержание митрополита и шестидесяти человек его свиты в течение двух месяцев истратили более 3 600 руб. (сумма эта, в частности, не учитывала царские подарки митрополиту в честь посвящения) [8. [Отд. 2.] С. 163–174]³. Сохранились составленные на ее основе нормы выдачи Иоасафу и его спутникам питья и «кормов» «на приезде» и поденно, а также свеч, дров, сена и овса для лошадей. Предусматривалась также покупка для украинского архиерея кареты и рыдвана «с шоры» за 51 руб. [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 6–7об., 13–14об.], однако была ли она осуществлена, неизвестно.

19 марта 1708 г. Г.И. Головкин сообщал руководителю Сибирского приказа М.П. Гагарину о скором прибытии в Москву митрополита Иоасафа и необходимости выдать ему жалованье «на приезде и на отпуске соболями и мяскою рухлядью» в соответствии с нормой подобных же выдач Варлааму Ясинскому. Меха следовало взять из Сибирского приказа, поскольку в Малороссийском «соболей и никакой казны нет». Митрополита предписывалось «удоволствовать» так, чтобы он покинул столицу «с благодарением» [9. Т. 7. Вып. 2. С. 732]. Вопреки прежним решениям дьяков Малороссийского приказа в аналогичном письме И.А. Мусину-Пушкину было указано обеспечить митрополита и его свиту «кормовыми деньгами» за счет средств Монастырского приказа [10. С. 166–167].

Подобное разделение функций по обеспечению приема киевлян в Москве между Малороссийским и Монастырским приказами требует небольшого комментария, учитывая, что ранее они принадлежали исключительно первому учреждению. Монастырский приказ был создан царем в 1701 г. для управления церковными имениями. Владения Киевской митрополии оставались вне поля его деятельности, хотя со временем функции приказа все более усложнялись и расширялись, выйдя за рамки управления делами бывшего Патриаршего разряда. Участие Монастырского приказа в финансировании и размещении Иоасафа и его спутников в Москве может быть объяснено в первую очередь его большими финансовыми возможностями [11. С. 121–246], поскольку Малороссийский приказ собственных доходов не имел⁴. Нет никаких оснований видеть в этом какой-то замысел российских властей передать из Малороссийского в Монастырский все дела, связанные с Киевской митрополией.

Между тем «нареченый митрополит», как его именовали в приказных документах, «выехав от мест святых киевских», застрял в районе Болхова и Калуги. Дорога была затруднена как естественными причинами – весенней распутицей (до Болхова ехали пять недель), так и субъективными – киевлянам отказались выдать необходимое число ямских подвод, скорей всего из-за отсутствия их необходимого количества на ямском стане. После жалобы Иоасафа в Москву, 3 апреля из Малороссийского в Ямской приказ послали память с требованием немедленно выслать грамоту в Калугу с указанием, чтобы владыке и его спутникам «в тех подводах никакого задержания не было, понеже велено ему быть вскоре». Подвод предписывалось выдать столько, сколько киевляне потребуют, «а для роспустия с прибавкою» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 130].

³ Оригинал выписки с пометой о справке подъячего Ф. Рогова см. [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 15–31об.].

⁴ Летом 1708 г. дьяки констатировали отсутствие в приказе не то что средств на содержание митрополита, но и на выдачи гетманским гонцам и посланцам, а также на высылку в Архангельск приближенных В.Л. Кочубея и И. Искры, казенных за доносы на Мазепу [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Л. 11об.–12].

Иоасаф Кроковский вместе со своей свитой прибыл в Москву 14 апреля [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 350]. Он расположился в Белом городе, на дворе умершего в 1706 г. одного из петровских сподвижников боярина Ф.А. Головина⁵. Киевского архиерея сопровождало направленное от имени гетмана «с старшиною генералною и с полковники» казачье посольство из восьми человек во главе со старшим канцеляристом и знатным войсковым товарищем Климом Долгополым [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 259, 261; 6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 8, 9], однако о его пребывании в столице мы ничего не знаем. Примерно тогда же Мазепа вновь писал Петру I (письмо было получено им 19 апреля) с просьбой рукоположить Иоасафа без проволочек [8. [Отд. 2.] С. 175–176].

Однако на скорое посвящение рассчитывать не приходилось. В столице отсутствовали архиереи, которые могли бы осуществить рукоположение. Это следует из отправленного царю 15 апреля письма И.А. Мусина-Пушкина. Прося об указе касательно Иоасафа, глава Монастырского приказа предлагал отправить его в Санкт-Петербург, полагая, что именно там находятся требуемые для рукоположения церковные чины [9. Т. 7. Вып. 2. С. 731, 732].

На следующий день «будучи в Ближней канцелярии, бояря приговорили» отпустить на нужды киевского «посольства» 2 439 руб. 25 алтын из сумм Монастырского приказа, включая жалованье «на приезде» и «на отпуске», а также средства «на всякие покупки» («поденной корм», свечи, дрова, конские корма, прогонные деньги, харчи в дорогу и т.д.) на два месяца. Покамест были выписаны кормовые деньги на восемь недель (с 14 апреля по 9 июня), всего 558 руб. 26 алтын [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 350–350об.]⁶. Однако пребывание Иоасафа и его людей в Москве продолжилось, в связи с чем на его содержание были отпущены кормовые деньги «на другие» восемь недель (с 9 июня по 5 августа) – 552 руб. 26 алтын [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 350об.].

Что касается царского жалованья в связи с рукоположением, то следует отметить, что в царской ставке сомневались, стоит ли вообще в столь сложный для страны момент тратить на эти цели царскую казну. Об этом свидетельствует письмо Г.И. Головкина Петру I от 18 апреля, когда он, сообщая о размерах прежней «дачи» («денгами и соболями, и кубками серебряными») Варлааму Ясинскому и его свите «слишком на четыре тысячи рублей», не считая «архиерейских церковных уборов», одновременно убеждал государя послать указ Мусину-Пушкину о выдаче киевскому владыке жалования «для удовольствия малороссийского народа». Если же, полагал Головкин «не дав [...] жалованья ничего, так отпустить, то причтут они себе в немилость», особенно если учесть, что в свите Иоасафа Кроковского «все из знатных киевских монахов» [9. Т. 7. Вып. 1. С. 526].

Видимо приняв во внимание эти настояния, Петр Великий, отвечая 8 мая на вышеупомянутое письмо И.А. Мусина-Пушкина, предписал владыке Иоасафу дожидаться рукоположения в Москве по прибытии туда митрополита Стефана Яворского. Касательно жалованья кандидату на киевский митрополичий престол

⁵ 17 апреля датирована память из Малороссийского приказа М.П. Гагарину, «генералному президенту и каменданту московскому и сибирских провинций судии» направить туда для топления палат «и всякой черной работы» трех человек «земских метелщиков» и троих «рабочих людей» [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33]. Первоначально (11 марта) было решено разместить Иоасафа и его сопровождающих на подворье митрополита Сарского и Подонского Иллариона, «что в Кремле» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 8].

⁶ Полностью ассигнованной суммы в Монастырском приказе не оказалось. Чуть более 380 руб. следовало «донять». См. также еще одну выписку расходов, составленную где-то в конце июня – начале июля [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 42–43об.]. Между документами есть определенные различия, но порядок сумм тот же.

царь распорядился «ево удоволствовать какою ни есть дачею; хотя не так много, как прежде была, однако надобно» [9. Т. 7. Вып. 1. С. 159].

Между тем, обеспокоенные поиском денежных средств на содержание и жалование киевскому митрополиту «на отпуске», приказные дьяки обратились к Г.И. Головкину в первой половине июля. В ответ руководитель посольских дел строго настрого запретил давать митрополиту и его свите «кормовые деньги» из казны Приказа Малой России, предназначенной в том числе и самому владыке Иоасафу «на другие дачи». Дьякам предписывалось сообщить о необходимости новой выплаты кормов Боярской думе («докладывайте бояр», – писал 15 июля руководитель Посольской канцелярии), которая и должна была изыскать необходимые средства [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 294об.]. Сохранилась приказная выписка для бояр о назначении очередной части «кормов» с 5 августа. Сумма (от 138 до 266 руб.) варьировалась в зависимости от срока (две или четыре недели) [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 350–351].

Только после четырехмесячного ожидания, 14 августа состоялось оглашение, а на следующий день митрополит рязанский и муромский Стефан Яворский, митрополит ростовский и ярославский Дмитрий Туптало, митрополит суздальский Ефрем Янкович, архиепископ тверской и кашинский Каллист и архиепископ коломенский и каширский Антоний рукоположили в сан владыку Иосифа в Успенском соборе Московского Кремля. Сохранившееся описание действия излагается в публикующемся документе (см. приложение, док. № 1). Его сравнение с подобным же свидетельством о посвящении в сан Варлаама Ясинского в 1690 г. [8. [Отд. 2]. С. 129–132] показывает, что в 1708 г. церемония прошла буднично, без особого торжества.

При этом настольная грамота с подтверждением статуса и прав митрополии была выдана лишь спустя год – 14 сентября 1709 г. [8. [Отд. 2]. С. 175–180]⁷. Известно, что ее список 20 августа был послан «в поход» царю Петру [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 49об.]. Грамота же на вотчины митрополии, хотя и составлялась в 1708 г., о чем свидетельствует сохранившийся черновик [8. [Отд. 2]. С. 180–183]⁸, была выдана еще позднее в – январе 1710 г., причем ради этого владыке Иоасафу пришлось специально обращаться к царю [8. [Отд. 2]. С. 184–190]. Главной причиной подобных проволочек стало, видимо, отсутствие соответствующей санкции царя, которому не досуг было заниматься этим в разгар борьбы со шведами.

Некоторое время спустя после приезда Иоасафа из Приказа Малой России в Сибирский приказ была послана память о соболином жалованье «на отпуске» «против» выдачи 1690 г. (Варлааму Ясинскому). Иоасафу полагалось мехов на 1800 руб., трем игуменам – на 150 руб., наместнику – на 16 руб., одиннадцати иеромонахам и иеродьяконам – на 12 руб. каждому, дьяконам, митрополичьим и игуменским слугам – в сумме на 136,5 руб. Однако меха выданы не были, и в связи с подготовкой торжества рукоположения 11 августа память была направлена повторно, причем подчеркивалось, что «митрополиту отпуск будет с Москвы вскоре» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 35].

Подытоживая приведенные цифры, можно констатировать, что известная общая сумма, истраченная на пребывание делегации киевского духовенства в Москве составила более 3 600 руб., включая поденное содержание и царское жало-

⁷ См. также черновик жалованной грамоты [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 32–41] и черновой отпуск грамоты к гетману о посвящении Иоасафа от 2 сентября 1708 г. [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 259–260].

⁸ Архивный оригинал см. [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 45–48 об.]

ванье. Она почти равна приводившейся выше совокупной стоимости приема и содержания в 1690 г. Варлаама Ясинского. Следует, однако, обратить внимание на несколько моментов. Иоасаф провел в столице в два раза дольше времени, а его свита, пусть и за счет слуг, содержание которых не было особенно дорогим, была больше на треть. Выдача поденных кормов, дров, сена, свечей действительно основывалась на прецеденте 1690 г., и Монастырский приказ ассигновал намеченные суммы; экономия тут если и была, то незначительной, например, за счет отсутствия царского стола в день аудиенции у государя «на приезде», которой не было и т.д. Это значит, что удельный вес расходов на содержание киевского «посольства» в общих тратах был значительно выше, чем ранее. Сильно сокращены были, таким образом, расходы на жалованье и подарки самому митрополиту. Так, Варлаам Ясинский только из Казенного приказа получил 1500 руб. соболями и 500 руб. деньгами (отдельно было дано жалованье от царицы Натальи Кирилловны), не считая сукон и ладана, а его спутники – чуть менее 650 руб., причем значительную часть – деньгами, не считая, опять же, сукон. Наконец отдельно для митрополита Варлаама была приобретена карета и рыдван, заказаны праздничная и обычная мантии и т.д., даны царские подарки при посвящении и т.д. [8. [Отд. 2]. С. 172—173]. Ни о чем подобном упоминания в документах 1708 г. нет.

Судя по черновику грамоты к И.С. Мазепе, Иоасаф Кроковский и казацкое посольство Долгополого были отпущены из столицы 2 сентября. Примечательно, что сообщая гетману о рукоположении, составители грамоты вычеркнули текст о выдаче митрополиту царской жалованной грамоты «о содержании прав и чина духовного» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 259–260]⁹, понимая видимо, что до отъезда владыки изготовить документ не удастся.

Отъезд киевского митрополита из столицы в Киев пришлось на время вторжения в Малую Россию шведских войск, на сторону которых перебежал вместе с генеральной старшиной и гетман Мазепа. Как повел себя в этой ситуации Иоасаф? Ответить на этот вопрос однозначно сложно, однако на основе анализа уже имеющихся и некоторых новых данных можно попытаться хотя бы примерно очертить позицию киевского владыки. 21 октября, за считанные дни до побега, Мазепа писал Головкину, что возвращавшийся из Москвы митрополит застал его в Борзне, где совершил над якобы смертельно больным гетманом елеосвящение [12. С. 230] (архивный оригинал письма см. [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. Л. 637–638]). Современник киевского митрополита, Феофан Прокопович в «Истории Петра Великого» ставил под сомнение факт соборования Мазепы, как и вообще пребывание гетмана в этом местечке [13. С. 216]. Справедливо не разделявший его мнения Д.Н. Бантыш-Каменский писал, что Иоасаф «исполнил волю Мазепы, который отправил письмо его к государю для уничтожения дошедших до двора слухов о притворной его болезни» [12. С. 134]. Историк не дал четкой отсылки, однако указанное письмо действительно обнаружилось в архивных документах (см. приложение, док. № 2) и публикуется в приложении.

Из письма следует, что Иоасаф Кроковский, совершив требуемое елеосвящение, немедленно выехал в Киев и уже 20 октября находился в Нежине, откуда до Борзны по прямой около сорока пяти километров, то есть где-то день пути. Еще 19 октября Мазепа писал, что лишь ожидает к себе архиерея [12. С. 229; 9. Т. 8. Вып. 2. С. 846]. Таким образом, митрополит находился у Мазепы менее суток,

⁹ Сохранился также фрагмент памяти обер-инспектору А.А. Курбатову о выдаче в сентябре митрополиту и его свите питья «в готовых судах», видимо в дорогу [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33. Л. 58].

возможно и вовсе несколько часов. Краткое послание из Нежина, видимо действительно было выслано митрополитом по просьбе гетмана. Выполнив формально просьбу то ли действительно больного, то ли симулировавшего очередной приступ подагры Мазепы, Иоасаф не стал задерживаться при нем, а поспешил в Киев.

Там и должна была застать митрополита весть о побеге гетмана. Как известно, в связи с этим царское правительство обратилось к неприсоединившимся к Мазепе представителям старшины, а также к высшим киевским иерархам. 27 октября для Иоасафа Кроковского было подготовлено письмо с распоряжением прибыть в лагерь царя на совет, а на следующий день – указ о гетманской измене [9. Т. 8. Вып. 1. С. 239, 243]. Г.И. Головкин в послании киевскому владыке (от 28 октября) добавлял, что «ради безопасного вашего в пути проезда», киевский комендант должен будет выделить конвой из солдат [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 58. Л. 1]. С повторным письмом царя к митрополиту от 30 октября в Киев выехал подполковник князь Б.И. Куракин [9. Т. 8. Вып. 1. С. 256]¹⁰. Если верить Куракину, украинские «ребеллианты» разглашали, что Иоасаф Кроковский «признан был как бы согласник» оному Мазепе, причем мнение это разделяли неназванные мемуаристом люди в царской ставке. Опасения, чтобы митрополит «и другие духовные персонально с народом противности какой не показали», будто бы и стали главной причиной, того, что Иоасаф было приказано «уговоря, привезти» в Глухов. Вместе с тем автор не фиксирует даже какого-то намека на нежелание митрополита исполнять царскую волю [14. С. 281–283].

Судя по тому, что в планы Мазепы перейти на шведскую сторону были посвящены весьма немногие представители старшины, вряд ли правомерным будет предположение, что он поверил свои намерения Иоасафу во время весьма кратковременной борзненской встречи. Гетман, как мы помним, скорее всего, не поддержал его стремлений стать переяславским епископом в 1695 г., определенно не желал его видеть киевским митрополитом, а, следовательно, вряд ли можно говорить о каких-то особенно приятных контактах между ними, которые бы выходили за рамки принятых в то время норм сотрудничества и демонстративного взаимоуважения между первенствующим украинским иерархом и правителем Малой России.

В общем и целом настроения украинского духовенства поздней осенью 1708 г. и зимой 1708/1709 гг., судя по достаточно репрезентативному обобщению, сделанному К.В. Харламповичем [15. С. 463–464], колебались от нейтралитета и молчаливой враждебности по отношению к русским властям до активной их поддержки в борьбе с Мазепой и его немногочисленными сторонниками. Позиция Иоасафа в данном случае трудно поддается однозначному определению. С одной стороны, как обратил внимание еще В. Беднов [16. С. 42–46], митрополичь подпись отсутствует на акте выбора гетмана И.И. Скоропадского [17. С. 181–182] (что, впрочем, может быть вызвано различными причинами, не обязательно связанными с отношением митрополита к акту избрания нового гетмана и низвержению старого), а роль Иоасафа в анафематствовании Мазепы нельзя назвать особо активной: хотя он и участвовал в соответствующем обряде 12 ноября, но проповедь произнес новгород-северский протопоп Афанасий Заруцкий [17. С. 181]. С другой стороны от имени митрополита в тот же день была издана грамота ко всему малороссийскому народу с обличением изменнических

¹⁰ Б.И. Куракин также вез письмо Г.И. Головкина киевскому коменданту с распоряжением дать для проезда митрополита конвой, подводы и пр., «дабы он шол с ним подполковником безо всякого замедления» [6. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 62а. Л. 1].

действий бывшего гетмана и известием о предании его анафеме [8. С. 213–214]¹¹, а позднее послано посольство в Запорожскую Сечь с целью уговорить тамошних казаков перестать поддерживать Мазепу [9. Т. 9. Вып. 2. С. 910]. К этим косвенным свидетельствам можно добавить еще одно, достаточно весомое и ранее исследователям неизвестное, а именно письмо киевскому владыке от вдов несчастливых доносчиков на Мазепу, генерального судьи В.Л. Кочубея и полтавского полковника И. Искры, родных сестер Прасковьи и Любови. Они были дочерьми одного из наиболее заслуженных старшин – полтавского полковника Федора Жученко (был полковником с перерывами в 1659–1691 гг., ум. в 1709 г.). Из него следует, что обе вскоре после казни мужей были посажены под арест в Батурине. Узнав о возвращении Иоасафа из Москвы, вдовы смогли послать некое духовное лицо к митрополиту с просьбой о заступничестве у гетмана. Иоасаф выполнил просьбу сестер, видимо при свидании с гетманом в Борзне, однако Мазепа не внял его ходатайству и пленниц не отпустил. Получив свободу после взятия Батурина А.Д. Меншиковым, в начале ноября сестры выехали в родную деревню Жуки в Полтавском полку, а затем в виду враждебного отношения к ним местного полковника и старшины укрылись в Харькове. В ноябре они вновь обратились к Иоасафу с просьбой о покровительстве. Вдовы особенно просили его позаботиться об укrywшемся на Правобережье Днепра, в Крылове, сыне генерального судьи, В.В. Кочубее; помочь ему проехать в царский лагерь, не попав в руки мазепинцев; замолвить за ним слово перед государем (см. приложение, док. № 3).

Избрание и рукоположение киевского митрополита в 1707–1708 гг. обозначило появление важной тенденции в русско-украинских церковных контактах. Передавая в 1701 г. земли русской церкви под управление Монастырского приказа, царь не стал покушаться на вотчины Киевской митрополии, поддержал учреждение в ней новой епархии (перемышлянской), приглашал малороссиян на великороссийские епископские кафедры, сделав киевского выходца Стефана Яворского местоблюстителем патриаршего престола. Для Киевской митрополии внимание светской власти к церковным делам выразилось и в другом: в 1707 г. впервые царское правительство решительно вмешалась в выборы митрополита, без обиняков указав на кандидата, который должен был занять опустевший после смерти Варлаама Ясинского престол. Формальная же сторона дела интересовала Петра и его сподвижников, поглощенных борьбой с грозным шведским противником, гораздо меньше, чем ранее. Царь колебался на счет выдачи новопоставленному митрополиту жалованья в прежних объемах, Головкин прямо намекал дьякам Малороссийского приказа на необходимость экономии на содержании киевлян в столице, и реальные расходы действительно были сокращены, монарх впервые лично не участвовал в церемонии поставления, выдача царских жалованных грамот Иоасафу растянулась на два года и т.д.

Как реагировал на подобные трансформации политики царя гетман Мазепа? Сделав осторожную попытку предложить своего кандидата на митрополичий престол, он, как и в других своих начинаниях, немедленно отступил, столкнувшись с неприятием его предложений при царском дворе. Как уже было показано, сама персона Иоасафа не вызвала особенной приязни гетмана, для которого утрата влияния на процесс замещения вакантного митрополичьего престола была серьезным ударом. Помимо уже приводившихся доводов стоит отметить, что вы-

¹¹ Хотя текст грамоты Иоасафа неизвестен, В. Беднов предполагает, что он был идентичен аналогичным посланиям черниговского и перемышлянского архиереев, и возможно составлен в царских канцеляриях [16. С. 50–51].

полнив формально свою миссию по организации выборов и направлению Иоасафа в Москву, Мазепа в дальнейшем самоустранился от процесса посвящения в сан неугодного ему кандидата. Ни в сохранившейся довольно полно его корреспонденции с Г.И. Головкиным за 1708 г., ни в делах Малороссийского приказа не найдено документов, свидетельствующих о беспокойстве гетмана длительной задержкой киевского архиерея в Москве.

Сам Иоасаф, судя по всему, занимал в отношении гетмана похожую позицию. Весьма показательно в этой связи его заступничество за вдов казенных донощиков, Кочубея и Искры, еще до измены Мазепы, в период когда позиции гетмана на Украине были прочными, а поддержка со стороны царя всеобъемлющей. Конечно, нет смысла здесь говорить о каком-то конфликте гетмана и митрополита. Формальные отношения между ними были вполне благопристойны, о чем свидетельствует краткий визит, который Иоасаф нанес «большому» Мазепе в Борзне. Несмотря на не самый теплый прием в русской столице летом 1708 г., подозрения царского правительства в сочувствии беглому гетману, поездку в Глухов в сопровождении воинской команды, которая может быть истолкована и как охрана, и как конвой, позицию Иоасафа в тревожные ноябрьские дни можно охарактеризовать скорее как остраненно-нейтральную. Не желая в свое время портить отношения с Мазепой, митрополит еще более не хотел идти против царя, которому он, собственно и был обязан своим поставлением. В этой двусмысленной позиции, как представляется, проявилась та специфика, которая характеризовала отношения многих представителей малороссийского духовного сословия с русским правительством начиная с середины XVII в.

Прилагаемые документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990) с отдельными изменениями. Сокращения, обозначенные титлом и другими знаками, раскрыты без специальных обозначений. Слова и фразы, вписанные над строкой, передаются курсивом, если в примечаниях не обозначено иное. В документах № 2 и 3 при публикации сохранена литера «Ѣ» как имевшая разное фонетическое звучание в русском и украинском языках того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Титов Ф.И.* Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. Киев, 1905. Т. 2. Киевская митрополия – епархия в XVII–XVIII вв. (1686–1797 гг.). Первая половина тома. Опыт церковно-исторического исследования.
2. *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004.
3. *Шевчук В.* Просвічений володар. Іван Мазепа як будівничий Козацької держави і як літературний герой. Київ, 2012.
4. *Митрополит Дмитрій (Рудюк).* Іван Мазепа та Українська православна церква. Проблема т. зв. мазепиної анафемі // Іван Мазепа і мазепинці: Історія та культура України останньої третини XVII – початку XVIII ст. Львів, 2011.
5. *Blazejowski D.* Hierarchy of the Kyivan church (861–1990). Rome, 1990.
6. Российский государственный архив древних актов.
7. Архив Южной и Западной России. Киев, 1871. Т. 4. Ч. 1. Акты об унии и состоянии православной церкви с половины XVII века. (1648–1798); Киев, 1872. Т. 5. Ч. 1. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694 г.).
8. [*Митрополит Евгений (Болховитинов).*] Описание Киевософийского собора и киевской иерархии. [Отд. 2.] Прибавление к описанию Киевософийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825.
9. Письма и бумаги императора Петра Великого. Петроград, 1918. Т. 7. Вып. 1 (январь – июнь 1708); М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. 2; М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. 1 (июль – декабрь 1708 г.); М., 1951. Т. 8. Вып. 2; М., 1952. Т. 9. Вып. 2.
10. *Гоздаво-Голобмиевский А.А.* Письма современников к боярину Ивану Алексеичу Мусину-Пушкину (1704–1711 г.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1891. Кн. 8. [Отд. 2].

11. *Горчаков М.* Монастырский приказ (1649–1725 г.). Опыт церковно-юридического исследования. СПб., 1868.
12. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. Изд. 1-е. М., 1822. Ч. 3.
13. *Феофан Прокопович.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. Изд. 2-е. М., 1788.
14. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная, 1676 – июля 20-го – 1709 гг. // Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под редакцией М.И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина. 1676–1727.
15. *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
16. *Біднов В.* Церковна анатема на гетьмана Івана Мазепу // Праці Українського наукового інституту. Варшава, 1938. Т. 47. Серія історична. Кн. 5. Мазепа. Збірник. Т. 2.
17. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. М., 1859. Ч. 2. 1691–1722.

Приложение

№ 1.

1708 г. Не ранее августа 15. Описание посвящения в сан киевского митрополита Иоасафа Кроковского (черновик).

(л. 3) 1708 года августа в 14 день киевскому новообранному митрополиту Иоасафу Краковскому было наречение тако.

Сего ж августа в 14 день в обеденной благовест в Крестовой палате патриарше(й) при собрании архиереев *и освященного чина* соборной протодиакон объявлял новообранному: 1708 года августа в 8 день великий государь (полное)^a указал преосвященным митрополитом Стефаном рязанским и муромским, и Димитрием, митрополитом ростовским и ярославским, *и Ефремом, митрополитом суздальским*, и Калистом, архиепис(к)опом тверским и кашинским^b, и Антонием, архиепископом коломенским *и муромским*^c, тебя, новообранного Иоасафа Краковского посвятить в митрополиты на киевский престол и имяноватись Киевским и Галицким и Малыя Росии.

В то число ехал *новобранной* с подворья в Крестовую и ис Кре[стовой по прежнему на подворье]^d в своей карете.

(л. Зоб.) И по оглашении милостивое было многолетие царскому величеству и всему сигклиту.

Потом вселенским патриархом и митрополитом и архиепископом и епископом и всему освященному собору.

Потом новообранному митрополиту Иоасафу Краковскому было ж многолетие.

При том наречении *в Крестовой* были из бояр Тихон Никитич Стрешнев, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин.

^a Данное слово, сокращенное как «п», означало, что в беловом экземпляре должен быть указан полный царский титул.

^b После этого зачеркнуто: «И Ефремом, архиепископом Упятицерквейским» (так!).

^c Вписано вместо зачеркнутой фразы, предположительно читающейся как «и каширским» или «и кашинским». Исправление, судя по всему, ошибочное.

^d Часть текста утрачена из-за расклейки столбца. Восстановлено по аналогичной формуле, употребленной при описании оглашения (см. далее).

Новообранной ехал с подворья в Крестовую, и из Крестовой по прежнему на подворье в своей корете, провожали на подворье соборные протопопы да прото-
дьяконы.

А августа в 15 день посылаю к нему, новообранному митрополиту великого государя с конюшни корета о 6-ти возниках, *при корете был столповой прикащик*^e, по митрополита посылаю ис собору на подворье протопопы и прото-
дьяконы^f.

(л. 4) Ехал митрополит *в соборную церковь*¹ с подворья в государеве корете, пред ним сидели протопоп да прото-
дьякон.

В тож время к нему митрополиту на подворье прислано для провожанья московского гварнизона Енисейскова^g полку маеор Иван Крешкин с начальными людьми и 3 салдаты. Салдат было окроме начальных полторы роты числом 145 человек с ружем.

И разделя оных солдат на 3 части, одна шла пред коретою, другая позади кореты, третья по обе стороны кореты, все с фузеями *при шпагах* шли по военному артикулу и провожали до собора.

К соборной церкви приехали к южным дверям.

(л. 5)^h Постановление было в соборной апостолской церкви рязанским митрополитом и протчими митрополиты и архиепископы вышеимянованными.

В соборной церкви при постановлении были из бояр:

боярин, князь Михайла Алегукович Черкаской,

боярин, князь Петр Иванович Прозоровской,

боярин Тихон Никитич Стрешнев,

боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин,

боярин Алексей Петрович Салтыков,

(л. 5об.) московской камендант, князь Матвей Петрович Гагарин и протчие ис комнатных и из знатных *особ* и столников.

По отправлении службы Божией был киевской митрополит в Патриаршей Крестовой.

Шли из соборной церкви наперед рязанский митрополит с протчими архиереи и со освященным собором.

Потом шел в Крестовую и киевской митрополит, пред ним несли животворящий крест на сребренном блюде. Несли *соборные* ключарь да дьякон. Митрополита вели соборные ж протопоп да прото-
дьякон.

В Крестовой был стол. Наряд был столу из Монастырского приказа. При том столе был боярин Иван Алексеевич да окольничей князь Михайла Андреевич Волконской да дьяк Федор Ефимьев.

*Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 33.*

^e Вписано на полях, вставка обозначена знаком «+».

^f Далее слово зачеркнуто «соборные».

^g В рукописи ошибочно «Венисейского».

^h В начале листа зачеркнут текст: «А при поставлении в соборной церкви велено по наряду из Розряду быт за новообранным из полатны окольничему князю Михаилу Андреевичу Волконскому да розрядному дьяку Федору Ефимьеву, что».

№ 2.

1708 г. октября 20. Письмо киевского митрополита
Иоасафа Кроковского гетману И.С. Мазепе.

(л. 241.) Ясне велможный мосць пане гетмане,
мнѣ премилостивѣйший патроне и величайший добродѣю.

Богу благодарение, удостоившему мое недостоинство, прибывши ко градом отческим, многожелаемым ясне велможности вашей, аще и немощствующаго, утѣшитися лицезрѣнием. Да сподобит и впредь о скором вашей рейментарской милости слышати исцѣлении, которого яко в подаянии елеосвящения со всеми мнѣ сослужащими ясне велможности вашей усердно желалем, и молитвы, болящих исцѣляющие, пред Спасителем обще з братиею сопутствующею излижем. Так и с пути до вашей рейментарской милости одзвиваючися, архиерейско привѣтствую: да исполнит благословение Божие ясне велможност вашу долгоото дней, и да приложит лѣта животу рейментарскому за милость благодѣтелскую моему смиренію и всѣм присутствующим мнѣ явленную при нижайшем поклонении моем. Велие воздаю ясне велможности вашей благодарение, которой милости и любвѣ добродѣйской навсегда себе вручивши, застаю.

3 Нежина 1708
Октоврия 20

Велможности вашей премилостивѣй-
шому Патронови и величайшому
блюдѣтелеви всѣх благ желающий
богомолец и слуга нижайший
Иоасаф, недостойный митрополит
Киевский. А. П.²

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3.

№ 3.

1708 г. ноября 20. Письмо вдов генерального судьи В.Л. Кочубея и полтавского полковника И.И. Искры киевскому митрополиту Иоасафу Кроковскому с просьбой о заступничестве и покровительстве.

(л. 1) Ясне в Богу преосвященный милостивый господине, отче митрополите киевский, наш велце милостивый господине, отче, пастиру и великий добродѣю.

Когда зачулисмо вашу пастрискую святиню з царствующаго града Божиим благословением получивши високий пастирский уряд, простуячого ко граду Киеву, тогда мы, бѣдние, по мужах наших за истинну пострадавших вдовствѣ осиротѣлие, посилалисмо одного законника до вашей пастирской святинѣ, милостивого нашего добродѣя, просячи о поважную вашего святительства до его, измѣнника, бывшего гетмана, инстанцію, жебы нас бѣдных з так горкого и незносно печального заключения вчиныл свободными. Аже он великому государу прелестию своею бывши великим здрайцею, не учинивши на так поважное вашего святительства смиренное прошение, и по сее время в том же горком заключении нас, бѣдных, нудил, для того, же хотѣл нас цѣле отдатьи шведу. А же Господь Бог истинными своими судьбами Божескими яко невинност панов наших и великое терпение в увѣрение всему народу объявил¹, так и нас бѣдных в самую великую, в страшную руину над непокоривыми людьми великому государу, в Батуринѣ ставшуюся, од той тяжкой неволѣ свободил, подавши нам для випроваженя з тоей непокоривой и страшной руины до належитих мѣст черницу, которая нас одтол и вивела. А же мы Божиим изволением от

той тяжкой неволѣ свободившись, намѣрилисмо были (л. 1об.) ехати в дом отца нашего к Полтавѣ, в Жуки, едно для получения и благословения отцевского, где нас в той дорожѣ повелением великого государа од сиятельнѣйшого князя Александра Даниловича Меншикова, тамо бил *зашил* указ, жебы мы бѣдние сыроты совокупне з наймилшим сыном нашим Василием Кочубеем для получения милости пресвѣтлѣйшого нашего монарха становилися в Глухов. Прето мы радыбисмо вседушне, як найскорей поспѣшится *к пренайсвѣтлѣйшому монарсѣ великого нашего государа или где инде его царское величество обращем*¹, еднак же вчинилася нам великим препятием полковника полтавского измѣна, же за их ко великому государу неповолною склонностью и великим бунтувством самих их старших, не дали нам в дому отца нашего в Жуках в тую дорогу убраться, аж мусялисмо устранившись полковника полтавского³ измѣны, зъехати в Харьков, ожидаючи наймилшого своего сына к себѣ. И гдыж он, сын наш по вказу сиятелнѣ(й)шого князя рад бы вседушне до царского величества поспѣшится, тилко ж не может сим боком Днепра за надближением ув украинные города того измѣнника бывшаго гетмана з головним неприятелем шведом проехати, вшак же к нам написал свой лист, остерегаючи матку свою, жебы мы як могли вдавалися в великороссийские города, а он, сын наш, тим боком Днепра мѣл прибути, особливе *яко* для оддана вашей архипастирской милостивого своего добродѣя уклону, другое, просячи вашего святителства к великому государу о поважную за ним, сыном, нашим, и за нами бѣдными [пре]зр(е)-ннѣйшими сиротами позostalими, милостивую причину, кгдаж тепер ведаючи, и мы певне, же не можна сынови нашему одтол з Крилова (л. 2) прибути, просимо з кривавими слезами всенайпокорней вашей архипастирской милости, нашего великомилостивого отца и добродѣя, яко о поважную и годную вашу архипастирскую к великому государу инстанцию, так и одтол сына нашего освобождение, жебы он вглядаючи на вѣрную и зычливую отца своего и дядка присаку, того измѣнника лстивим словам не был примушен. О тое и повторе вашей архипастирской милости отца и милостивого нашего добродѣя слезне вложена такого просячи, вашим святителским милостивам навсегда полежаемся, зостаючи.

З Харкова ноемврия 20 дня

Року 1708.

Вашего превосходящего святителства
желателныи рабынѣ
бѣдние
сыроты и подножки
Жуковны
Васливая Кочубеева
Ивановая Искрина.

[Подпись на конверте:] (л. 2 об.) Ясне в Богу преосвященному его мылости господину отцу Иоасафу Кроковскому, митрополиту киевскому, нашему велце премилостивѣйшому господину отцу и великому добродѣви препокорствено.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 87.

Примечания

¹ Речь идет об Успенском соборе московского Кремля.

² Значение данного сокращения неясно.

³ Полтавским полковником был Иван Прокопьевич Левенец (ум. 1736).

ⁱ В рукописи «одъявил».

^j Слова, выделенные курсивом, написаны более крупными буквами.

© 2016 г. Я.А. ЛАЗАРЕВ

РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И УКРАИНСКАЯ КАЗАЦКАЯ ЭЛИТА: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАЛОРОССИЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ (1722–1727)

Согласно сложившемуся в историографии мнению, взаимоотношения российского правительства с украинской казацкой элитой в 1722–1727 гг. негативно сказались на ее статусе благодаря деятельности чиновников Малороссийской коллегии. Подтверждений этому в источниках не было найдено. Политический опыт, полученный казацкой элитой, позволил ей занимать более самостоятельную позицию по отношению к Малороссийской коллегии в период реставрации гетманской должности.

According to the established trend in historiography, relations between the Russian government and the Ukrainian Cossack elite in 1722–1727 made a negative impact on the status of the latter. This was due to the activities of the governmental body called Collegium of Little Russia. There is no evidence in the sources for this assumption though. Political experience gained by the Cossack elite, encouraged them to take a more independent stand during the restoration the post of Hetman.

Ключевые слова: Малороссийская коллегия, Гетманская Украина, Петр I, украинская казацкая элита, П.Л. Полуботок.

Keywords: Collegium of Little Russia, Hetman of Ukraine, Peter I, Ukrainian Cossack elite, Pavel Polubotok.

В истории российско-украинских взаимоотношений XVIII в. выбранный хронологический период приходится на годы функционирования Малороссийской коллегии (далее – МРК). В историографии этот сравнительно небольшой промежуток времени оценивается исключительно негативно в плане взаимоотношений российского правительства и украинской казацкой элиты. Для классиков дореволюционной историографии Д.Н. Бантыша-Каменского, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова и М.С. Грушевского МРК представлялась «грозным судилищем», проявлением стремления «приравнять Малороссию к Великой России», учреждением «ненавистным для малорусских начальных людей», «тяжелым ударом и гетману, и всей старшине» [1. С. 169; 2. Кн. IX. С. 509; 3. С. 508; 4. С. 392]. В дальнейшем менялись лишь акценты: для одних исследователей МРК представлялась частью социального классового противостояния, на котором утверж-

---

Лазарев Яков Анатольевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Лаборатории эдичионной археологии ИГНИ Уральского федерального университета.

Статья подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Договор № 14.У30.15.3188-МК от 16.02.2015 г.

далась в регионе власть Российской империи, для других (прежде всего, украинских историков) – противостоянием в борьбе за национальную независимость. Например, дореволюционная исследовательница А.Я. Ефименко полагала, что МРК была частью порядка, который сохранял права и владения элиты («панов») «под сенью русского оружия». Последнее не только спасло элиту от социального взрыва, но и отодвинуло на задний план «все другие вопросы – исторических или иных прав, политической или национальной независимости» [5. С. 127–128]. В отличие от А.Я. Ефименко эмигрантский историк В.А. Мякотин не делал акцент на некоем предательстве элит, но обосновано полагал, что с учреждением МРК и проведением кадастровых ревизий были поставлены под сомнение права элиты на землевладения в регионе, что не могло волновать последнюю [6. Вып. II. С. 186–189 и др.]. В украинской эмигрантской и современной историографии все внимание фокусируется на негативных последствиях от введения МРК для украинского (малороссийского) народа и национальной государственности. В частности, З. Когут отметил, что следствием деятельности МРК («прямого российского правления») стали «хаос и высокая цена – как в человеческом, так и в экономическом смысле» [7. С. 70]. Аналогичные мысли развивает В.Н. Горобец, автор единственной специальной монографии по истории МРК. По мнению историка, «создание Малороссийской коллегии было противоправным актом, который противоречил всем предыдущим российско-украинским межгосударственным соглашениям и традициям», она разрушила традиционную систему замещения должностей, судопроизводства и финансов [8. С. 308–313].

Таким образом, в исследованиях, рассматривавших историю МРК в контексте взаимоотношений российского правительства и украинской казацкой элиты, утверждалось, что введение МРК заметно отразилось на автономном статусе Гетманской Украины и правах украинской казацкой элиты. В этой связи возникает вопрос, как в новых административных условиях агенты российского правительства воздействовали на местную элиту, покушались на ее права и ограничивали ее политическую активность?

Обыкновенно при ответе на этот вопрос исследователи Гетманской Украины выдвигают на передний план не столько историю взаимоотношений с российским правительством и его агентами, сколько политическую деятельность наказного гетмана П.Л. Полуботка, который управлял регионом совместно с МРК после смерти гетмана И.И. Скоропадского в июле 1722 г. Однако за пределами драматичной судьбы Полуботка и его окружения (всего 16 человек) мы практически ничего не узнаем о том, как выстраивались повседневные отношения казацкой элиты с членами МРК, функционировал ли в этот период канал неформальных связей и какова была его эффективность, как интегрировались в местную верхушку «великороссыяне», назначенные на полковничьи должности.

Иногда, между делом, в исторических работах проскальзывают упоминания о том, что не вся элита разделяла амбиции П.Л. Полуботка, пытаясь воздействовать на российское правительство через знатных персон, например, А.Д. Меншикова [2. С. 510; 9. С. 390–391]. В земельных тяжбах представители руководящей казацкой элиты обращались к МРК лишь в самых неразрешимых делах [6. Вып. III. С. 62. Прим. 3]. Нежинский полковник П.П. Толстой, назначенный в 1719 г., в означенное время набирал политические очки, раздавая землевладения полковой верхушке [6. Вып. III. С. 91–92]. Подобных примеров можно привести немало, но они являются лишь частью мозаики, из которой пока мало понятно, что представляли собой взаимоотношения агентов российского правительства с украинской казацкой элитой в данный период, какие возникали проблемы в их

взаимоотношениях. Данное исследование – это попытка определить границы возможного у украинской казацкой элиты в диалоге с российским правительством и его агентами в 1722–1727 гг. выделить практики их взаимоотношений.

Для решения поставленной задачи необходимо сначала уточнить границы взаимоотношений МРК с казацкой элитой в том виде, какими их видело российское правительство.

Вероятно, в апреле 1722 г. лично Петром I был составлен недатированный набросок, который следует считать своеобразным черновым вариантом проекта указа о создании МРК. Из него мы узнаем: «Понеже многие жалобы до нас доходят от малороссийского народа о налогах и не порядках (выписать несколько важных имен), которые чинятца против договоров Богдана Хмельницкого, того ради определяем бригадира Степана Вельяминова и с ним 6 штап-офицеров переменяяс pogodно из гарнизонов украинских, которым быт при вас». Далее Петр сделал пояснение: «И чинит то все, что определено в тех, Хмельницкого, договорах, *чему быт под ве[ли] коросиским судом и управлении*» (выделено мной. – Я.Л.) [10. С. 251]. Следовательно, доходившие до правительства слухи о «налогах и не порядках» не рассматривались в качестве аргументов для пересмотра «договоров Богдана Хмельницкого», которые выступали ограничением для действий МРК. Более того, монарх не думал о замене местных органов власти новыми. Подтверждение этому мы находим в ответе Петра I на «просительные пункты» гетмана И.И. Скоропадского, поданные им по случаю заключения Ништадского мира в апреле 1722 г. В нем царь указывал киевскому губернатору и комендантам «до судов и правления Малороссийского не вступаться и указов от себя до старшин [...] не засылать» [11. Т. 6. № 3990. С. 669–670]. Другое дело, в чем заключались эти ограничения, как они реализовались на практике и носили ли номинальный характер?

29 апреля 1722 г. Петром I были даны два именных указа: один гетману, другой Сенату. Согласно первому указу, гетман ставился в известность о создании МРК. Второй указ переводил Гетманскую Украину и «Малую Россию» в ведомство Сената [11. Т. 6. № 3390. С. 668; 12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 8–10об.]. 16 мая был напечатан итоговый вариант указа «об учреждении Малороссийской коллегии» [11. № 4010. С. 681–684]. Последним распоряжением определялась компетенция МРК как: 1) высшей апелляционной инстанции, принимающей жалобы на высшие органы самоуправления Гетманской Украины – Генеральную войсковую канцелярию и Генеральный войсковой суд, полковые и городские («ратушные») суды, а также разбирающей тяжбы между «малороссиянами» и «великороссиянами»; 2) органа финансового контроля, обязанного следить за налоговыми (денежными и хлебными) сборами с местного населения, направляемые в том числе на содержание МРК, сердюцких и компанейских полков, а также их распределением; 3) органа административного контроля, проверявшего расположение «великороссийских» полков, следившего за записью указов государя и Сената в особую книгу в Генеральной войсковой канцелярии, предотвращавшего противоправные действия со стороны казацкой старшины [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 7].

В инструкции президенту МРК конкретизировались мотивы введения учреждения и прерогативы «великороссийской» власти в отношении верхушки Гетманской Украины¹. Согласно вводной части инструкции, Петр I в ходе государственных преобразований «и коллегии, и канцелярии, и губернии, и провинции, и многими указами и инструкциями и регламенты снабдеть изволил, чтоб все

¹ Данный документ был подписан А.Д. Меншиковым, Г.И. Головкиным, Я.В. Брюсом, Г.Ф. Долгоруким, П.П. Шафировым и А.А. Матвеевым.

дела скоро и справедливо решены были, а Малая Россия за вышеозначенными Его Величества трудами как Великороссия до сего не была судами и протчими распорядками удовольтвована» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 1]. В этой мысли российское правительство укрепляло особое понимание «пунктов» Богдана Хмельницкого и жалобы на местную элиту. Ссылки на «пункты» Хмельницкого являлись аргументом в пользу контроля за местным судопроизводством и сбором налогов. По мысли составителей, в больших городах на Гетманской Украине изначально могли назначаться царские воеводы, обязанные в случае непринятия решения местного суда, чинить расправу по своему рассмотрению. Сами воеводы, будучи знатного происхождения, должны были разбираться в казацком праве. Этим же воеводам по «пунктам» предписывался сбор налогов, а «досадовать зато не учнут, потому что учнуть делать по их же правам» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 2], так как в сборщики следовало выбирать представителей местного городского самоуправления. Выводы, сделанные из приведенного историко-юридический экскурса, усиливались перечислением жалоб на местную элиту. В их числе указывались масштабная коррупция в Генеральном войсковом суде, в которой был замешан и генеральный войсковой судья И. Чарныш, незаконные захваты землевладений и товаров у казаков и крестьян, неправомерное определение казаков на работы, а самое главное – медленное отправление дел в Генеральной войсковой канцелярии, где «пишут универсалы многие именем гетмана» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 2об.–3об.]. Исходя из этого президенту МРК С.Л. Вельяминову для «лутчей верности и управления» следовало выделять деньги на жалование сердюцким и компанейским полкам только по согласию с гетманом, подобным же образом предписывалось рассматривать правонарушения в отношении рядовых казаков и крестьян со стороны казацкой элиты (полковники, генеральная старшина), периодически напоминать гетману о необходимости составления сотрудниками гетманской канцелярии книги входящих императорских и сенатских указов, а также отчитываться «репортами» об их получении, просматривать универсалы, подписанные гетманом, для пресечения случаев употребления «имени гетманского»² в личных целях [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 4–7].

Таким образом, Петр I и его окружение рассматривали МРК как орган, который упорядочивал делопроизводство высших органов Гетманской Украины, вел мониторинг распределения налоговых потоков в регионе. Основное управление Гетманской Украиной по-прежнему лежало на гетмане и структурах казацкого самоуправления. Обращение к «статьям» Б. Хмельницкого давало юридические основания суверену и его агентам для вмешательства в сложившиеся практики управления.

Однако, смерть гетмана И.И. Скоропадского 3 июля 1722 г. внесла некоторые коррективы во взаимоотношения российского правительства с казацкой элитой. В основном они были связаны с личностью черниговского полковника П.Л. Полуботка. О его политических амбициях, деятельности и судьбе в историографии написано немало [3. С. 500–525; 13. С. 313–336; 14. С. 159, 322 и др.]. От себя лишь добавлю, что российской властью этот политик не был обделен, получая от нее серьезные земельные пожалования, а членов Вышнего суда, разбиравших его дело в 1723–1724 гг., интересовали лишь подозрения в возможных изменнических настроениях в разгар военной кампании в Персии, но вскоре и они были отброшены [12. Ф. 248. Оп. 110. Д. 160. Л. 4–25].

² Вероятно, имелась в виду гетманская печать.

Вероятно, практически сразу после смерти гетмана И.И. Скоропадского генеральная старшина выдвинула в качестве возможного преемника черниговского полковника П.Л. Полуботка, но проведение выборов нового гетмана императорской волею было отложено. Однако нас интересуют не столько политические устремления П.Л. Полуботка, а то, как на практике выстраивались взаимоотношения нового лидера казацкой верхушки с членами МРК.

В июле 1722 г. П.Л. Полуботок был определен временно исполняющим обязанности в «Малой России, з полеценья Его Рейментарского, всякими ведал и управовал порядками» [15. С. 73]. Такой порядок был узаконен сенатским указом президенту МРК С.Л. Вельяминову и императорской грамотой на имя П.Л. Полуботка и всей генеральной старшины, соответственно, от 10 июля и 11 июля 1722 г.

Согласно первому документу, президенту МРК поручалось совместное управление с П.Л. Полуботком и генеральными старшинами. Для предостережения от возможных волнений президент МРК должен был «смотреть того, чтоб без вашего ведома никаких универсалов и писем о делех не посылали» и о том проводить «тайно и сие содержать в секрете» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 33–33об.]. Повышенная озабоченность Петра I к политической ситуации в регионе проявилась еще в одном указе президенту МРК от 11 июля 1722 г., по которому ему подчинялись гарнизонные полки Малой России [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 21]. Исходя из типовых инструкций, коменданты крепостей должны были копировать «для ведома» МРК любые универсалы генеральной старшины и без ответа МРК их не публиковать. Однако в случае получения известий о каких-либо подозрительных действиях в гарнизоне и за его пределами коменданты обязаны были сообщать об этом в Сенат и киевскому генерал-губернатору [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 203]. Конечно, это начальство носило скорее формальный характер. Однако чем были продиктованы отмеченные решения: маниакальной подозрительностью к местной элите, желанием контролировать каждый ее шаг?

На мой взгляд, решение Петра I по МРК было ситуативной предосторожностью в преддверии Низового похода в Персию. Характер мер, вероятно, был продиктован не столько памятью об измене И.С. Мазепы, а наличием украинской казацкой эмиграции под крылом у геополитических соперников – Крымского ханства и Османской империи. Согласно императорской грамоте П.Л. Полуботку и генеральной старшине от 11 июля 1722 г. положение казацкой элиты не подвергалось какому-либо ограничению. В документе было указано, что «Малую Россию, до избрания другаго гетмана, по прошению вашему, ведать и все той Малороссии управление чинить, по правам малороссийского народа, вам подданному нашему Полковнику и генеральной [старшине] обще, токмо во всех делех и советах и посылках в Малую Россию универсалов иметь вам сношение и сообщенные с определенным, для охранения народа малороссийского, брегадиром нашим Вельяминовым» [16. С. 33]. Следовательно, за П.Л. Полуботком закреплялся статус «первого среди равных» (т.е. среди казацкой правящей элиты – генеральных старшин) во главе Гетманской Украины.

Такой порядок взаимоотношений официально подчеркивался в резолюции Петра от 27 июля 1722 г. на сенатский проект указа президенту МРК о порядке подтверждения универсалов Генеральной войсковой канцелярии подписями генеральной старшины и членов Малороссийской коллегии: «Тебе (С.Л. Вельяминову. – *Я.Л.*) [...] с черниговским полковником и генеральной старшиной во всех делех при советах и посылках в Малую Россию универсалов присутствовать обще с ними и смотреть того дабы ничего противного Его Императорского Ве-

личества интересу чинено не было, и буде таково усмотришь и тебе им не позволять» [11. Т. 6. № 4010. С. 681–684].

Собственно, ни о каком юридически закреплённом «самовласти» не могло быть и речи уже после двух ноябрьских указов. По ним «без совета с генеральной старшиной» руководство МРК не могло отсылать указы местным органам власти. Сношение МРК с Генеральной войсковой канцелярией должно было осуществляться через промемории, что подчеркивало формальное равенство указанных органов власти. Это подтверждают и практики взаимоотношений данных органов, в реконструкции которых важную роль играет публикация отрывков из «дневника Генеральной войсковой канцелярии» за 1722–1723 гг. [17. С. 249, 253, 266, 286, 305, 415, 420, 423–430, 433–439, 611–613]. В документах формальное равенство могло выражаться следующим образом: «По промемории, з государственной нашей Коллегии в Малороссийскую Коллегию принесенный, а з тоей Коллегии к нам в Енеральную Войсковую Канцелярию» или «при промемории з Малороссийской Коллегии принесено к нам в Войсковую Енеральную Канцелярию» [17. С. 198, 230 и др.].

Однако предписанный изначально порядок взаимоотношений не сразу воплотился в жизнь. Возможно, определенную роль в этом сыграли личные качества президента МРК С.Л. Вельяминова. До поздней осени 1722 г. президент МРК предпочитал отсылать в Генеральную войсковую канцелярию указы как в нижестоящий орган. В середине сентября 1722 г. наказной гетман П.Л. Полуботок, будучи в присутствии МРК вместе с генеральными старшинами, высказал С.Л. Вельяминову свое недовольство: «Ваше благородие всегда нас указами засилаешь, а нам з вашим благородием сношение и сообщение во всяких делех иметь указ императорского величества повелевает». На это президент МРК ответил довольно странной фразой о том, что обладает таким императорским указом, содержание «которого не тилко вам, старшине малороссийской, але и присутствующим мне малороссийской коллегии членам» не может раскрыть [17. С. 411]. К сожалению, не представляется возможным выяснить, что представлял собой этот особый именной указ Петра I. На мой взгляд, в цитированном выше фрагменте могла проявиться эмоциональная сторона характера С.Л. Вельяминова – старого служаки, назначенного по личному распоряжению императора. Вероятно, это придавало определенный стимул для излишнего служебного рвения. Свидетельство этому можно найти в одном из писем С.Л. Вельяминова нежинскому полковнику П.П. Толстому – сыну всеильного П.А. Толстого. Из письма от 6 ноября 1722 г. было видно, что полковник просил президента МРК издать указ о принуждении казаков Коропской сотни к уплате денежных повинностей в пользу своей тещи (вдовы покойного гетмана И.И. Скоропадского), ибо последние «ничего не дают ни в коллегию, ни до двора ясневелможной». На эту просьбу С. Л. Вельяминов ответил отказом, поскольку по указу Петра I следовало «помянутые козацкие зборы отдать в каллегию Малой Росии» [18. Ф. 238. Оп. 2. Картон 129. Д. 24. Л. 3–3об.]. Следовательно, президент МРК мог отказать в протекции сыну одной из влиятельных персон при Петре I. Учитывая все выше сказанное, имели ли представители руководящей элиты Гетманской Украины возможности для воздействия на президента МРК?

После отмеченного эмоционального поступка С.Л. Вельяминова в отношении казацкой элиты П.Л. Полуботок вместе с генеральными старшинами подали жалобу на президента МРК. На ее основании Вельяминову в ноябре были даны два указа, суть которых сводилось к тому, чтобы «без совета с генеральной старшиной» коллегия не могла отсылать указы местным органам власти и была обяза-

на сноситься с Генеральной войсковой канцелярией промемориями [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 140–148; 17. С. 415].

Описанный в журнале Генеральной войсковой канцелярии случай не следует рассматривать в качестве примера напряженных отношений С.Л. Вельяминова с казацкой элитой. Из того же источника следует, что П.Л. Полуботок и члены Генеральной войсковой канцелярии регулярно собирались вместе с «коллегиантами» для совместных пирушек после заседаний, а также для празднования памятных дат [17. С. 412–415, 419–420]. Не считалось чем-то редким в среде украинской правящей верхушки приглашать в гости чиновников МРК на свои именины, а те, в свою очередь, отвечали им взаимностью [17. С. 414]. Как показал А.М. Лазаревский, между членами МРК и некоторыми представителями казацкой элиты установились даже дружеские отношения (особенно это касается родни бывшего гетмана И.И. Скоропадского) [19. С. 17]. В этом можно увидеть своеобразный компенсационный механизм, который сглаживал острые углы во взаимоотношениях великороссийских управленцев-контролеров и старой казацкой элиты, приспособливая друг друга к новому формату отношений. Как мне видится, этому способствовало то, что без местной элиты МРК вряд ли смогла бы взять на себя управление регионом. Об этом свидетельствует отчет МРК в Сенат за 1723 г., согласно которому в МРК постоянно не хватало служителей для подсчета собранных налогов, разбора челобитных, а некоторые из сотрудников и вовсе страдали болезнями, снижавшими их способность выполнять предписанные функции [18. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2004. Л. 6–8].

Основной круг вопросов, обсуждаемых членами Генеральной войсковой канцелярии и МРК, сводился к определению количества денежных сборов и собираемых сумм, разбору жалоб представителей казачества на незаконное закрепощение («похолопление») [17. С. 407–415]. Записи в дневнике Генеральной войсковой канцелярии свидетельствуют о том, что во время этих обсуждений «великороссийская» сторона не оказывала какого-либо давления на казацкую верхушку. В целом, «Малою Россиею правящие» были и лояльными исполнителями царской воли (например, в сборе налогов), и вполне самостоятельными руководителями региона [20. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 130. Д. 49. Л. 3об.–20]. В тех же случаях, когда президент МРК превышал свои полномочия, казацкие правители Малой России подавали соответствующие жалобы, на которые незамедлительно реагировало российское правительство. С.Л. Вельяминову делались замечания и с бюрократической навязчивостью повторялись пункты его инструкции [17. С. 429 и др.]. Также на Гетманской Украине за деятельностью президента внимательно следил коллежский прокурор [20. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 129. Д. 24. Л. 2–2об.]. Конечно, мною раскрыты не все детали административной повседневности во взаимоотношениях с украинской казацкой элитой. Это предстоит сделать, основываясь на журналах и протоколах МРК, ныне хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Украины. Тем не менее отмеченные практики показывают, что Петром I не было создано некое «грозное судилище», сделавшее безмолвными представителей украинской казацкой элиты. Последние имели юридические возможности для воздействия на президента МРК, чем они и пользовались.

Конечно, только одними административными практиками не исчерпывались взаимоотношения с украинской казацкой элитой. В период «безгетманства» статус президента МРК для украинской казацкой элиты постепенно повышался. С 1726 г. ему были даны полномочия совместно с членами Генеральной войсковой канцелярии готовить для Сената списки кандидатов на полковые и сотенные должности, до этого МРК только передавала лишь указы об утверждении на вакантные уряды [18.

Ф. 159. Оп. 1. Д. 2004. Л. 4 об.–5; 21. Т. 55. С. 325]. По этой причине местная элита явно нуждалась в неформальных каналах влияния на нее.

Роль такого канала выполнял зять покойного гетмана И.И. Скоропадского – П.П. Толстой, ведший довольно активную переписку с президентом МРК С.Л. Вельяминовым.

16 писем С.Л. Вельяминова к П.П. Толстому, сохранившихся в личных бумагах последнего, хронологически охватывают период с 1722 г. по 1727 г. В письмах за 1722–1725 гг. П.П. Толстой стремился защитить интересы своей украинской родни, потерявшей определенную долю влияния со смертью гетмана. Из содержания письма С.Л. Вельяминова от 19 мая 1725 г. следовало, что П.П. Толстой старался ускорить дело «ее велможности госпожи гетмановой» с генералом И.Б. Вейсбахом [20. Ф. 238. Оп. 2. Карг. 129. Д. 24. Л. 16]. Скорее всего, имелись в виду поземельные споры, известные по челобитной Вейсбаха, поданной Анне Иоанновне в 1731 г., где генерал жаловался, что в бытность П.А. Толстого «при своем времени» в Верховном тайном совете от владений Вейсбаха в пользу монастыря Харлампиевой пустыни, который «строила бывшая гетманша Скоропадская», было отторгнуто четыре села [12. Ф. 11. Оп. 1. Д. 625. Л. 2–3].

Есть косвенные свидетельства, что связи с президентом МРК П.П. Толстой употреблял не только в интересах своей родни, но и для отстранения нежелательных назначенцев в свой полк [22. С. 307–308]. Кроме того, С.Л. Вельяминов оказывал нежинскому полковнику разного рода услуги: передавал «пакеты» к П.А. Толстому и его письма к сыну, сообщал о здоровье отца и других «вестях» из столицы. П.П. Толстой отвечал взаимностью, присылая гостинцы (например, нежинский мед) [20. Ф. 238. Оп. 2. Карг. 129. Д. 24. Л. 19, 21, 25].

Но, вероятно, не только родня, а и часть украинской казачьей элиты видела в П.П. Толстом фигуру, способную представлять ее интересы. В сенатском указе 23 ноября 1722 г. об освобождении от постоя казаков, бывших в Низовом (Персидском) походе Петра I, упоминалась совместная челобитная П.П. Толстого, миргородского полковника Д.П. Апостола и других полковников и старшины, просивших для «народных нужд» помиловать местное население от драгун и мекленбуржцев, которые, будучи на постое в Валуйках, «тамошним жителем чинили некоторые обиды» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 199–199об.]. Судя по челобитной, вхождение П.П. Толстого в состав верхушки Гетманской Украины не было пустой формальностью. За время полковничества П.П. Толстого у него могла выработаться некоторая солидарность с представителями местной элиты по определенным вопросам. Кто знает, как могли бы в дальнейшем развиваться связи семейства Толстых с казачьей элитой региона, но в 1727 г. их «звезда» закатилась. П.А. Толстой уступил в придворной борьбе А.Д. Меншикову и вместе с сыном подвергся опале.

Приведенные эпизоды из истории взаимоотношений с украинской казачьей элитой лишь малая часть того, что еще не введено в научный оборот. Однако уже на их основании можно сказать, что верхушка Гетманской Украины для реализации своих интересов спокойно обращалась к ресурсу неформальных отношений, а не переживала «грозное время»/«репрессии». В то же время «великороссияне» на казачьей службе не являлись чужеродным элементом.

Следует упомянуть о последствиях деятельности МРК для элиты Гетманской Украины и о том, как ликвидировали данное учреждение. Начнем с последнего. Здесь следует выделить фигуру миргородского полковника Д.П. Апостола. История его восхождения к гетманской булаве показывает, как удивительным образом пересекались стремления будущего гетмана и интересы А.Д. Меншикова. Вполне вероятно, что Апостол обратил на себя внимание Меншикова в 1720 г. еще буду-

чи миргородским полковником [23. С. 360, 364, 366]. Во время пребывания под арестом в Санкт-Петербурге (1723–1725) ему удалось наладить контакт с Меншиковым через своего младшего сына Петра, ставшего адъютантом при светлейшем [24. С. 103], и, возможно, не без участия последнего члены Верховного тайного совета остановили свой выбор на Д.П. Апостоле в качестве наиболее приемлемой кандидатуры на гетманский пост в 1727 г. Однако Меншиков имел свои мотивы для отмены МРК, чья деятельность затрагивала его материальные интересы. Их можно понять из жалобы, рассматривавшейся в Верховном тайном совете в апреле 1727 г. В ней Меншиков сетовал, что МРК, вопреки грамоте Петра I, собирает налоги с его «малороссийских» землевладений: городов Почепа и Ямполья, ранее принадлежавших гетману. Аргументы светлейшего возымели действие, и его жалоба была удовлетворена [21. Т. 63. С. 485]. Однако в словах влиятельного вельможи о том, что «Малороссийская коллегия [...] оставя данную ему блаженные и вечnodостойные памяти ЕИВ жалованную грамоту (19 августа 1725 г. – Я.Л.) собирает доходы», присутствовала доля лукавства. За высокопарной апелляцией к покойному монарху маскировались другие, более важные, установления Петра I. Например, положение из указа 16 апреля 1723 г., по которому «сборы [...] през сего собирались в Малой России на Гетмана, на Полковников, Сотников и прочую старшину, с казаков убогих и с посполитых людей [...] с таких со всех брать равно от вышних до нижних чинов, *невыключая никого* (выделено мной. – Я.Л.)» [11. Т. 7. № 4196. С. 48]. Данное предписание президент МРК не мог не исполнить.

Таким образом, ситуативное, но важное пересечение знакомств и личных интересов представителей российской и украинской казацкой элиты стало важным толчком для смены административной политики на Гетманской Украине.

Помимо этого, как пишет современный украинский историк В.Н. Горобец, с избранием в 1727 г. нового гетмана наблюдать за его поступками был отправлен резидент Ф.В. Наумов. Последний сразу же взялся за проведение ревизии деятельности МРК, что выявило якобы серьезные финансовые нарушения [14. С. 407–408]. Исследователь, ссылаясь на документы [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1780], привел практически те же данные, что и С.М. Соловьев касательно нестыковок в финансовой документации Сената и МРК [2. Кн. X. С. 155]. Для Горобца нечистоплотность членов МРК является очевидной. Эту же мысль развивает и Т.Г. Таирова-Яковлева [25. С. 213]. Действительно ли в деятельности членов МРК имелись серьезные финансовые злоупотребления, которые сказывались на благосостоянии местного населения и могли вызывать негативную реакцию казацкой элиты?

В 1734 г. князь А.И. Шаховской сделал «Щетную выписку». Она показывает, что искомая «недостача» за последний год работы Малороссийской коллегии ушла на жалование военным, гражданским чинам, а также на содержание казацкой элиты и т.д. [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1783]. Конечно, проблема подсчета доходов и расходов МРК обуславливает необходимость прояснения финансовой деятельности учреждения на местном материале. Однако нельзя согласиться с тем, что утайки могли превышать десятки тысяч рублей. Как показывают дела в отношении таких знатных и гораздо более влиятельных персон, как сибирский губернатор М.П. Гагарин и А.Д. Меншиков, и меньшие хищения не могли остаться незамеченными и без каких-либо последствий.

Кроме того, важно обратиться к бумагам, касавшимся расследования криминальной деятельности членов МРК, проводившиеся Ф.В. Наумовым в 1727 г. на основании жалоб гетмана Д.П. Апостола (включавших «обиды» некоторых жителей казацких полков), от которого были присланы сведения о взятках «на членов, секретарей и протчих коллежских служителей и надзирателей и протчих чинов

за руками бывших при той коллегии у збору денежной казны и провианта девяти полков³ зборщиков» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1796. Л. 600].

На основании этих документов была составлена ведомость, согласно которой членами МРК было присвоено около 6000 руб. «денгами», «разными вещми» и из «харчевых и питейных» сборов [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1796. Л. 600об.–601]. Таким образом, присвоенная сумма, с позиции украинского гетмана, была гораздо ниже тех утаек, на которых настаивали С.М. Соловьев и В.Н. Горобец.

На основании имевшихся жалоб о взяточничестве членов МРК были подготовлены вопросы для бывшего президента МРК С.Л. Вельяминова, коллежского прокурора гвардейского капитана М.С. Хрущова, а также асессора И. Рудковского.

Согласно этим вопросам, Вельяминов обвинялся в том, что якобы в 1725 г. удерживал цыган Григория Гаврилова и Федора Василенко по доносу их атамана, также взыскав с них 1500 «золотых», истребовал у «малороссиян»: Андрея Дунина-Бурковского 850 «червонных», Андеря и Якова Полуботков 150 «червонных», попа Андрея Заруцкого 12 «локтей» «штофу венецианского» и 4 «рыси» по 2 рубля 15 коп. за штуку, оштрафовал последнего в 1725 г. на 100 р.; как следовало из жалобы войта Василия Николаева от имени обывателей села Серединой Буды, в 1725 г. Вельяминов купил «без разрешения вороного коня у некоего Трофима Вороткина, при этом заключив оно и его односельчан под стражу, и обложив штрафными санкциями непонятно за что» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1795. Л. 239–241об.].

М.С. Хрущову были предъявлены обвинения в том, что он якобы истребовал у попа А. Заруцкого четырех вороных лошадей по 80 рублей и одного жеребца за 46 рублей, собрал в 1724 г. за умершего крепостного с обывателей «великороссийских» помещиков Грунской сотни Гадяцкого полка 246 рублей [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1795. Л. 242–243]. И. Рудковскому вменялось получение от упомянутого А. Дунина-Бурковского 30 «червонных» [12. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1795. Л. 243–243об.].

Таким образом, согласно только обвинениям казацкой стороны управленческая верхушка МРК получила около половины взяток, приписываемых членам данного учреждения. При этом эпизоды криминальной деятельности приходились, прежде всего, на 1724–1725 гг. и касались типичных для того времени финансовых злоупотреблений. В них трудно заметить серьезное повреждение материального благосостояния казацкой верхушки, а также местного населения. К сожалению, не удалось выяснить, как в дальнейшем развивались дела упомянутых членов МРК. Однако очевидно, что гетман Апостол в полной мере хотел воспользоваться случаем для сведения неких счетов. Такую политическую возможность ему законодательно давала Российская империя. Российское правительство также позволило Д.П. Апостолу удержаться на своем посту, когда резидент Ф.В. Наумов стал расследовать уже эпизоды его криминальной деятельности [26. С. 425–426].

Очевидно, что в историографии сложилось устойчивое мнение, согласно которому взаимоотношения российского правительства в лице МРК с украинской казацкой элитой в 1722–1727 гг. оцениваются исключительно с негативной стороны. Однако за историографическими конструкциями скрывались практики взаимоотношений, сглаживавшие острые углы, иногда возникавшие на официальном уровне. Украинская казацкая элита оставалась основным ресурсом для управления регионом. Во взаимоотношениях с членами МРК казацкая правящая элита не играла роль безмолвного исполнителя, выстраивая неформальный диалог с «великорос-

³ Нежинского, Киевского, Черниговского, Миргородского, Гадяцкого, Полтавского, Прилуцкого, Стародубовского и Лубенского.

сийскими» коллегами, а также обладая ресурсом для давления на них в случае конфликтных ситуаций. История нежинского полковника П.П. Толстого показывает, что находившихся на казацкой службе «великороссиян» трудно признать в качестве чужеродного элемента для местной элиты. Последняя могла использовать этот канал для реализации своих собственных интересов.

Кроме того, в пятилетие «безгетманства» элита Гетманской Украины получила важный политический опыт, позволивший ей в период гетманства Д.П. Апостола превратиться в самостоятельную и не вполне зависимую от гетмана силу. Неслучайно, в 1733 г. генеральная старшина попыталась взять в свои руки «правление Генеральной войсковой канцелярии», ориентируясь на опыт времен наказного гетманства П.Л. Полуботка и желая, «с примеру того, как по смерти гетмана Скоропадского, [...] иметь правление». Российское правительство не могло это не учесть, создавая после смерти гетмана в 1734 г. Правление гетманского уряда, половину из шести членов которого должны были составлять представители казацкой старшины [26. С. 431–432].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. М., 1830. Ч. 3.
2. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1993. Кн. IX–X. История России с древнейших времен. Т. 17–20.
3. *Костомаров Н.И.* Павел Полуботок // Русская старина. 1876. № 3.
4. *Ефименко А.* Двенадцать пунктов Вельяминова // Южная Русь: очерки, исследования и заметки. СПб., 1905. Т. 2.
5. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.
6. *Мякотин В.А.* Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Прага, 1926. Вып. II–III.
7. *Козут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини (1760–1830). Київ, 1996.
8. *Горобець В.М.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998.
9. *Пришляк В.В.* З листування Данила Апостола // Український археографічний щорічник. Київ, 2010. Вип. 15.
10. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т. I.
11. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. СПб, 1830.
12. Российский государственный архив древних актов, г. Москва.
13. *Горобець В.М.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007.
14. *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009.
15. Диариуш, или журнал, то есть повседневная записка случающихся при дворе ясновельможного его милости пана Иоанна Скоропадского событий... наченный 1722 году и оконченный в том же году по преставлении и погребении упомянутого гетмана Иоанна Скоропадского, в месяце июле, войскового канцелярии старшим канцеляристом Николаем Ханенком // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. I. Отд. V.
16. Акты, относящиеся до рода Полуботок // [Милорадович Г.] О роде дворян Полуботок. Киев, 1870.
17. Универсали Павла Полуботка (1722–1723) / упор. В. Ринсевич. Київ, 2008.
18. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
19. *Лазаревский А.М.* Люди Старой Малороссии (Марковичи) // Киевская Старина. 1884. № 1.
20. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.
21. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб, 1886–1888. Т. 55, 63.
22. *Лазаревский А.М.* Описание Старой Малороссии. Киев, 1902. Т. III. Прилуцкий полк.
23. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2000.
24. Дневник Петра Даниловича Апостола // Киевская Старина. 1895. № 7–8. Отд. II.
25. История Украины. СПб., 2015.
26. *Лазарев Я.А.* «К вашей ясновельможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М, 2013.

© 2016 г. Н.А. ЛУНЬКОВА

РИТМ ПРОЗЫ

(о синтаксисе рассказов Станислава Стратиева 1990-х годов)

В статье анализируется феномен ритма художественной прозы и некоторые факторы, влияющие на формальную организацию ритмики. Особое внимание уделяется разновидностям синтаксического ритма, представленным в рассказах Станислава Стратиева 1990-х годов, и их функциям в структуре текста.

The article focuses on the phenomenon of rhythm in prose and some factors affecting the formal organization of the rhythm. Special attention is paid to different forms of syntactic rhythm represented in the short stories of the 1990s by Stanislav Stratiev and their functions in the structure of the text.

Ключевые слова: ритм прозы, синтаксический ритм, болгарская литература, Станислав Стратиев.

Keywords: rhythm in prose, Bulgarian literature, Stanislav Stratiev.

Характерная для многих научных дисциплин категория ритма подразумевает периодическое повторение тождественных или соизмеримых элементов какой-либо структуры. «Нам свойственно по природе подражание, и гармония, и ритм» [1. С. 1068], – так Аристотель объяснял неоспоримое присутствие ритма в искусстве как одной из неотъемлемых его частей. Основой вечного движения мира являются единство и борьба противоположностей, и, будучи вписанным в систему пространственно-временных отношений с природой, человек, безусловно, не просто находится под властью ее ритмических и диалектических законов, но и подражает им в творчестве, поэтому именно «противоречия – насущный хлеб великого искусства, и его форма, и его содержание» [2. С. 88].

Являясь классифицирующей, категория ритма делит все виды искусства на два типа, ориентируясь на ритмические закономерности, характерные для объективного мира, и соотносясь с природой человеческого восприятия. Для одной группы искусств (архитектура, поэзия, танец) повторность носит устойчивый характер, поэтому категория ритма сопоставима в данном случае с категорией метра, а для другой группы (живопись, художественная проза и т.д.) не существует четкого принципа метра, но эти виды искусств все же ритмичны, только на другом основании. Ритмическая повторность подразумевает чередование *соизмеримых*, а не тождественных элементов, что подтверждает эволюция литературных форм от моноритмических, классических структур к полиритмичным формам, обладающим подвижной, неканонической структурой.

Лунькова Наталья Александровна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Повторность, будучи основой ритма, носит устойчивый характер в поэзии, где прослеживается четкий принцип метра. Однако метрическая система присутствует и в прозе, проявляясь в которой, она создает опорные пункты для восприятия ритма. В.М. Жирмунский и Б.В. Томашевский, разработавшие в 20-х годах XX в. теорию противопоставления ритма и метра, пришли к выводу, что «эмпирически данный поэтический текст воспринимается на фоне идеальной структуры, которая реализует себя как ритмическая инерция, “структурное ожидание”» [3. С. 57]. Стоит отметить, что ожидание и ритм неразрывно связаны друг с другом, поскольку после повторения какого-либо элемента несколько раз вырабатывается ожидание его очередного появления. При нарушении закономерности появления повторяемого явления в восприятии информации происходит сбой, поэтому повторение единиц ритма должно осуществляться через такие промежуточные времена, чтобы не нарушалось единство и цельная структура ритмического ряда, но в то же время сохранялась дискретность его единиц. С.М. Бонди полагает, что «художественный ритм всегда включает в себе две стороны», а именно «*равномерность*, закономерность процесса» и «*постоянные художественно-выразительные отклонения от этой равномерности*» [4. С. 128].

Ю.М. Лотман отмечал, что ритм, являющийся в стихе смысловоразличительным элементом, распространяет свое влияние и на те языковые элементы, которые в обычном употреблении не имеют смысловоразличительного характера. В связи с этим Е.В. Волкова убеждена, что характерным оказывается «спор о верлибре – безрифменном свободном стихе, пограничном между поэзией и прозой» [5. С. 79], где ритм, не укладываясь в привычные метрические схемы, «совершенно явственен от первого слова до последнего» [6. С. 203]. Несмотря на отсутствие многих типичных признаков стихосложения в верлибре есть особая внутренняя закономерность. Если верлибр является поэзией, то он должен обладать элементами повторения на разных уровнях своей структурной организации, так как повторы в стихотворной речи тесно связаны с «аффективностью всякого сообщения, имеющего яркую субъективно-оценочную окраску» [7. С. 111], без которых стихотворная речь немыслима. Однако отличительная особенность верлибра заключается в том, что в нем нет сквозной меры повтора, которая обязательна для классического стиха, в нем есть смена мер повтора как главенствующий структурный принцип. Принимая во внимание то, что единственным постоянным признаком, разграничивающим верлибр и прозу, является строфическое членение, «корреспондирование рядов, графически выделенных авторской установкой на стих» [7. С. 117], можно утверждать, что и для прозы могут быть характерны те же смысловые, синтаксические, фонетические и стилистические приемы, что и для верлибра, т.е. поэтического произведения.

Вопрос о существовании ритма прозы, которая «эстетически сложнее поэзии», так как ее «простота вторична» [8. С. 75], до сих пор остается предметом научных дискуссий. В XVIII в. русский классицист Н.П. Николев положил начало традиции соотносить метрическую структуру произведений поэтических с прозаическими. В отечественном литературоведении вопрос о ритме прозы вновь был поставлен на рубеже XIX–XX вв. Одной из первых возникает теория стопочленения прозы, но поиск чередования метрических стоп в художественной прозе не увенчался успехом, поскольку стопа как единица повторности присуща только метрически организованной речи. Б.В. Томашевский отмечал, что приверженцы этой теории (Г. Шенгели, Л. Гроссман и др.) «однообразно ищут в прозе стихов по принципу “стопосложения”» [9. С. 214].

Другие исследователи настаивали на акцентном (тактовом) принципе ритмизации. Так, А.М. Пешковский уподоблял ритм прозы чисто тоническому стиху, который он именовал «тактовым». Отсутствие регулярности чередований ритмических элементов в структуре прозаического произведения исследователь объяснял наличием определенного разнообразия в организации текста. Л.И. Тимофеев оспорил теорию А.М. Пешковского, высказав мысль, что у прозы вовсе нет своего ритма, а «когда он ей нужен – она вынуждена занимать его у стиха» [10. С. 30].

Особого внимания заслуживает теория Андрея Белого, изложенная в книге «Ритм как диалектика и “Медный Всадник”». Белый представлял природу русского стиха как выражение противоречия между структурной схемой и ее конкретным воплощением. Он утверждал, что для того, чтобы «понять кость, метр, форму, склероз ткани», нужно «взять эти кость, метр, форму, склероз в принципе метаморфозы всей ткани» (принцип метаморфозы и есть принцип ритма), «статику окостенений в модификации позвонков, ребер, фаланг» [11. С. 19], т.е. статику видовых размеров. Идея А. Белого применять для выявления ритма прозаического произведения те же методы, формулы, что и для определения ритма поэтического произведения была подвергнута критике. Так, Б.В. Томашевский не соглашался с мыслью А. Белого о присутствии в прозе «ямбо-анапестических» и «дактило-хореических размеров» и связывал подобные совпадения лишь с характером неударных промежутков в русском языке. Томашевский же иначе трактует ритм прозы: его теория базируется на выравнивании в прозе слогового объема интонационно и синтаксически объединенных групп – «речевых колонов» или «синтагм». Составляя процентные соотношения встречаемости тех или иных колонов в прозе А.С. Пушкина, он, однако, признает, что не существует никакого конструктивного закона, который бы образовывали нормы прозаического ритма.

В 60–70-х годах XX в. появились новые теории, касающиеся ритма прозы. Анализируя прозу А.С. Пушкина, А.З. Лежнев утверждал, что элементами, на которых базируется ритм прозы, являются связи между отдельными фразами, важно то, «как они сцепляются друг с другом» [12. С. 263]. В.М. Жирмунский в статье «О ритмической прозе» признал формы синтаксического параллелизма фундаментом для ритмической структуры прозы. Эту же мысль он развил позднее в книге «Теория стиха», где пришел к выводу, что основой для ритма прозы служит «художественное упорядочение синтаксических групп на элементе повторения и синтаксического параллелизма» [13. С. 574]. Согласно его теории, ритмические повторения на основе вторичных для поэзии, но при этом первичных для прозы признаков стихотворной речи несут свободный и нерегулярный характер. Ученый, отделяя прозу ритмическую от художественной, признал, что последняя нейтральна в ритмическом плане.

Говорить о том, что художественная неритмизованная проза является нейтральной по отношению к ритмическим категориям, было бы не совсем верно, поскольку, по мысли Цицерона, «проза, если она хочет быть отделанной и художественной, должна обладать ритмом» [14. С. 194]. Более того, «ни равносложность строк, ни рифма не могут быть отличием стиха от прозы [...] ибо поэзия может заключаться и в нестихотворном сочинении, а стихи могут трактовать и непоэтический предмет» [15. С. 276].

Вся литература – это «борьба понятий» [2. С. 111], поэтому главными в произведении оказываются «знаки движения мысли и чувства» [2. С. 108], их ритмическое чередование, осуществляемое разными способами. Уже само слово есть «рассказ о столкновении отношений», повторение которых и задает смысловой ритм в произведении. Из смены обстоятельств, сюжетных коллизий, этапов нравственных изменений характеров и создается сама история произведения. В.Б. Шкловский,

подробно исследуя «рифму поэзии» и «рифму прозы», заметил, что «повторения – это рифма прозы», и «ритм, а значит, рифма – это единственный способ движения с сохранением равновесия» [2. С. 116]. «Походка» прозаического произведения, т.е. ритм явлений и обстоятельств, у каждого автора своя, она «сложнее и труднее стихов» [16. С. 351], поскольку автор не может использовать устоявшийся, неизменный канон традиционного стиха. Опираясь на трактовку М.М. Гиршмана, важно подчеркнуть, что «ритм – один из “носителей”, необходимая “черта стиля”, “проявитель стиливого своеобразия»» [17. С. 81] каждого писателя.

В прозе определяющей является установка на изобразительность, и «одна из специфических черт прозы заключается в том, что в ней изобразительная установка доминирует, подчиняя себе “стилистический слой”, и прозаик не просто выражает личное отношение к изображаемому, но стремится “перелить в другого свой взгляд”» [17. С. 89]. Значимой стороной организации художественной речи является синтаксис. Он позволяет отразить в структуре предложения эстетические воззрения автора, логически усилить оценочную сторону высказываний, подчеркнуть выразительность текста, акцентирует внимание реципиента на главных смысловых «узлах» текста.

В качестве художественного материала при исследовании ритма прозы и синтаксического ритма в частности были выбраны рассказы болгарского писателя Станислава Стратиева 1990-х годов – сборники «Болгарская модель» (1991), «Упражнения в отличиях» (1993), «Стоян» (1995), «Лицо с картин Эль Греко» (1997), «Мотивы для кларнета» (1997), «Вавилонская хроника» (2000). Художественные особенности этих сборников отчасти связаны с увлечением болгарскими писателями постмодернизмом, элементы поэтики которого широко используются многими авторами, что находит непосредственное отражение в структуре произведений. Пародийный модус повествования, ирония и самоирония, фрагментарное восприятие действительности, многократная смена ролей и масок повествователя, поиск нового стиля – все это дает исследователям основание полагать, что рассказы «написаны по рецептам нового времени с использованием всех атрибутов постмодернистского дискурса» [18. С. 23]. Большинство прозаических текстов Стратиева 1990-х годов отличается «прерывистой», «рваной» структурой (в отличие от его прозы 1960–1980-х годов), что обусловлено и спецификой их проблематики. Главными вопросами для автора являются эмиграция, социальный кризис, духовная деградация, национальная идентичность, будущее Болгарии; также Стратиев затрагивает широкий круг нравственных и философских проблем. Осмысляя современную ему болгарскую действительность, писатель склонен многократно возвращаться к образам и сюжетам, делая их сквозными. Так, использование поэтики постмодернизма, проблематика и тематика рассказов Стратиева стали ключевыми факторами, непосредственно повлиявшими на формальную организацию ритмики его текстов, о которой речь пойдет далее.

Являясь способом структурной организации текста, ритм находит свое отражение в особенностях синтаксиса. Связь синтаксиса с ритмом рассматривается в работах О.М. Брика, В.М. Жирмунского, М.Л. Гаспарова, М.М. Гиршмана, Н.Г. Гумовской и других исследователей. Синтаксический ритм базируется на повторении сходных и соизмеримых элементов синтаксиса, определяет их отношения и логику следования. Наблюдая иерархию различных уровней ритма в художественном произведении, взаимопроникновение одного ритмического слоя в другой, можно предположить, что синтаксический ритм объединяет в себе все те смыслы, которые выявляются на более низких уровнях организации текста, и «в плане языковых средств является вершиной иерархической ритмической организации» [19. С. 212].

Г.Н. Гумовская в исследовании «Ритм как фактор выразительности художественного текста», изучая функционирование предложения (пропоземы) как основной ритмической единицы синтаксиса, отмечает, что следует различать два вида синтаксического ритма: ассимилятивный и диссимилятивный.

Ассимилятивный синтаксический ритм характерен для нейтральных фрагментов текста или высказывания, состоящих из одного или нескольких предложений, содержащих фактуальную информацию. Пример такого ритма есть, например, в рассказе «Старик»: «С часа до четырех в парке было спокойно. Младенцы спали, студент тихо листал свои учебники и что-то записывал в тетрадь, воздух был теплый и неподвижный. Засыпал и старик, подложивший себе под голову палку, завернутую в выцветший плащ» («Между един и четири в градината беше спокойно. Бебетата спяха, студентът тихо прелистваше учебниците си и нещо записваше в една тетрадка, въздухът беше топъл и неподвижен. Заспиваше и старецът, подложил под главата си бастуна, завят в избелелия шлифер») [20. С. 448]. В данном стилистически нейтральном фрагменте строение пропозем, синтаксических единиц ритма, не выходит за рамки языковой нормы и не имеет каких-либо функциональных сбоев. Автор сообщает о ходе развития сюжета, вводит в повествование новых персонажей.

Диссимилятивный синтаксический ритм наблюдается в таких фрагментах текста, где присутствуют стилистически окрашенные пропоземы, передающие авторскую позицию и определенную эстетическую информацию.

Существует несколько способов построения синтаксических единиц, при которых из-за возникающего функционального сбоя активизируется семантика высказывания, и к таким способам исследователи относят *инверсию*, *избыточность* или *недостаточность компонентов высказывания*.

Сущность *инверсии* заключается в перестановке взаимосвязанных членов предложения, причем она может затрагивать как грамматические, так и стилистические особенности высказывания. Используя инверсию, Стратиев делает самый важный член пропоземы ремой, помещает его чаще всего в конец предложения, акцентируя внимание читателя именно на нем. Так, инверсия встречается в рассказе «Моби Дик» (сб. «Мотивы для кларнета»), где повествуется о том, как человек работал долгие годы вместе с соотечественниками над построением основ (он уже не помнит чего именно и, в сущности, никогда не знал), а потом над их разрушением, но дальше основ дело не продвигалось,

«по крайней мере пока я был человеком.

Потом я стал млекопитающим.

Больше средств ни на что не было.

Я питался молоком.

С накрошенным в него хлебом.

[...]

Потом и молоко кончилось.

И хлеб.

Я перешел на воду

[...]

Между тем

и люди вокруг меня закончились.

Зверей стало больше.

И я стал китом.

В доме много китов.

Как и в соседних домах.
Медики указывают и на другие причины,
но, если спросите меня, в китов
нас превратило *отчаяние*»
(«поне докато бях човек.
След това станах млекопитаещо.
Нямах средства за друго.
Питаех мляко.
С надробен хляб вътре.

[...]

След това и млякото свърши.
И хлябът.
Минах на вода.

[...]

Междувременно
и хората около мене свършиха.
И аз станах кит.
Зверове станах а повече
В блока има доста китове.
Като и в съседните блокове.
Медицината сочи и други причини,
но мене ако питате, в китове
ни превърна отчаянието») [20. С. 41].

Название рассказа отсылает читателя к роману Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» (1851), сюжет которого в целом представляет собой движение к гибели, охоту на белоснежного кита, обернувшуюся трагедией: так цель и смысл утрачивают свою значимость. Возможно, именно о потере смысла в жизни и ведет речь в своем рассказе Стратиев, поскольку за словом «отчаяние», помещенным из привычной начальной позиции в конец предложения, угадывается авторская позиция: для обычного человека, не имеющего отношения к власти, определяющей, разрушать или создавать основы, в жизни нет места, и, будучи доведенным до крайней степени отчаяния, он, став китом, может лишь «снова и снова выбрасываться на песок» («отново и отново се хвърляме на пясъка») [20. С. 651].

Следующим способом усложнения синтаксической структуры и создания диссимильного ритма является *избыточность компонентов предложения*. В художественной прозе Стратиева 1990-х годов синтаксические конструкции, для которых характерна избыточность компонентов, встречаются часто. К ним относятся *синтаксическая тавтология, многосоюзие и повтор*. Их основная функция заключается в усилении воздействия на читателя.

При *синтаксической тавтологии* происходит дублирование члена предложения, выраженного чаще всего именем существительным, местоимением. Если в болгарском языке дополнение вынесено в начало предложения, оно нередко дублируется соответствующей формой местоимения (местоименная реприза), что позволяет отличать его от подлежащего. Но Стратиев иногда не использует эту распространенную в болгарском языке синтаксическую конструкцию:

«Полицаи гонят бандити.

Бандити гонят полицаи» [21. С. 15].

В данном примере определить, какое существительное является подлежащим, а какое дополнением, можно весьма условно, ориентируясь лишь на прямой по-

рядок слов, однако скорее всего здесь есть элемент игры с читателем, которая утрачивается в буквальном переводе на русский:

«Полицейские гонятся за бандитами.

Бандиты гонятся за полицейскими».

Языковая игра выражается в том, что в первом предложении «полицейские» могут быть не подлежащим, а дополнением. В связи с этим возможен и другой вариант перевода, если принимать во внимание пристрастие автора к разного рода лексическим и синтаксическим повторам и подхватам, его желание усилить выразительность данного фрагмента:

«За полицейскими гонятся бандиты.

Бандиты гонятся за полицейскими».

Многосоюзие (полисиндетон) используется Стратиевым для связи как однородных членов предложения, так и следующих друг за другом предложений. Нужно отметить, что одной из особенностей синтаксического ритма в рассматриваемых рассказах является то, что предложения часто начинаются с союзов или союзных слов, задавая определенный темп повествованию. Многосоюзие выступает и как основа вертикального членения текста:

«[...] нам доказывают, что невозможно, чтобы один из наших соседей напал на нас.

Что невозможно, чтобы Болгария перестала существовать.

Что невозможно, чтобы болгарский язык исчез.

Что невозможно, чтобы мы превратились в пустыню.

Что невозможно существование никакой альтернативы кроме демократии.

Что невозможно, чтобы мы не были Европой.

Некоторые наши соотечественники утверждают, что невозможно, чтобы существовало такое животное, как жираф.

Возможно, что где-то в другом месте и нет такого животного.

Однако в Болгарии концентрация жирафов исключительно высока».

(«[...] ни доказват, че е невъзможно някой от съседите ни да ни нападне.

Че е невъзможно България да престане да съществува.

Че е невъзможно българският език да изчезне.

Че е невъзможно да се превърнем в пустиня.

Че е невъзможно да има друга алтернатива освен демокрацията.

Че е невъзможно да не сме в Европа.

Някои наши сънародници твърдят, че е невъзможно да има такова животно, като жирафа.

Възможно е другаде да не съществува такова животно.

В България обаче концентрацията на жирафите е изключително висока» [20. С. 638].

Следующей и, наверное, самой распространенной синтаксической конструкцией, связанной с избыточностью компонентов предложения, является *повтор* знаменательных частей речи. Повтор привлекает к себе внимание читателя, подчеркивает важность данного элемента в структуре высказывания. Повтор может задавать эмфатическую длительность, и в этом случае, как правило, дублироваться будут глагольные формы:

«И они войдут в стеклянную кабину, сядут на стульчик и будут *говорить*...

Будут *говорить*, *говорить*, *говорить*...»

(«И ще влязат в стъклената кабина, ще седнат на столчето и ще говорят...

Ще говорят, говорят, говорят...») [20. С. 654].

Стилистическая функция повтора связана, безусловно, и с лексическим значением повторяющихся элементов. В следующем отрывке дублирование интенсификаторов «*свой*» и «*снова*» способствует раскрытию мотива возвращения на родину: «Они в *своих* Индиях, *своих* Пакистанах, *своих* Африках, дома, *снова* дома, наконец-то дома, и они *снова* становятся людьми, *снова* все близко и знакомо, дорого, и *снова* они слышат любимые голоса, и *снова* в сознании всплывают картинки, которые не забыть никогда, – домик, глиняные стены, пальма, река, незаходящее солнце, Фатма, Ширин, дюжина братьев и сестер...» («Те са в техните Индии, а техните Пакистани, в техните Африка, у дома, отново у дома, най-накрая у дома и отново са хора, отново всичко е близко и познато, скъпо, и отново чуват любимите гласове, и отново в съзнанието незабравимите до самия край картини – къщичката, глинените стени, палмата, реката, незалязващото слънце, Фатма, Ширин, дузината братя и сестри...») [20. С. 654]. Стратиев использует повтор для указания на интенсивность процесса или явления, степень душевного переживания. Используя в рассказах разных сборников одинаковые цепочки повторяющихся лексических элементов, автор постоянно заставляет читателя проводить параллели между разными текстами и сравнивать их, заострять внимание на том, что выделено ритмической организацией его прозы.

Диссимилиативный синтаксический ритм может выражаться и с помощью *недостаточности компонентов предложения*. Из синтаксических конструкций, относящихся к моделям с отсутствием некоторых компонентов пропозиции, Стратиев использует *парцелляцию, эллипс, апосиопис* и *номинативные предложения*.

В основе *парцелляции*, одного из самых распространенных приемов экспрессивного синтаксиса, лежит принцип расчленения синтагматической цепи, что придает синтаксическому ритму эффект «раздробленности». Парцеллированная конструкция состоит из базовой части и одного или нескольких парцеллятов. Для определения признаков таких конструкций используется депарцелляция, т.е. «инкорпорирование парцеллята в состав базовой части» [19. С. 253], что позволяет отличать парцелляцию от других модификаций синтаксического ритма. Во всех своих сборниках 1990-х годов Стратиев использует парцелляцию вне зависимости от доминирующего начала (сатирического, трагикомического, лирического) в каждом конкретном произведении. Многообразие парцеллированных конструкций связано как с составом парцеллята, его позицией в составе конструкции, так и со структурно-семантической характеристикой парцеллята. Необходимо обратить внимание на то, что в прозаической структуре текстов Стратиева вертикальный порядок строк зрительно выделяется. Эта установка на создание из каждого парцеллята отдельного абзаца, очевидно, несет в себе дополнительную смысловую нагрузку, усиливая семантическую важность определенных отрезков текста:

«Оказывается, что мы были народом, состоящим из диссидентов, эмигрантов и противников режима.

И одиннадцати членов Политбюро.

Из которых некоторые тоже подозрительны»

(«Оказва се, че сме били народ, съставен от дисиденти, емигранти и противници на режима.

И единайсет членове на Политбюро.

От които някои също съмнителни») [20. С. 562];

«Одно время я пытался жить как курица.

Без головы.

Никому не были нужны мысли, а мне они на что.

Когда я был маленький, мы отрезали голову курице, а та продолжала бегать по двору.

Без головы»

(«Известно време се опитах да живея като кокошка.

Без глава.

Никой нямаше нужда от мисли, а на мене за какво ми са.

Когато бях малък, клъцвахме главата на кокошката, а тя продължаваше да си подскача из двора.

Без глава») [20. С. 674].

Смысловые и композиционные функции парцелляции, создающей прерывистый, динамичный ритм, реализуются в рассказах С. Стратиева согласно стилистическим установкам его прозы. Наличие цепочек парцеллятов, их дистантное расположение способствуют приобретению отдельными элементами, семантически связанными с идейной основой произведения, большей значимости и повышению эмоциональной выразительности текста.

От парцелляции следует отличать другой тип синтаксических модификаций, связанных с недостаточностью компонентов пропоземы, – *эллипс*. Отсутствие одного из главных членов предложения часто встречается даже в неэмфатических конструкциях в болгарском языке, поскольку в пропоземах личные местоимения-подлежащие часто опускаются (в болгарском языке глагол своей формой в большинстве случаев сам указывает на то, о каком субъекте действия идет речь). Предложения с личным местоимением-подлежащим употребляются чаще в том случае, когда говорящий хочет особо подчеркнуть действующее лицо, сделать на нем логическое ударение:

«Да, я говорил на Эзоповом языке.

А он на каком языке молчал?»

(«Да, аз говорих на Езопов език.

А той на какъв език мълча?») [21. С. 23]

Прерывистость, «неровность» синтаксическому ритму придает такой прием, как *апосиопис*, т.е. недосказ. Логическая незавершенность высказываний, характеризующая апосиопис, дает возможность читателю продолжить цепочку однородных членов, самому домыслить, завершить мысль автора:

«И поцеловать мы не можем как люди.

В Центральной Европе тебя поцелуют...

Когда мне так говорят, я чувствую, что все больше отдаляюсь от Центральной Европы.

Отдаляюсь и от Юго-Восточной, и вообще от Европы, перемещаюсь в Азию.

[...]

От Абисинии, по Нилу, к Конго...»

(«И да целунем не можем като хората.

В Централна Европа да те целунат...

Докато ми говорят така, усещам, че се отдалечавам все повече от Централна Европа.

Отдалечавам се и от Югоизточна, и въобще от Европа, навлизам в Азия.

[...]

От Абисиния, по Нил, към Конго...») [20. С. 644].

Еще одной распространенной синтаксической моделью является *номинативное предложение*. Усиление эмфазы при употреблении номинативного предложения или нескольких таких конструкций последовательно базируется на том, что в сознании читателя представление о называемом предмете или явлении возникает

изолированно от последующего. Здесь важную роль играют воображение реципиента и наличие фоновых знаний, которые помогают декодировать заложенные в тексте аллюзии и реминисценции, получить концептуальную и подтекстовую информацию, не выраженную в тексте вербально. В рассказе «Фотоувеличение» автор рисует удручающую картину опустевшего села именно с помощью номинативных предложений:

«Невообразимая пустошь.

Огромные каменистые склоны, голые и пыльные, заброшенные каменные карьеры, изрытые дороги [...]

Вырубленный рядом лес.

Сгоревшая, побелевшая от суперфосфата земля.

Пересохшие родники»

(«Пущинакът е невъобразим.

Огромни каменисти скатове, голи и прашни, зарязани каменни кариери, изровени пътища [...]

Изпосечени гори наоколо.

Прегоряла, побеляла от суперфосфата земя.

Пресъхнали чешми») [20. С. 540].

Каждое предложение, вынесенное в отдельный абзац, представляет собой «кадр», сделанный автором-фотографом. Название рассказа отсылает нас к фильму Микеланджело Антониони «Фотоувеличение» (1966), в котором главный герой делает серию снимков в парке и случайно запечатлевает убийство. Он понимает это, проявив пленку и сделав увеличение фото. В финальном предложении этого рассказа Стратиев использует тот же прием «фотоувеличения»: здесь тоже совершено убийство – убийство нации, которая отказалась от своей национальной идентичности и эмигрировала: «Перед закрытой мэрией на всю ограду большими, наполовину стершимися красными буквами написано: “Американцы, отправляйтесь домой!”» («Пред заключеното кметство през цялата ограда с големи полуизтрити червени букви пише: “Американци, вървете си у дома!”») [21. С. 38].

Говоря о собственно ритмических законах организации текста и их многообразии, нельзя не затронуть вопрос о тесно связанной с ними *симметрии* как принципе структурирования прозаических произведения С. Стратиева. Она представлена в его прозе двумя разновидностями: *переносной* и *зеркальной*. Симметрия, в основе которой лежит принцип бинарных оппозиций, имеет лексико-синтаксическое воплощение и может определять композицию как одного произведения, так и целого сборника.

В рассказах Стратиева основой синтаксической и композиционной структуры часто выступает такой вид переносной симметрии, как *лексико-синтаксический параллелизм*, при котором однотипны как сами синтаксические конструкции, так и их лексическое наполнение:

«Какое значение для повешенного имеет название того, на чем он повешен?

Политики и лексикологи могут всю жизнь спорить: на веревке или на канате.

И что из этого более прогрессивно.

Какое значение для повешенного, однако?

[...]

Какое значение для повешенного: геральдическим или политическим является спор о гербе?

[...]

Какое значение?

Какое значение это имеет для всех нас, которые находятся на грани бедности и отчаяния?

И для которых веревка – это, в сущности, канат»

(«Какво значение за обесения как се нарича онова, с което е обесен?

Политици и семантици могат да си изкарат цял живот в спор: връв или канап.

И кое е по-прогресивно.

Какво значение за обесения обаче?

[...]

Какво значение за обесения хералдически или политически е спорът за герба?

[...]

Какво значение?

Какво значение за всички нас, които сме на границата на бедността и отчаянието?

И за които връвта си е всъщност канап») [20. С. 645].

В данном фрагменте лексико-грамматический параллелизм становится основой для анафорической композиции рассказа, образует смысловую стержень всего текста. Целью использования такого приема, как анафора, является акцентирование внимания на конкретном элементе, участвующем в повторении. Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что анафора придает ритму прозаического произведения сходство с поэтическим.

Стратиев использует и зеркальную симметрию для организации синтаксической структуры своих рассказов, в которых встречается *хиазм* – стилистический прием, основанный на принципе обратного параллелизма: модель построения одного предложения зеркально отражается в другом. Такие конструкции базируются на антитезе:

«Каждый доказывает, что он – это не он.

Каждый утверждает, что *он не думал, что говорил, и не говорил того, о чем думал*»

(«Всеки доказва, че не е той.

Всеки твърди, че не е мислел това, което е казвал, и не е казвал това, което е мислел») [20. С. 658].

Наряду с хиазмом Стратиев использует *подхват*. При подхвате группа слов или слов, завершающих предложение, повторяется в начале следующего:

«По болгарской модели в свирели нет девятого отверстия. Оно не пробито. Пробито сразу десятое» («При българският модел няма девета дупка на кавала. Тя не е пробита. Пробита е направо десета») [20. С. 527].

Исследование ряда синтаксических особенностей прозаических произведений С. Стратиева 1990-х годов позволяет прийти к выводу, что ритм прозы представляет собой структурный принцип, который важен для связности текстов, их целостного восприятия. Формируясь с помощью лексических и синтаксических средств, ритм напрямую связан со смысловой наполненностью произведений. Принцип вертикального членения текста, как правило, сопровождается у Стратиева сатирическим модусом повествования и не является характерным для лирических зарисовок. Различные синтаксические построения, характеризующие как ассимилятивный, так и диссимилятивный вид ритма, позволяют автору постоянно возвращаться к затронутым ранее проблемам и воплощать их в различных образах и структурах. Представляется перспективным изучение связи ритма и стилистики прозаических структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998.
2. *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М., 1983.
3. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
4. *Бонди С.М.* О ритме // Контекст. 1976. М., 1977.
5. *Волкова Е.В.* Ритм как объект эстетического анализа // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
6. *Аверинцев С.С.* Ритм как теодицея // Новый мир. 2001. № 2.
7. *Жовтис А.А.* Границы свободного стиха // Вопросы литературы. 1966. № 5.
8. *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
9. *Томашевский В.Б.* Ритм прозы // О стихе. Л., 1929.
10. *Тимофеев Л.И.* Ритм стиха и ритм прозы: О новой теории ритма проф. А.М. Пешковского // На литературном посту. 1928. № 19.
11. *Белый А.* Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929.
12. *Лежнев А.З.* Проза Пушкина. М., 1966.
13. *Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л., 1975.
14. *Античные мыслители об искусстве*. М., 1937.
15. *Гаспаров М.Л.* Оппозиция «стих–проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985.
16. *Кожин В.В.* Происхождение романа. М., 1963.
17. *Гиришман М.М.* Ритм художественной прозы. М., 1982.
18. *Карцева З.И.* Мотивы боли и отчаяния (сатирическая проза Станислава Стратиева 1990-х гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 5.
19. *Гумовская Г.Н.* Ритм как фактор выразительности художественного текста. М., 2000.
20. *Стратиев С.* Избрано. София, 2009. Т.1.
21. *Стратиев С.* Мотивы за кларинет. София, 1997.

ДИСКУССИЯ

© 2016 г. А. ЗУППАН

КОНФЛИКТ, ВОЙНА И ГЕНОЦИД В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. 1938–1948. ЧАСТЬ II¹

Во второй части статьи предпринят анализ национальной политики Чехословакии и Югославии после окончания Второй мировой войны.

The second part of the article provides analysis of the national policies of Czechoslovakia and Yugoslavia after the end of the Second World War.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Чехословакия, Югославия, геноцид, этнические конфликты.

Keywords: World War II, Czechoslovakia, Yugoslavia, genocide, ethnic conflicts.

К концу Второй мировой войны и силы сопротивления, и эмиграция думали не только о мести и возмездии, но и о создании «революционного климата», чтобы освободить свои страны от немцев и венгров, лучше всего – в ходе боевых операций. Президент Эдвард Бенеш, премьер-министр Зденек Фирлингер (1891–1976) и глава КПЧ Клемент Готтвальд (1896–1953) хотели замаскировать изгнание немцев под «национальную революцию, соединенную с революцией социальной» и распалить ненависть, накопившуюся за годы нацистской оккупации, требованием возмездия. После того как на глазах чешского населения в дни Пражского восстания между 5 и 8 мая 1945 г. немецкие бомбардировщики сбрасывали зажигательные и фугасные бомбы, а боевые отряды Ваффен-СС использовали женщин и детей как заложников и живой щит против повстанческих баррикад, Чешский национальный совет в радиообращении 9 мая потребовал: «Найдите немецких убийц и, если они оказывают сопротивление, убейте их». Утром того же дня танки 1-го Украинского фронта вошли в северные предместья Праги и положили конец чешским погромам не успевших покинуть свои дома немцев. 16 мая 1945 г. президент Бенеш оправдал эти действия: «Необходимо будет [...] особенно бескомпромиссно ликвидировать немцев в Чешских землях и венгров в Словакии» [2; 3. S. 43; 4. S. 126].

Вооруженные «революционные гвардии», караулы национальной безопасности, бойцы сформированного в СССР Чехословацкого корпуса, вышедшие на свободу узники тюрем и лагерей, разбушевавшаяся толпа казнили самосудом и

Зуппан Арнольд – академик Австрийской академии наук.

¹ Вторая часть статьи, представляющей основные выводы монографии [1], первую часть см.: «Славяноведение». 2016. № 3.

судом Линча тех, кого считали нацистами, коллаборационистами или подозрительными лицами. Например, в конце мая в Постопопрты были расстреляны 800 гражданских лиц – судетских немцев, в середине июня в Пршерове – 245 карпатских немцев. Около тысячи человек не пережили садистского выселения 26 тыс. судетских немцев из Брно в конце мая – начале июня. Безнаказанным осталось массовое убийство 31 июля в Усти-над-Лабой, когда взрыв склада с боеприпасами был немедленно приписан немецким саботажникам. Наряду с этими актами насилия чешские военные формирования, милиция и революционные гвардии проводили массовые выселения немцев, предварительно разграбив их имущество. Только в период с начала мая до начала августа 1945 г. таким образом до 450 тыс. судетских немцев были выселены в советскую оккупационную зону Германии, 200 тыс. – в американскую, 150 тыс. – в Австрию. Сотни тысяч немцев оказались более чем в 300 лагерях для перемещенных лиц или в тюрьмах, общее число погибших в этих лагерях, по сегодняшним оценкам, варьируется между 4 и 5 тыс. человек [5–6; 7. S. 131–156, 246–249, 334–338, 415–447].

Первые крупные акты мести против немцев в Югославии последовали непосредственно после занятия Сербии и Воеводины Красной армией в октябре 1944 г., которая, выдвинувшись из Румынии и Болгарии, вступила в Южную Венгрию. В сопровождении красноармейцев югославские партизаны убили в Банате, Бачке и Среме более 7 000 немцев из числа гражданского населения, которым не удалось ни вовремя эвакуироваться, ни спастись бегством. И все-таки 225 тыс. дунайских швабов чаша сия миновала. Карательные акции югославской коммунистической тайной полиции ОЗНА (Отделение защиты народа) были направлены прежде всего против немецких промышленников, зажиточных ремесленников, богатых крестьян, представителей свободных профессий, учителей и священников, а также против зажиточных венгров и сербов. Уже в октябре 1944 г. немцы и венгры в Воеводине подвергались арестам и задержаниям как «политически неблагонадежные лица». После Рождества 1944 г. по требованию советской стороны из лагерей и деревень дунайских швабов на принудительные работы в СССР, прежде всего в Донбасс, были отправлены 27 тыс. женщин и мужчин. В январе 1945 г. дошла очередь до Бачки, Баната и Славонии, откуда 135 тыс. дунайских швабов – мужчин, женщин, детей – были свезены в трудовые и концентрационные лагеря, где затем 50 тыс. из них погибли [8–9; 10. S. 114–131, 149–163, 238–257].

Значительное число хорватских и словенских немцев смогли эвакуироваться еще до конца войны или бежали вслед за отступавшими немецкими войсками. Политические и военные вожди словенского Освободительного фронта перед самым концом войны отдали ясный приказ: немедленно уничтожить как можно больше немцев из Нижней Штирии. Наконец, по окончании войны партизаны провели ряд массовых казней хорватских, словенских, сербских и боснийских «коллаборационистов» (ушастей, хорватских домбранов, словенских домбранцев, четников, мусульман). Их массовые захоронения, насчитывавшие до 100 тыс. трупов, были предъявлены общественности по инициативе словенского парламента. В карстовых пещерах (по-итальянски «foibe») в пригороде Триеста тайная полиция ОЗНА массово расстреливала карабинеров, итальянских полицейских, чиновников, учителей и почтовых курьеров [11–14].

«Этнические чистки» были допустимым политическим средством совмещения будущих государственных и этнических границ не только для Гитлера и Сталина, но и для Черчилля. У всех на слуху был пример «обмена населением» между Грецией и Турцией в 1922–1923 гг., и это не воспринималось как что-то негативное [15. P. 27–38; 16].

Бенеш тоже был поборником «этнической инженерии» и уже в 1938 г. строил планы разделения чехов и немцев. После убийства Гейдриха ему удалось 6 июля 1942 г. добиться от британского правительства официального заявления о дезаурировании Мюнхенского соглашения и тайного признания всеобщего принципа выселения немецкого меньшинства из Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы после войны. Президент Рузвельт согласился на это весной 1943 г., генералиссимус Сталин – в декабре 1943 г. Ни Красная армия в Моравии, восточной и центральной Чехии, ни Армия США в западной и южной Чехии не воспрепятствовали санкционированному ведущими чешскими политиками и военными бесконтрольному изгнанию примерно 800 тыс. судетских немцев в оккупационные зоны союзников в Германии и Австрии. Только после подписания соглашения в Потсдаме 2 августа 1945 г. союзники попытались остановить эти иллегальные акции и отдали приказ об «организованном и гуманном перемещении» немецкого населения из Чехословакии, Польши и Венгрии, которое, конечно же, проходило как угодно, только не организованно [17–19].

2 августа 1945 г. увидел свет конституционный декрет президента Бенеша, лишивший немцев и венгров, за исключением «антифашистов», гражданства, что стало правовой основой для принудительного переселения. Пражское правительство объявило Союзническому контрольному совету по Германии, что еще 2,5 млн немцев подлежат выселению, и 20 ноября 1945 г. тот согласился разделить поток выселяемых в оккупационные зоны в Германии. Из Чехословакии 1,75 млн немцев были депортированы в американскую зону, 750 тыс. – в советскую зону. Руководство операцией (по-чешски «odsun») взяло на себя Министерство внутренних дел в Праге, которое через свои «региональные органы заселения» в сотрудничестве с «Национальными комитетами», полицией и армией организовало выселение и параллельно переселение. Министр внутренних дел Вацлав Носек (1892–1955) отмечал не без гордости в отчете чехословацкому парламенту 24 октября 1946 г.: «Мы исполнили вековую мечту поколений – выселили немцев» [20–21].

Сходного плана изгнания и выселения этнических немцев из Югославии разработано не было ни Президиумом АВНОЮ, ни Верховным штабом маршала Тито. Однако в Словенском народно-освободительном совете не исключали возможности выселения нижнестирийских немцев, учитывая их роль в оккупационной политике нацистов, из Словении. До сих пор неясно, почему в июле 1945 г. югославское правительство не внесло на конференции в Потсдаме предложения о принудительном выселении находящихся на территории Югославии или, как минимум, подвергшихся задержанию немцев. Когда же правительство Тито в январе 1946 г. внесло это требование на рассмотрение союзников, Великобритания и СССР его отклонили, поскольку массовый вывоз немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии шел полным ходом, и союзники опасались возникновения больших проблем с их обеспечением [10. S. 260–267].

Подписанный 19 июня 1945 г. президентом Бенешем декрет «О наказании нацистских преступников, предателей и их пособников» касался не только преступлений против человечности, мира или военных преступлений, но и «покушений против республики». Чешские «чрезвычайные народные суды» вынесли смертные приговоры 475 немцам и 234 чехам, приговорили к пожизненному заключению 443 немца, 293 чеха, 19 888 обвиняемых получили до 10 лет тюремного заключения, 9 132 подозреваемых были отпущены на свободу, 5 129 человек спаслись бегством или умерли. В числе казненных были государственный министр и генерал СС К.Г. Франк, рейхспротектор К. Далюэге, заместитель градоначальника

Праги, историк Й. Пфиднер (1901–1945). Напротив, ни один министр из кабинета Протектората не был казнен. В Братиславе народный суд приговорил к смертной казни президента Й. Тисо и премьер-министра Войтеха Тука (1880–1946), но не министра внутренних дел Александра Маха (1902–1980) [22–23; 24. P. 252–289].

После тысяч смертных приговоров военно-полевых судов в годы войны и непосредственно после ее окончания в коммунистической Югославии летом 1945 г. не дошло дело до судебных процессов в тех масштабах, как в Чехословакии. Новое правосудие сконцентрировалось на показательных процессах против немецких генералов, вождей СС, нацистских функционеров и официальных представителей действовавших на территории страны этнических союзов и ассоциаций, таких как Йозеф «Сеп» Янко в Банате или Франц Кармазин в Словакии. Так, в Белграде были казнены генерал-полковник Александр Лёр, генерал Генрих Данкльманн, генерал войск СС и полиции Август Мейснер, группен-фюрер СС Гаральд Турнер, в Загребе – немецкий посланник Зигфрид Каше и лютеранский епископ Филипп Попп, а Любляне – гауляйтер Каринтии и имперский комиссар обороны Фридрих Райнер, как и генерал войск СС и полиции Эрвин Рёзенер. Одновременно перед судом предстали и были казнены сотни «местных предателей»: в их числе в Белграде – арестованный в 1946 г. командир четников Дража Михайлович, в Загребе – премьер-министр Хорватии Никола Мандич (1869–1945), в Любляне – командующий Словенским домобранством генерал Леон Рупник (1880–1946) [25–26].

В постановлении Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) от 21 ноября 1944 г. не делалось различия между государственной и частной немецкой или венгерской собственностью, объявлялась конфискация на день публикации и поручалось ее проведение соответствующим окружным и районным национальным комитетам освобождения. Так одним ударом этнические немцы и венгры в Югославии были лишены средств к существованию. Широко распространенное в историографии и политических кругах предположение, что 21 ноября 1944 г. Президиум АВНОЮ принял постановление не только о «конфискации собственности врагов в пользу государства», но и о лишении гражданских прав, не находит подтверждения. Эта формулировка появляется впервые в разъяснении от 23 мая 1945 г. Гражданства немцы и венгры были лишены летом 1945 г. по закону о списках избирателей и гражданстве [10. S. 230–238; 27].

Из 98 декретов, подписанных президентом Бенешем с мая по октябрь 1945 г., немцев и венгров затрагивали около дюжины: о недействительности передачи прав собственности в период после 1938 г., о конфискации сельскохозяйственной собственности, о наказании нацистских преступников, об утере чехословацкого гражданства, о трудовой повинности мужчин и женщин, о роспуске немецкого университета в Праге и технических институтов в Праге и Брно, о национализации горного дела, крупных промышленных предприятий, банков и страховых компаний, о конфискации вражеской собственности, наконец, о превентивном заключении политически неблагонадежных лиц [22].

Постановления АВНОЮ и декреты Бенеша повлекли за собой ряд последствий. На основании декретов Бенеша немцы и венгры безвозмездно лишились всего 1,62 млн га земель сельскохозяйственного назначения, 1,2 млн га лесов, всего около 29 тыс. кв. км (территории, равной по площади целой Моравии), далее – около 39 тыс. промышленных предприятий, 34 тыс. ремесленных мастерских, сотен тысяч фирм, домов, квартир, не говоря уже о банках, страховых компаниях, отелях, санаториях, врачебных практиках, адвокатских конторах, библиотеках, театрах, музеях и т.п. По подсчетам судетских немцев, их собствен-

ность к роковому дню 8 мая 1945 г. должна была составлять 48 млрд 587 млн 230 тыс. рейхсмарок (или 19,44 млрд долларов). Во исполнение постановлений АВНОЮ дунайские швабы и словенские немцы после 21 ноября 1944 г. потеряли всего 96 874 предприятия с 636 847 га земель сельско- и лесохозяйственного назначения, все промышленные предприятия, ремесленные мастерские, фирмы, дома, квартиры, банки, страховые компании, отели, санатории, врачебные практики, адвокатские конторы, библиотеки, театры, музеи и т.п. общей стоимостью 15 млрд 589 млн 338 тыс. немецких марок [28; 29. S. 184–204].

Многие статистические данные о жертвах были «спущены сверху» или считались табу до 1989 г. После падения железного занавеса цифры жертв обрели новый символический смысл и превратились, говоря словами немецкого историка Винфрида Шульце, «в историко-политические иконы». Для этого потребовались обобщающие подсчеты и сопоставление человеческих потерь, обусловленных войной, в Чехословакии и Югославии. Население Чехословакии накануне Мюнхенского сговора составляло примерно 15 млн человек, из них около 7,5 млн чехов, 3,3 млн немцев, 2,4 млн словаков, 730 тыс. венгров, 580 тыс. украинцев, 360 тыс. евреев, 90 тыс. поляков и 50 тыс. цыган. Из них между октябрём 1938 и декабрём 1946 г. насильственной смертью умерли 600 тыс. человек – сгинули в нацистских лагерях смерти, в концентрационных лагерях, на фронтах, в партизанском движении, были казнены в ходе военных и полицейских операций, погибли под бомбами, на принудительных работах или в изгнании. Самая высокая доля приходится на евреев, из них 270 тыс. были умерщвлены в Освенциме, жертвами расовых преследований пали 6 тыс. цыган. Потери судетских и карпатских немцев исчисляются 190 тыс. солдат, павших на фронтах, и 30 тыс. жертв насильственных переселений. Чехи заявляют о потерях в пределах 40–45 тыс. человек, словаки – о 30 тыс. погибших. Данные о чехословацких венграх, украинцах, поляках до сих пор не подсчитаны [30. S. 127–147].

Население Югославии составляло в марте 1941 г. около 15,9 млн человек, из них 6,3 млн сербов, 3,7 млн хорватов, 1,3 млн словенцев, 1,1 млн мусульман Боснии и Герцеговины, 700 тыс. македонцев, 600 тыс. албанцев, 550 тыс. немцев, 500 тыс. венгров, 250 тыс. черногорцев, 150 тыс. румын и турок, 130 тыс. болгар, 90 тыс. цыган, 80 тыс. словаков, 70 тыс. евреев, 55 тыс. чехов, 40 тыс. русских, 30 тыс. украинцев и русин и 10 тыс. итальянцев. Из них в период между апрелем 1941 и мартом 1948 г. насильственной смертью умерли 1,2 млн человек: вследствие массовых преследований усташами сербов, евреев и цыган, в войне партизан и четников против оккупационных властей, но также и против усташей, мусульман и в столкновениях между ними, в ходе казней и расправ с заложниками, организованных немцами, итальянцами, венграми и болгарями, в хорватских и немецких лагерях смерти и концентрационных лагерях, а с января 1945 г. – в югославских концентрационных лагерях, на фронтах, принудительных работах, в изгнании, в ходе внутриюгославских актов возмездия, сразу после окончания войны. Самая большая доля жертв приходится на сербов с 530 тыс. погибших, за ними следуют хорваты с 240 тыс., мусульмане Боснии и Герцеговины и словенцы составляют по 100 тыс., югославские немцы – 60 тыс. гражданского населения и 25 тыс. солдат, евреи – 50 тыс., черногорцы – 20 тыс., югославские албанцы и цыгане – 18 тыс., югославские венгры – 12 тыс. человек [31. P. 751–778; 32, 33].

В 2005 г. по случаю 60-й годовщины окончания Второй мировой войны немецкий историк Райнхарт Козеллек (1923–2006) задал вопрос, на который до сих пор нет удовлетворительного ответа: «Какие выводы следует сделать из откры-

тия, что мы в Европе имеем общую историю, но не имеем общей памяти?» [34. S. 254–265].

Великое множество немцев и австрийцев, которые потерпели тотальное поражение, оказавшись побежденными, были «освобождены» далеко не так, как западные и южные славяне. И большинство немцев и австрийцев не могут считаться такими же «жертвами», как их завоеванные немцами соседи или уничтожавшиеся нацистским режимом народы. На самом деле, воспоминание о Второй мировой войне занимает ключевое место в воспоминаниях стран – участниц той кровавой драмы, о чем свидетельствуют большие международные памятные мероприятия 1975, 1985, 1995, 2005 гг., как и торжества 2009 г. в Гданьске или 2014 г. в Нормандии, организованные отчасти с целью демонстрации примирения [35].

Вплоть до конца 1980-х годов подавляющее большинство чешского и словацкого населения считало декреты Бенеша и выселение немцев и венгров справедливым. Только избранный в конце 1989 г. новый президент Чехословакии (с 1993 г. – Чешской Республики) Вацлав Гавел недвусмысленно заявил в «Lidové poviny» («Народная газета») в марте 1993 г.: «Изгнание миллионов людей на чисто националистических основаниях, именуемых принципом коллективной вины, является с нравственной точки зрения неправильным». Преемники Гавела на посту президента – Вацлав Клаус и Милош Земан – не разделяли такой позиции. 26 из 143 декретов Бенеша остаются в силе, по крайней мере, частично, и после 1992 г. Закон о реституции от 21 февраля 1991 г. касался только собственности, конфискованной после 25 февраля 1948 г. Национальный совет Словацкой Республики 20 сентября 2007 г. большинством голосов постановил, что правовые отношения и отношения собственности, установленные послевоенным законодательством, «несомненны, неприкосновенны и неизменны» [36–38].

Новая югославская государственная идеология строилась после 1945 г. на лозунге «антифашистской народно-освободительной войны» и «социалистической революции», и лозунг «Братство и единство» должен был замаскировать многолетнюю гражданскую войну в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Словении. Однако в 1989 г. на смену созданной Тито единой парадигме исторической памяти пришла неоднозначность оценок событий военной поры, и различные, создававшиеся новыми правительствами и парламентами следственные комиссии принялись искать жертв войны в шахтах, противотанковых рвах и пещерах. Результаты их работы наводят ужас [39–41].

Для преодоления раскола в истории межнациональных отношений в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе необходимо, чтобы все вовлеченные стороны были готовы хранить память не только об испытанных, но и причиненных страданиях и несправедливости. Память о причиненной несправедливости является необходимым знаком прерывания плохой исторической преемственности. Здесь уместно процитировать предостережение словацкого писателя Драго Янчара: «Хорошо, когда политики участвуют в символических актах примирения. Но эти акты не в состоянии отменить ужасы, творившиеся в этой части Европы. Они не освободят нас от ответственности за лучшее будущее, если мы не поймем послания из прошлого. Эти послания годами приходят к нам в виде фальсификаций истории и замалчивавшихся глав на темной стороне луны. Поэтому на место слова “примирение”, которое давно стало пустым звуком, нам нужно поставить слова “истина” и “память”» [13. S. 50].

Перевод с немецкого О.В. Хавановой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Suppan A.* Hitler – Beneš – Tito. Konflikt, Krieg und Völkermord in Ostmittel- und Südosteuropa. Wien, 2014. 3 Bde.
2. *Svobodné slovo* (Praha). 1945.17 V.
3. Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1948. Bericht des Bundesarchivs vom 28. Mai 1974. Archivalien und ausgewählte Erlebnisberichte. Bonn, 1989.
4. *Douglas R.M.* «Ordnungsgemäße Überführung». Die Vertreibung der Deutschen nach dem Zweiten Weltkrieg. München, 2012.
5. *Staněk T.* Verfolgung 1945. Die Stellung der Deutschen in Böhmen, Mähren und Schlesien (außerhalb der Lager und Gefängnisse). Wien; Köln; Weimar, 2002.
6. *Staněk T.* Internierung und Zwangsarbeit. Das Lagersystem in den böhmischen Ländern 1945–1948. München, 2007.
7. *Tragická místa paměti.* Tragische Erinnerungsorte. Praha, 2010.
8. Leidensweg der Deutschen im kommunistischen Jugoslawien 1944–1948. München; Sindelfingen, 1993–1997. 4 Bde.
9. *Cseres T.* Titoist atrocities in Vojvodina 1944–1945. Serbian Vendetta in Bacska, Toronto, 1993.
10. *Portmann M.* Die kommunistische Revolution in der Vojvodina 1944–1952. Politik, Gesellschaft, Wirtschaft, Kultur. Wien, 2008.
11. *Partizanska i komunistička represija i zločini u Hrvatskoj 1944–1946.* Dokumenti. Slavonski Brod, 2005.
12. *Geiger V., Jurković I.* Što se dogodilo s Folksdojčerima? Sudbina Nijemaca u bivšoj Jugoslaviji. Zagreb, 1993.
13. The dark side of the moon. A short history of the totalitarianism in Slovenia 1945–1990. Ljubljana, 1998.
14. *Vodušek Starič J.* Prevzem oblasti 1944–1946. Ljubljana, 1992.
15. *Lemberg H.* «Ethnische Säuberung»: Ein Mittel zur Lösung von Nationalitätenproblemen // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zu Das Parlament. 1992.6 XI. B. 46.
16. *Naimark N.M.* Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge (Mass.); London, 2001.
17. *Brandes D.* Der Weg zur Vertreibung 1938–1945. Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» der Deutschen aus der Tschechoslowakei und Polen. München, 2005.
18. *Hrabovec E.* Vertreibung und Abschub. Deutsche in Mähren 1945–1947. Frankfurt/Main etc., 1995.
19. Odsun. Die Vertreibung der Sudetendeutschen. Dokumentation zu Ursachen, Planung und Realisierung einer «ethnischen Säuberung» in der Mitte Europas 1848/49–1945/46. München, 2010. Bd. 2.
20. *Douglas R.M.* «Orderly and Humane». The Expulsion of the Germans after the Second World War. New Haven, 2012.
21. *Zayas A.M., de.* Nemesis at Potsdam: The Anglo-Americans and the Expulsion of the Germans – Background, Execution, Consequences. London, 1979.
22. Němci a Maďari v dekretch prezidenta republiky. Studie a dokumenty 1940–1945. Die Deutschen und Magyaren in den Dekreten des Präsidenten der Republik. Studien und Dokumente 1940–1945. Praha, 2003.
23. *Frommer F.* National Cleansing. Retribution against Nazi Collaborators in Postwar Czechoslovakia. Cambridge, 2005.
24. *Adams B.* The Politics of Retribution: The Trial of Josef Tiso in the Czechoslovak Environment // The Politics of Retribution in Europe. Princeton, 2000.
25. The Trial of Dragoljub – Draža Mihailović: Stenographic Records and Documents from the Trial of Dragoljub – Draža Mihailović. Belgrade, 1946.
26. Proces proti vojnim zločincem in izdajalcem Rupniku, Rösenerju, Rožmanu, Kreku, Vizjaku i Hacinu. Ljubljana, 1946.
27. Zakonodavni rad Predsedništva AVNOJ-a i Predsedništva Privremene narodne skupštine DFJ (19 novembra 1944 – 27 oktobra 1945) po stenografskim beleškima i drugim izvorima. Beograd, 1951.
28. *Egger L.* Das Vermögen und die Vermögensverluste der Deutschen in Jugoslawien. Sindelfingen, 1983.
29. *Kubiš E., Kuklík J., jun.* Ungewollte Restitution. Die Rückerstattung jüdischen Eigentums in den böhmischen Ländern nach dem Zweiten Weltkrieg // Raub und Restitution. «Arisierung» und Rückerstattung des jüdischen Eigentums in Europa. Frankfurt/Main, 2003.
30. *Kárný M.* Die tschechoslowakischen Opfer der deutschen Okkupation // Begegnung und Konflikt. Schlaglichter auf das Verhältnis von Tschechen, Slowaken und Deutschen. Essen, 2001.
31. *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration. Stanford, 2001.
32. *Žerjavić V.* Population Losses in Yugoslavia, 1941–1945. Zagreb, 1997.
33. *Kočović B.* Nauka, nacionalizam i propaganda. Između gubitaka i žrtava Drugog svetskog rata u Jugoslaviji. Paris, 1999.

34. *Koselleck R.* Der 8. Mai zwischen Erinnerung und Geschichte // Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin, 2010.
35. Mythen der Nationen. 1945 – Arena der Erinnerungen. Eine Ausstellung des Deutschen Historischen Museums: 2 Bde. Berlin, 2005.
36. Diktatur – Krieg – Vertreibung. Erinnerungskulturen in Tschechien, der Slowakei und Deutschland seit 1945. Essen, 2005.
37. *Havel V.* Fassen Sie sich bitte kurz. Gedanken und Erinnerungen zu Fragen von Karel Hvizďala. Reinbek bei Hamburg, 2007.
38. *Schriff D.* Tote Grenze oder lebendige Nachbarschaft? Österreichisch-slowakische Beziehungen 1945–1968. Wien, 2012.
39. *Velikonja M.* Titostalgia – A Study of Nostalgia for Josip Broz. Ljubljana, 2008.
40. *Radonić L.* Krieg um die Erinnerung. Kroatische Vergangenheitspolitik zwischen Revisionismus und europäischen Standards. Frankfurt/Main; New York, 2010.
41. *Halder M.* Der Titokult. Charismatische Herrschaft im sozialistischen Jugoslawien. München, 2013.

© 2016 г. В.А. ШЕВЧЕНКО

РУССКИЕ ШКОЛЫ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Статья посвящена развитию русской школы в Польше в 1920–1930-е годы. Поскольку в Польше официально существование русского национального меньшинства не признавалось, функционировали только частные средние школы с русским языком преподавания, число которых с каждым годом сокращалось.

The article is devoted to the development of the Russian school system in Poland in the 1920s and 1930s. Inasmuch as the Russian national minority in Poland was not officially recognised, there were only private secondary schools with the Russian language of instruction, and their number was ceasing with every year.

Ключевые слова: Польша, русское национальное меньшинство, русские беженцы, школы, концессия.

Keywords: Poland, Russian national minority, Russian refugees, schools, concession.

Изучение истории русской школы в Польше в межвоенный период носит фрагментарный характер. Цель данной публикации – подробно осветить развитие начального и среднего образования на русском языке в Польше в 1920–1930-е годы.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. в составе Польши оказались почти вся Гродненская губерния, значительная часть Минской, небольшая часть Виленской и западная часть Волынской губернии. Коренное население бывших губерний Российской империи получило статус национальных меньшинств, которым гарантировалась возможность общаться на родном языке, развивать свою культуру, содержать школы. По данным переписи 1921 г. численность русскоязычного населения (украинцы, белорусы, великороссы, русины) составила 5 250 000 человек [1. С. 230–231; 2. С. 185].

Для многих беженцев из России Польша была транзитной страной. Статистика Верховного комиссариата по делам беженцев показала следующую динамику изменения численного состава русских эмигрантов в Польше: в период с августа по декабрь 1921 г. – от 400 000 до 650 000 человек, в 1926 г. – около 68 300, в 1928 – около 100 000. По сведениям Иностранного отдела ВЧК в начале 1922 г. в Польше проживали 85 000 беженцев из России. По некоторым данным численность эмигрантов к 1924 г. составляла 464 000 человек, из которых 90 000 были официально зарегистрированы.

Перепись 1921 г. зафиксировала присутствие 56 200 русских беженцев. Однако значительная часть эмигрантов не учтена. Еще больше вопросов вызывает

Шевченко Валерий Анатольевич – канд. ист. наук, ведущий специалист Центрального государственного архива г. Москвы.

перепись 1931 г., которая определила численность русских в 138 700 человек, включив в их число и представителей русского национального меньшинства [3. С. 562; 4. С. 63; 5. С. 18; 6. С. 66; 2. С. 189].

Иностранцам в Польше, к которым относили и русских беженцев, выдавались карты азилия (убежища) и карты побыта. Карты азилия получали эмигранты, бежавшие из России после заключения Польшей перемирия с большевиками 12 октября 1920 г. Остальные проживали по картам побыта. Лица, которые до 15 апреля 1923 г. не получили права на польское подданство или права политического убежища, могли быть высланы из страны по решению местных властей. Впрочем, после рассмотрения в июне 1923 г. Лигой Наций вопроса о принудительном выселении русских беженцев из Польши депортацию в 1924 г. прекратили.

16 ноября 1929 г. МВД Польши разрешило выдавать беженцам нансеновские паспорта, которые ранее выдавались им только в случае выезда за границу. Однако согласно циркуляру МВД от 20 сентября 1935 г. такой паспорт выдавался только тем эмигрантам, которые прибыли в страну до 5 июля 1922 г. и не получили другого гражданства. Остальные могли получить паспорт для иностранцев [7. С. 19; 8. С. 46, 349–350; 9. С. 139, 144–145; 6. С. 65–67].

В 1918 г. начался процесс ликвидации русских учебных заведений. Школы, отказавшиеся перейти на польский язык преподавания, переводились в разряд частных учебных заведений, не пользующихся правами правительственных школ, в том числе и не имеющих права выдавать аттестаты зрелости. Вместо них выдавались свидетельства о прослушанном курсе. Причем многие кураторы (попечители) требовали, чтобы в «документе» на видном месте было указано, что свидетельство не дает владельцу права поступления в высшее учебное заведение и неравнозначно польскому аттестату.

Всем частным учебным заведениям пришлось ежегодно оформлять разрешение на открытие (концессию). Для его получения необходимо было выполнить определенные требования: принимать на обучение только русских православных детей, что лишало школы материальных средств (не допускались дети из зажиточных еврейских семей); ввести преподавание польского языка и литературы, географии и истории Польши (все на польском языке); наличие у преподавателей польского подданства.

Польские чиновники находили поводы не выдавать концессию: не утверждалось лицо, на имя которого просилось разрешение, или директор; учитель польского языка признавался недостаточно квалифицированным; не устраивало школьное помещение. Несмотря на письменные заявления родителей учащихся о русской национальности, в Волынском и Новогрудском воеводствах отказывались выдавать концессии под предлогом того, что в указанных местностях якобы нет русского населения. Разрешения, как правило, запаздывали. Некоторые школы не могли начать занятия даже в ноябре.

Преподавание велось по польским программам с переводом курса всех предметов, за исключением полонистики, на русский язык. Курс русского языка удалось сохранить в объеме, практически равном дореволюционным русским программам. Вместе с тем курсы географии и истории России сведены к минимуму. Местные кураторы запрещали преподавать русскую историю и литературу как отдельные предметы. Некоторым школам давалось указание проводить обучение в младших классах на польском языке, другим предоставлялась для этого отсрочка. Иногда в гимназию назначалась польская администрация, которая быстро полонизировала вверенное учебное заведение.

К средним учебным заведениям применяли специфическую терминологию – «частная русская гимназия в ликвидации». Показательна судьба Ковельской гимназии: из казенной преобразована в частную, затем – в «гимназию в ликвидации», в 1922 г. – в «гимназию для детей православных», в 1923 г. – закрыта [1. С. 238–239; 10. С. 421–425; 11. С. 128–129; 12. 1923. 17 VIII, 1924. 12 VII, 1927. 13 IV].

Если в 1920 г. в Польше было 43 средних учебных заведения для русских, то к 1929 г. осталось всего семь. Начальные и средние русские школы «на кресах»¹ сохранены только в пяти воеводствах из 15 (Белостокском, Виленском, Волыньском, Новогрудском и Полесском). По данным на март 1923 г. в Виленском воеводстве действовали пять начальных школ (четыре правительственные и одна частная) и шесть частных средних школ, Волыньском – шесть русских начальных школ (в Любомельском уезде – 16 польско-русских) и десять частных гимназий, Новогрудском – две частные польско-русские гимназии и одна частная белорусско-русская, Полесском – одна частная начальная школа и три частные гимназии. «Смешанные» школы появлялись там, где требовалось развить преобладающее в данной местности национальное меньшинство – русское, украинское, белорусское [13. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 102. Л. 50; 14. 1924. № 5. С. 16–21; 11. С. 125].

По данным на 20 марта 1924 г. в Польше существовали следующие средние учебные заведения с преподаванием на русском языке: частная польско-русская гимназия им. Шулицкого (Барановичи); частная русская гимназия (Брест-над-Бугом)²; восьмиклассные гимназические курсы при мужской гимназии (Варшава); частная русская гимназия (Вилейка); мужская гимназия Русского общества; женская гимназия Л.И. Поспеловой; польско-русская гимназия (все в Вильно); еврейско-русская гимназия (Гродно); польско-русская гимназия (Кременец); частное русское реальное училище (Лунинец); гимназия А.Н. Коленко (Луцк); частная белорусско-русская реальная гимназия (Новогрудок); школа по программе русских гимназий (Островско-Познанская); частное русское реальное училище (Пинск); гимназия с русским языком преподавания (Ровно).

Согласно тем же данным, насчитывалось семь начальных школ: семиклассная «повшехна» школа (Брест); начальная школа Русского комитета (Варшава); I начальное училище и II начальное училище (Вильно); школа Филантропического общества (Вильно); начальная школа (Львов); семиклассная «повшехна» школа (Ровно).

Кроме того, созданы детские приюты в Вильно, Волковыске, Гродно, Кременце, Корце, Лунинце и при Почаевской лавре. В лагере для интернированных в Стржалково открыт детский сад [14. 1924. № 4. С. 59–60].

31 июля 1924 г. Сейм принял закон «О языке и организации школьных дел для национальных меньшинств». Государство брало обязательство финансировать белорусские, украинские и литовские школы. В связи с тем, что польскими властями не признавалось наличие в стране русского меньшинства, русские школы в законе не упоминались. Поправка о допущении в школе русского языка преподавания, внесенная на рассмотрение депутатом Н.С. Серебrenниковым, не прошла. Закон не только пресекал возможность существования казенной русской школы, но ставил частные русские школы в полуполегалное положение [15. С. 86–87; 2. С. 200; 12. 1924. 12 VII].

¹ Восточные Кресы – польское название территорий Западной Украины, Белоруссии и Литвы, входивших в состав межвоенной Польши.

² Так в 1921–1939 гг. назывался г. Брест.

По данным на сентябрь 1924 г. в Польше функционировали следующие средние учебные заведения с русским языком преподавания: смешанная гимназия в Бресте (концессионер – Брестский отдел Русского благотворительного общества (РБО)); смешанная гимназия в Варшаве (концессионер – И.Ф. Голубовский); смешанная гимназия в Вилейке (концессионер – Общество частной средней школы в Вилейке); мужская гимназия в Вильно (концессионер – Русское общество в Вильно); женская гимназия Л.И. Поспеловой (концессионер – Л.И. Поспелова); реальное училище в Лунинце (концессионер – Н.Н. Царевский); гимназия в Луцке (концессионер – А.Н. Коленко); Новогрудская смешанная (белорусско-русская) гимназия; преподавание на русском языке в которой велось в старших классах (концессионер – Родительский комитет); реальное училище в Пинске (концессионер – протоиерей В. Сорошевский); смешанная гимназия в Ровно (концессионер – Ровенское русское православное благотворительное общество).

Постоянные концессии выданы только Варшавской гимназии и женской гимназии в Вильно. В начале 1924/1925 учебного года в русских средних школах обучалось 2 020 детей (нет сведений по Ровенской гимназии). Преподаватели получали от 100 до 272 (в Варшавской гимназии) злотых ежемесячно [14. 1925. № 7. С. 116–117; 12. 1924. 28 XI].

По распоряжению МНП во всех средних школах введено преподавание на польском языке истории и географии. На просьбу пересмотреть распоряжение представители русского меньшинства получили категорический отказ [14. 1926. № 10. С. 19].

Нестабильное положение русской школы не способствовало развитию педагогического движения. Организационный съезд русских педагогов в Польше состоялся 12 февраля 1923 г. и был посвящен подготовке к I съезду деятелей средней и нижней русской школы за границей (2–6 апреля 1923 г., Прага) [16. С. 5].

Инициатором I съезда русских деятелей по народному образованию в Польше (22–25 марта 1925 г., Варшава) выступил председатель культурно-просветительного отдела Русского благотворительного общества (РБО) проф. Д.М. Сокольников. На съезд прибыли 58 делегатов (с правом решающего голоса – 44). В состав президиума вошли директор Варшавской гимназии И.Ф. Голубовский (председатель), представитель Галицкой Руси Г.О. Малец (товарищ председателя), представитель Педагогического бюро (Прага) и Русского общества (Вильно) проф. Д.М. Сокольников (товарищ председателя).

Съезд приветствовали представители Русского попечительного комитета (РПК) и Российского комитета в Польше. На открытии выступил и депутат сейма Н.С. Серебренников, который, посетовав на бесправие русской школы, процитировал высказывания представителей правительства и польских парламентских партий о том, что русское национальное меньшинство отчасти и само виновато в создавшемся положении, так как совершенно себя не выявляет и не организовывается.

На вечернем заседании 22 марта и на утреннем заседании 23 марта заслушаны доклады с мест. Педагоги жаловались на зависимость учебных заведений от местных чиновников, которые запрещали вести преподавание по известным русским учебникам, например, применять в курсе литературы учебники В.Ф. Саводника. Бесправие русских школ выражалось и в том, что ученики старших классов не получали отсрочку от прохождения воинской повинности и нередко вынуждены были прерывать обучение накануне окончания гимназии. Многие старые педагоги не могли добиться польского подданства, что служило предлогом к закрытию гимназий.

В Остроге чиновник на заявление, что местная русская гимназия в свое время приютила в своих стенах польскую гимназию из Славуты, которая потом постепенно вытеснила гостеприимную хозяйку помещения, ответил прямо: «Вы были либералами, мы ими быть не желаем». В Дубно персонал закрытой гимназии находился на пороге голода. Представительница РБО во Львове Г. Полонская сообщила, что в городе не осталось школ с русским языком преподавания. Дети забывают, что они – русские. Признано, что русская низшая школа в Польше практически не существует, хотя большинство русских проживает в сельской местности [12. 1925. 3, 23, 24, 25, 27 III; 1 IV, 15 V].

Избраны делегаты на предстоящий II съезд деятелей средней и низшей русской школы за границей (5–12 июля 1925 г., Прага): от варшавских учебных заведений – И.Ф. Голубовский, от Новоградского учебного округа – Г. Вейс (Барановическая гимназия), от Полесского учебного округа – Е.И. Четет (Брестская гимназия), от русских учебных заведений Волыни – священник В. Туркевич (Кирилло-Мефодиевское братство в Остроге); от культурно-просветительного отдела РБО – проф. Д.М. Сокольников; от эмигрантских организаций – П.Э. Бутенко и Ю.А. Липеровский³.

В резолюциях съезд подчеркнул лояльность русского населения в отношении Польского государства. Вместе с тем участники съезда считали необходимым добиваться предоставления русским частным учебным заведениям бессрочной концессии и права правительственных школ, принятия таких учебных заведений на казенный счет и права открывать новые по требованию местных жителей. Предлагалось уравнивать педагогический персонал с польским учительством и организовать Русский учительский профсоюз. Признано необходимым добиться казенной оплаты преподавателей полонистики в русских частных школах [14. 1925. № 7. С. 118–121; 12. 1925. 27, 28 III].

Общественный резонанс вызвала первая резолюция съезда: «Все русские племена составляют единый русский народ, внешним признаком какового единства является, прежде всего, единый русский литературный язык, в создании которого принимали одинаково, зачастую выдающееся, участие представители всех русских племен. Существующие же местные языковые особенности и различия отнюдь не нарушают этого единства, подобно тому, как они не мешают у народов – французского, немецкого, итальянского и др., имеющих очень резкие местные языковые отличия, ни народному единству, ни существованию единого общелитературного языка. В то же время признание единого литературного языка не препятствует существованию и развитию местной племенной культуры, языка и литературы» [14. 1925. № 7. С. 119; 12. 1925. 28 III].

3 апреля 1925 г. в Варшаве состоялось собрание украинцев-эмигрантов. Принята следующая резолюция: «Собрание украинцев-эмигрантов в Варшаве, выслушав отчет члена украинского центрального комитета А. Саликовского о съезде русских деятелей по народному образованию и ознакомившись с его резолюциями, с возмущением протестует против новых покушений русских на права украинского народа и с отвращением отбрасывает старую сказку о своей принадлежности к единому русскому народу, сказку, опровергнутую даже русскими учеными (Российская академия наук). Вышеупомянутые резолюции русского съезда мы считаем призывом к продолжению кровавой борьбы и будем упорно бороться с

³ В работе II педагогического съезда в Праге приняли участие Ю.А. Липеровский, возглавивший комиссию по народному образованию, и проф. Д.М. Сокольников, назначенный председателем комиссии по естественно-математическим предметам. На пленарном заседании проф. Сокольников докладывал «о положении русского школьного дела в Польше» [14. 1925. № 9. С. 31–36].

красной ли, черной или белой Россией, веря в свою окончательную победу. [...] Мы утверждаем, что в польском государстве коренного русского населения нет и не было. Имеются только русские, оставшиеся после русской оккупации и искусственной колонизации» [12. 1925. 8 IV].

16 апреля в русской эмигрантской газете «За свободу!» опубликовано разъяснение президиума съезда: «Как из отзывов некоторых органов польской печати, так и из бесед, которые делегация съезда имела в министерствах, выясняется совершенно неправильное и несоответствующее ни намерениям съезда, ни всей атмосфере, в которой протекала работа съезда, толкование первой резолюции съезда». Далее высказывалось предположение, что неверное толкование указанной резолюции сложилось в президиуме Совета министров. Приводилось заявление вице-преьера С. Тугутта, сделанное на встрече с русской делегацией и опубликованное в прессе: «Министр ответил делегации, что русские в Польше не представляют собою национального меньшинства, так как в границах Польской республики нет ни одной пяди русской земли. А потому они не должны иметь притязаний на то, чтобы иметь права, равные с народностями, имеющими собственную территорию. Разумеется, по всей Польше русские выходцы могут пользоваться гостеприимством и учреждать частные школы на общих основаниях закона, но не могут требовать, чтобы государство содержало на свои средства правительственные школы для малочисленных представителей русской национальности».

«Демократическая» газета «Express Poranny» изложила беседу Тугутта с русской делегацией в статье под заголовком «Нахальство кацапов переходит все границы – вот результат разговоров с монголами в перчатках» [12. 1925. 8 VII].

Кампания против прав русских развернулась после посещения представителями съезда 2–4 апреля высших правительственных чиновников – вице-преьера, министра народного просвещения и товарища министра внутренних дел. В меморандуме, представленном русской делегацией, содержались следующие просьбы: введение в закон о языках национальных меньшинств упоминания о русском языке; предоставление русским школам прав «публичности»; восстановление деятельности закрытых школ и открытие новых, особенно в Барановичах, Дубно, Ковеле, Кременце, Новогрудке, Остроге, Станиславове-Горном и других местностях, где население требует организации образования на русском языке; до принятия школ на государственное иждивение оплаты за счет казны труда преподавателей полонистики; предоставление русским учителям польского гражданства.

У делегации после встречи с польскими чиновниками сложилось впечатление, что судьба частной средней русской школы, и в особенности эмигрантской, будет улучшена [12. 1925. 7 IV].

17 апреля в газете «За свободу!» опубликовано письмо делегата съезда (от Ровенского русского православного благотворительного общества) Г. Лонгинова. Автор считал ошибочным внесение в резолюции съезда требования преподавать русский язык и Закон Божий русским детям, обучающимся в польских школах. По словам Лонгинова, Закон Божий уже преподается русским в польских школах даже там, где параллельно существуют и русские учебные заведения (например, в Ровно). Прежде чем требовать преподавания русского языка, необходимо добиться предоставления права свободно открывать национальные школы. Иногда родителям, компенсируя отсутствие русской школы, местные власти предлагали отдавать детей в польскую школу, где обещали ввести преподавание русского языка. Таким образом нелогично одновременно обращаться с просьбой

открыть национальные школы и требовать преподавания в польских школах русского языка.

Автора письма не устраивал и пункт резолюции о препятствиях и даже репрессиях в отношении русского населения, которые допускались местными чиновниками, «особенно на Волыни», так как в Ровенском районе, составлявшем значительную часть Волыни, наблюдалось, по словам Лонгинова, самое благожелательное отношение к русской школе.

В 1924/1925 учебном году Брестская и Варшавская гимназии получили права правительственных школ, причем на вполне приемлемых условиях – некоторого усиления контроля со стороны МНП. Более того Варшавской гимназии ассигновано 5 000 злотых [14. 1926. № 10. С. 19].

Раньше выпускники могли сдавать экзамены на аттестат зрелости государственной комиссии только в польской гимназии. Причем процент выдержавших испытания – незначителен. Теперь с предоставлением гимназиям прав правительственных учебных заведений назначалась специальная государственная комиссия для проведения выпускных экзаменов.

В июне 1925 г. учащиеся Брестской и Варшавской гимназий впервые держали экзамены на аттестат зрелости. Из 17 воспитанников Брестской гимназии, допущенных к выпускным испытаниям, трое не выдержали письменных заданий, а один получил неудовлетворительные оценки на устных экзаменах по латинскому и польскому языкам. Теперь выпускникам гимназии предоставлялась отсрочка от воинской повинности, и они могли поступать в польские высшие учебные заведения или выехать для получения образования за границу.

Менее утешительными были результаты выпускных экзаменов в Варшавской гимназии. Руководство гимназии отправило в учебный округ рапорт, надеясь, что при проведении экзаменов будет учтен относительно недавний переход к основательному изучению польского языка и литературы. Однако комиссия, состоявшая из польских педагогов, проявила максимальную суровость при оценке знаний воспитанников гимназии. Выпускные испытания проходили в чужом помещении. Ученики были лишены моральной поддержки своих педагогов. Предложено шесть письменных работ: сочинения – русское и польское, латынь, один из новых языков и две – по математике. Письменные работы оценивали с исключительной строгостью. Распределение единиц было достаточно щедрым. Например, единицу по математике получила ученица, сделавшая в своей работе лишь несколько мелких ошибок. Для многих препятствием стало польское сочинение. От испытуемого требовалось не только безупречное знание грамматических форм, но и стиля.

Из 33 учеников, приступивших к выполнению письменных заданий, только пять допущено к устным экзаменам. В результате, лишь четверо получили аттестат зрелости. Педагогический совет предполагал выдать «порезавшимся» особые свидетельства о том, что они прослушали курс гимназии и были допущены к польской матуре. Некоторых из «провалившихся» собирались оставить на второй год. Те, кому позволяли финансовые возможности, планировали для продолжения образования выехать за границу, предварительно сдав экзамены при Русской академической группе [17. С. 59; 12. 1925. 25, 28 VI].

В 1924/1925 учебном году концессионерами реальных гимназий в Лунинце и Пинске стали местные отделы РБО. Частные концессионеры не всегда в должной степени отстаивали интересы русской школы, превращая учебное заведение в коммерческое предприятие. Неимущие дети попадали в полную зависимость от дирекции, которая в свою очередь зависела от концессионера.

Переход гимназий под опеку общественных организаций стимулировал и материальную поддержку русского учебного дела. Новогрудская гимназия получила от магистрата единовременное пособие в размере 400 злотых. Систематическую помощь местной русской гимназии оказывал и Ровенский магистрат. Занятия гимназии проходили в утренние часы в помещении Русского дома, построенного Ровенским русским православным благотворительным обществом. В вечерние часы проходили занятия правительственной русской начальной школы.

Бюджет школ пополнялся преимущественно за счет платы за правоучение. Причем многие дети малообеспеченных родителей обучались бесплатно. Плата за правоучение в Ровенской гимназии составляла 320 злотых (за 10 учебных месяцев); в Варшавской гимназии в младших классах (I–IV) – 500 злотых в год, в старших (V–VIII) – 600 злотых в год. В открывшейся в Вильно смешанной гимназии Шапошниковой, созданной по инициативе перешедшего в греко-католичество архимандрита Филиппа Мороза, обучение было почти бесплатным, что подрывало материальное положение двух других Виленских гимназий, провоцируя отток учащихся [14. 1926. № 10. С. 17–22].

Русские частные учебные заведения не избежали конфликтов, которые возникали между концессионерами, педагогическим персоналом и родителями учащихся. В связи с тем, что в сентябре 1925 г. Ровенская гимназия переведена в собственное здание, Ровенское русское православное благотворительное общество (концессионер гимназии) включило в смету расходов и содержание помещения. Плата за правоучение увеличена с 25 злотых (в начале учебного года) до 36 злотых (в конце учебного года), с чем не согласился временный родительский комитет, признав Попечительный совет не отвечающим своему назначению. Комитет отозвал представителей из Совета и составил свою смету, по которой месячная плата с ученика не превышала 27 злотых. Многие родители, присутствовавшие на собрании комитета 26 сентября 1926 г., поддержали концессионера и покинули помещение, решив провести альтернативное собрание. Директор гимназии А. Юшкевич попросил представителя полиции «закрыть» оппозиционное Правлению благотворительного общества собрание, что и было сделано [12. 1926. 23 IX, 7, 17, 30 X].

В 1925 г. бывший преподаватель Виленской женской гимназии П.П. Шеповальников после конфликта с концессионером Л.И. Пospelовой открыл в городе новую русскую женскую гимназию. Не имея польского гражданства, Шеповальников оформил концессию на имя Быковой-Луниной, получив пост директора. Впрочем уже весной 1926 г. в связи с тем, что длительное время учителя не получали содержание, Быкова-Лунина назначила нового директора. Однако в 1926/1927 учебном году Шеповальников получил разрешение открыть русскую школу им. М.В. Ломоносова (курс четырех классов гимназии) [12. 1926. 24 IX, 21 X, 1927. 19 II].

В конце 1927/1928 учебного года обострились отношения между директором и концессионером Варшавской гимназии И.Ф. Голубовским и педагогическим персоналом, который поддержал и родительский комитет. В меморандуме, поданном педагогами гимназии попечителю Варшавского учебного округа, указывалось, что «всякая нормальная педагогическая работа в учебном заведении, находящимся под руководством Голубовского, невозможна» [12. 1928. 26 VIII]. Прежде чем докладная записка стала предметом обсуждения в учебном округе, директор уволил 22 преподавателя (русских и поляков). Попытка уволенных педагогов получить концессию на гимназию ни к чему не привела. В то же время директор-концессионер подыскивал для работы в гимназии новых «послушных»

учителей. 20 сентября 1928 г. Голубовский объявил об упразднении родительского комитета, который, по его словам, оторвался от руководства и потерял связь с общим составом родителей. Впрочем еще 29 ноября 1925 г. на собрании русских родителей Варшавы и окрестностей директор гимназии заявил, что на основании своего многолетнего педагогического опыта является принципиальным противником родительских комитетов.

Столкнувшись с материальными трудностями по содержанию гимназии и испытывая давление со стороны русской общественности, Голубовский 12 мая 1928 г. обратился в РБО с предложением оформить концессию. 5 июля на заседании Правления общества постановлено принять предложение Голубовского, оставив его на посту директора гимназии и включив в Правление РБО.

Вместе с тем передача концессии затягивалась, что побудило редакцию газеты «За свободу!» собрать 3 октября специальное совещание, в котором приняли участие сотрудники редакции, представители РБО и Голубовский, к тому времени снятый с поста директора. Общество подтвердило условия передачи концессии, утвержденные на заседании Правления 5 июля. Однако 12 октября Голубовский выдвинул новые условия передачи школы в ведение РБО, которые Правление общества признало абсолютно неприемлемыми и сняло с себя все обязательства по отношению к Варшавской гимназии (о дальнейшем развитии событий см. [18. 1928. № 18. С. 11; 19. 1928. № 28. С. 625; 12. 1925. 17 XII, 1928. 26 VIII, 7 IX, 6, 25–28 X, 8 XI, 1929. 8, 24 I, 22 III].

Внутренние нестроения осложнялись трудным материальным положением школ. Русская начальная школа в Варшаве состояла в ведении Российского комитета, но доля Комитета в финансовой поддержке школы была незначительной. Русский попечительный комитет по состоянию на июнь 1925 г. ассигновывал 230 злотых в месяц. Взносы родителей (50 % учащихся освобождены от платы за правоучение) составляли до 450 злотых в месяц. На 1 июля задолженность по зарплате составляла 3 792 злотых 40 грошей [12. 1925. 3 VII].

10 октября 1925 г. в Варшаве под председательством депутата Сейма Н.С. Себреникова состоялось совещание русских общественных организаций о положении русской школы. В связи с тем, что Российский комитет заявил о невозможности более финансировать начальную школу в Варшаве, признано необходимым срочно найти средства на содержание единственного начального учебного заведения для русских в столице.

Несмотря на скудную поддержку, Российский комитет осуществлял довольно жесткое административное управление школой. В апреле 1927 г. председатель Попечительного совета Д.А. Бушен распорядился проводить учебные занятия в день Благовещения Пресвятой Богородицы (7 апреля). Педагоги все-таки решили отменить занятия, и повели детей на богослужение. Собравшееся на экстренное заседание правление Российского комитета, оценив поступок педагогов как бунт, подрывающий авторитет начальства, уволило заведующего школой, а всем преподавателям объявило строгий выговор с указанием на недопустимость в дальнейшем подобных явлений. При новом заведующем перестала собираться педагогическая коллегия. Бушен ушел с поста председателя Попечительного совета. Временное исполнение обязанностей возложено на председателя Российского комитета В.И. Семенова. 11 мая мировой суд в связи с задолженностью по оплате оставил школу в занимаемом помещении только до конца учебного года. Кроме того увеличивалась задолженность и по зарплате.

В сентябре 1927 г. по инициативе протопресвитера Терентия Теодоровича создан Мариинский (при храме Святой Равноапостольной Марии Магдалины) кру-

жок для помощи русской начальной школе. 1 октября по благословению митрополита Дионисия аналогичный кружок друзей русской школы организован и при храме Святой Троицы. Сбор средств производился у свечного ящика в церкви, в квартире законоучителя школы протоиерея Александра Субботина и в редакции газеты «За свободу!» Благодаря общественной поддержке с 1927/1928 учебного года в школе открыта шестая группа и введено бесплатное обучение. Предполагалось, что ежемесячный приход составят поступления от Министерства – 250 злотых, магистрата – 200, Русского попечительного комитета – 295, других русских организаций – 807 злотых. По данным на ноябрь 1927 г. в школе бесплатно обучались 85 детей; в кружке друзей школы, созданном при храме Святой Троицы, состояли 112 человек. В октябре кружок собрал пожертвований и членских взносов на сумму 1 010 злотых, которые пошли на жалованье преподавательскому персоналу и на хозяйственные нужды школы.

Несмотря на то, что в начале 1928/1929 учебного года открыта седьмая группа, школа вновь оказалась в бедственном положении. Пришлось занимать деньги, чтобы в конце декабря выплатить преподавателям жалованье за ноябрь. Судебный иск о выселении школы по причине неоплаты из занимаемого помещения выиграл владелец дома граф Потоцкий. Суд отсрочил выселение до конца учебного года.

В связи с ликвидацией Российского комитета (председатель Комитета В.И. Семенов выслан из Польши) Союз эмигрантских организаций принял решение передать школу в ведение Русского попечительного комитета (РПК), который оформил концессию в марте 1929 г. Непосредственное управление осуществлял состоявший при РПК Комитет помощи детям.

Впрочем и РПК располагал весьма скромными финансовыми возможностями. Комитет помощи детям обратился к русской общественности с призывом спасти начальную школу в Варшаве. Пожертвования предлагалось направлять на имя казначея школы протоиерея Александра Субботина. На призыв о помощи откликнулись многие. Однако школа нуждалась в постоянном стабильном финансировании. К жертвователям, которые могли бы оказывать регулярную помощь, обратились с просьбой сообщить сумму ежемесячного взноса, отправив открытку с указанием своего адреса председателю Попечительного совета школы Ю.А. Липеровскому. Значительная финансовая помощь стала поступать из средств Центрального фонда «Дня русского ребенка» [18. 1930. № 19–20. С. 9, 1931. № 1–2. С. 10; 20. 1929. № 5. С. 31–32; 12. 1925. 16 X, 1927. 15 IV, 14, 17, 24 V, 25 IX, 1 X, 4 X, 17 XI, 1928. 14 X, 21 XI, 1929. 8 I, 22 III, 11, 16 IV].

Проблемы с финансированием испытывала и гимназия Русского общества в Вильно. Дефицит за 1925–1926 гг. составил около 21 000 злотых, что вызвало задержку выплат преподавателям. Плата за правоучение варьировалась от 150 до 200 злотых за полугодие. Впрочем по причине материальной необеспеченности 60 % учащихся пришлось освободить от внесения платы. Недостаточными были и пособия от РПК и Русского общества.

2 октября 1927 г. состоялось общее собрание членов Русского общества в Вильно. Обсуждалось финансовое положение Виленской мужской гимназии. Выяснилось, что минимальный бюджет школы на 1927/1928 учебный год составит 20 000 злотых: 12 000 – плата за учение (если будут платить все ученики), 2 000 – пособие от РПК (из средств Земгора), от 2 000 до 3 000 – пособие Русского общества. Таким образом дефицит составил бы от 3 000 до 4 000 злотых.

Директор гимназии Л.Л. Белевский высказался против проекта объединения двух русских гимназий – Русского общества и Л.И. Пospelовой. Тем более, что

Поспелова не собиралась отказываться от своей концессии, а мужская гимназия не испытывала желание влиться в гимназию Поспеловой. Некоторые члены общества согласились вносить плату за беднейших учеников. Договорились платить учителям по 70 грошей за урок, деятельность культурно-просветительной секции общества направить на поиск источников финансирования гимназии, в частности обратиться за помощью в русские эмигрантские организации Америки и Франции. Вскоре при Русском обществе создан кружок друзей гимназии. В ноябре собрано 850 злотых (в том числе 375 злотых поступило от русских студентов), что позволило гимназии окончить без дефицита первую треть года.

24 июня 1928 г. Правление Русского общества на общем собрании предложило отказаться от концессии на школу. Позицию Правления не поддержало подавляющее большинство членов общества (300 голосами против шести (по другим данным семи)). Осенью 1928 г. на основе кружка друзей гимназии создано одноименное общество, которое благодаря средствам, полученным от благотворительного сбора во время летних каникул, согласилось покрывать ежемесячный дефицит гимназии в 800 злотых, однако этих средств хватило лишь до января. 27 января 1929 г. на общем собрании избран новый состав Правления, которому поручено активизировать сбор пожертвований.

24 марта на общем собрании Русского общества снова поставлен вопрос о слиянии гимназии с гимназией Поспеловой. Представитель Поспеловой не видел ничего страшного в том, что объединенная гимназия будет принадлежать частному лицу. Большинство высказалось за слияние гимназий только при условии сохранения концессии за Русским обществом. К тому же благодаря усилиям общества друзей удалось поправить финансовое положение гимназии.

В мае 1929 г. была предпринята попытка включить в городской бюджет новую статью расходов – 4 000 злотых на содержание гимназии Русского общества. В процессе обсуждения инициатор предложения гласный В. Богданович напомнил, что у русского национального меньшинства своей начальной школы в городе нет, и начальные классы гимназии выполняют функции низшей школы. Однако Виленский городской совет отклонил предложение Богдановича, сославшись на то, что город вправе оказывать финансовую помощь только низшим общественным школам. Против отпуска средств на содержание русской гимназии голосовали польские националисты, умеренные польские группы и польские социалисты, за – белорусы и еврейская национально-демократическая группа. Еврейские социалисты от голосования воздержались [19. 1928. № 28. С. 625–627; 12. 1927. 31 III, 1 VII, 2, 7, 29 X, 9 XI, 21 XII, 1928. 1, 5, 17, 26 VII, 4 IX, 3, 8 XI, 1929. 31 I, 27 III, 13 IV, 17 V].

Объединение двух гимназий состоялось в 1931 г. Вскоре русская общественная гимназия имени А.С. Пушкина получила права правительственных школ [21. 1933. № 34. С. 7; 2. С. 202]. В 1927 г. права правительственных учебных заведений получили русские восьмиклассные гимназии в Луцке и Ровно. Впрочем, эти достижения не были стабильными: например, в 1931 г. этих прав лишилась Брестская гимназия.

19–20 мая 1929 г. в Варшаве состоялось созванное Верховным советом Русского народного объединения совещание о положении русской школы в Польше. Констатируя сложное правовое и материальное положение начальных и средних русских школ, участники совещания высказались за создание специального школьного фонда посредством национального самообложения. Фонд русской школы создан в 1933 г. Средства поступали от частных лиц, самообложения, лотерей, доходов от культурных и благотворительных мероприятий. Фонд занимался

и урегулированием правового статуса школ [19. 1929. № 33. С. 366; 2. С. 203; 12. 1929. 4 VI].

Однако число русских средних учебных заведений с каждым годом сокращалось. Осенью 1928 г. по причине недостатка средств закрыты гимназии в Вилейке и Пинске. В 1935/1936 учебном году в Польше существовало пять русских гимназий. Три гимназии наделены правами «второй категории» – гимназия в Варшаве (концессионер Общество помощи русским эмигрантам в Польше), гимназия в Вильно (Виленское русское общество и Л.И. Пospelова) и гимназия в Ровно (Ровенский отдел РБО). У гимназий в Бресте (Брестский отдел РБО) и в Луцке (Луцкий отдел РБО) прав правительственных школ не было [13. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 102. Л. 51; 18. 1928. № 12. С. 2–3; 17. С. 38, 59, 155; 12. 1927. 28 VI]. Продолжалось закрытие и низших школ. В Ровно с 1927/1928 учебного года правительственная начальная школа с русским языком преподавания преобразована в польское начальное училище. В Вильно в том же учебном году закрыта русская начальная школа при Филантропическом обществе.

Между тем в Вильно существовали еще две начальные школы с русским языком преподавания. Начальную школу для старообрядцев решено было полонизировать, оставив русский язык как один из предметов преподавания. Третья школа, для детей эмигрантов, закрыта в 1935 г. Русское население города, поддержанное благословением архиепископа Феодосия, обратилось в школьный округ с просьбой выдать разрешение на открытие частной начальной школы. Ходатайство отклонено со следующей формулировкой: «По-прежнему считаем, что русская начальная школа в Вильно не нужна» [19. 1926. № 21–22. С. 466; 17. С. 36; 12. 1927. 10 IX, 10 XII; 22. 1927. 6 X].

В 1936/1937 учебном году в стране оставалось всего лишь пять русских начальных школ. Осенью 1936 г. попытались закрыть единственную казенную начальную школу с русским языком преподавания. Благодаря настоятельным просьбам общественности ее удалось отстоять. По распоряжению министра учебное заведение возобновило работу, но без существовавшего ранее VII класса [23. С. 139].

Обеспокоенные политикой польских властей по ограничению русских организаций представители русского национального меньшинства в мае 1938 г. обратились к председателю Совета министров с просьбой защитить конституционные права 300 000 граждан «российской народности, признающих русский язык за родной» (в частности обеспечить функционирование хотя бы десяти гимназий для русских детей и сохранить существующую сеть начальных школ) [6. С. 67–68].

Проводимая властями реорганизация образовательной системы не способствовала развитию русских учебных заведений. Школьная реформа 1932 г. предусматривала установление новой унифицированной структуры начального и среднего образования – шесть или семь классов I ступени, четыре класса II ступени и два класса лицея. Четырехклассная гимназия обеспечивала полное среднее образование, а два класса лицея подготавливали к поступлению в высшие учебные заведения. После окончания гимназии сдавался экзамен на малую матуру, которая не предоставляла право поступления в высшие учебные заведения Польши. Однако переход к новой системе осуществлялся постепенно на протяжении нескольких лет.

Несмотря на то, что русская низшая школа в Бресте-над-Бугом 1934/1935 учебный год начала уже в составе шести классов (до реформы было только три), реорганизация Брестской восьмиклассной гимназии затянулась до 1937/1938 учеб-

ного года, когда был открыт I класс лицея. В 1934/1935 учебном году в гимназии существовало два класса (I и II) нового типа и четыре класса (V, VI, VII и VIII) старого типа. Старший класс новой начальной школы существовал одновременно с младшим классом старой гимназии. Последний VIII класс гимназии старого типа сдавал экзамен на аттестат зрелости по старой системе весной 1938 г. Дублирование было вызвано увеличением общей продолжительности обучения в начальной и средней школе нового типа.

Первый выпуск лицея состоялся весной 1939 г. Вместе с тем в связи с катастрофическим уменьшением числа учеников, желающих обучаться в русской школе, школьный округ к началу 1939/1940 учебного года собирался закрыть гимназию. Тогда же польскими властями заключен в концлагерь председатель Брестского отдела РБО П.И. Король. В сентябре началась война, и деятельность гимназии прекратилась [17. С. 31, 60–61, 67–68, 72].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руднев В.В. Зарубежная русская школа. 1920–1924. Париж, 1924.
2. Швайко В.Г. Русская диаспора в Польше в 20–30-е годы XX в. // Диаспоры. 2004. № 2.
3. Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине.
4. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: Социальная история (1920–1939 гг.). М., 2014.
5. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М. 1995.
6. Симонова Т.М. Россияне в Польше как внешне- и внутривнутриполитический фактор в 1919–1939 гг. // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2006. № 4.
7. Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Париж.
8. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения. 1920–1930 годы. М., 2004.
9. Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х годов как феномен отечественной истории. М., 2011.
10. Сокольников Д.М. Положение русской школы в Польше // Современные записки. 1924. № 18.
11. Сокольников Д.М. Русская школа в Польше // Русская школа за рубежом. 1923. № 2–3.
12. За свободу! Варшава.
13. Государственный архив Российской Федерации.
14. Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Прага.
15. Вишняк М.В. Право меньшинств. Париж, 1926.
16. Бюллетень организационного комитета по созыву съезда деятелей средней и низшей русской школы за границей. Прага, 1923. Вып. 2.
17. Монтилов М.В. Русская гимназия в Бресте на Буге. 1919–1939. М., 1998.
18. Вестник Педагогического бюро. Прага.
19. Русская школа за рубежом. Прага.
20. Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж.
21. Иллюстрированная Россия. Париж.
22. Русь. София.
23. Речь, произнесенная депутатом Б.А. Пимоновым на заседании Сейма 20 февраля 1937 г. при обсуждении бюджета Министерства просвещения // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Вильнюс, 2002. Т. 7.

© 2016 г. О.Г. КАЗАК

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЛОНДОНЕ (1940–1944 годы)

В статье анализируются взгляды членов правительства Чехословакии в эмиграции на послевоенное устройство национально-культурной жизни в Подкарпатской Руси. Особое внимание уделено деятельности Канцелярии по делам Подкарпатской Руси при Министерстве внутренних дел, противостоянию русофилов и украинофилов в ее рядах.

The article analyses the views of the government of Czechoslovakia in exile on the post-war national and cultural life in the Carpathian Ruthenia. Particular attention is paid to the activities of the Office for Carpathian Ruthenia at the Ministry of Internal Affairs and confrontation between the Russophiles and Ukrainophiles among its employees.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, национально-культурная жизнь, русины, русофилы, украинофилы.

Keywords: Carpathian Ruthenia, national and cultural life, Ruthenians, Russophiles, Ukrainophiles.

История Подкарпатской Руси (сегодня – Закарпатская область Украины) в XX в. является примером активных опытов этнокультурной инженерии в отношении коренного восточнославянского населения региона, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины». В межвоенный период, когда регион входил в состав Чехословакии, местные интеллектуальные элиты представили на суд общественности несколько моделей идентичности русинского населения: русофильскую, украинофильскую и русинофильскую. Русофилы трактовали русинов как ветвь единого русского народа «от Карпат до Камчатки». Украинофилы считали местное население украинцами с «неразбужненным» национальным сознанием. Русинофилы же декларировали тезис о существовании отдельного русинского народа, который не является частью русских или украинцев. После поэтапного включения территории региона в состав Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) официальным идеологическим курсом стал «угро-русинизм», приверженцы которого объявляли русинов отдельным славянским народом, которому не были свойственны прорусские и проукраинские настроения и который на протяжении истории сохранял верность венгерскому государству. Представители Подкарпатской Руси, которые после событий марта 1939 г. принимали участие в деятельности эмигрантских чехословацких структур, показали себя последовательными сторонниками иных национально-языковых ориентаций.

Казак Олег Геннадьевич – аспирант Белорусского государственного университета.

В октябре 1940 г. в Лондоне экс-президентом Чехословакии Э. Бенешем был создан Государственный совет как совещательный орган – предпарламент. В качестве представителя Подкарпатской Руси в Государственный совет был включен П.П. Цибере – бывший руководитель Аграрного союза молодежи Подкарпатской Руси, генеральный секретарь Центрального карпаторусского национального совета (образован 11 ноября 1938 г.). В ноябре 1938 г. – августе 1939 г. политик пребывал в Праге [1. С. 129–130]. Цибере выступал против открытого проукраинского курса автономного правительства А.И. Волошина (октябрь 1938 г. – март 1939 г.). В январе 1939 г. он вместе с видным русофильским деятелем региона С.В. Анталовским отправился в Берлин, дабы проинформировать властные круги о ситуации в Подкарпатской Руси и просить их оказать давление на правительство Волошина с целью репрезентации последним «также и интересов русского направления» [2]. Дело в том, что руководство Германии оказывала прямую (в том числе финансовую) поддержку автономному кабинету и вследствие этого имело на него значительное влияние. В сентябре – декабре 1939 г. Цибере находился в эмиграции в Югославии. Затем через посла Чехословакии в Белграде он обратился в Чехословацкий национальный комитет, а в 1940 г., будучи в Париже, установил более тесные контакты с этой организацией. После падения Парижа (25 июня 1940 г.) Цибере вместе с Комитетом выехал в Лондон и вскоре вошел в состав созданного на его основе Государственного совета. 12 января 1941 г. Цибере было поручено возглавить Канцелярию по делам Подкарпатской Руси [1. С. 130].

Канцелярия организационно относилась к Министерству внутренних дел, но использовала помещения (две комнаты) секции пропаганды Министерства иностранных дел. Цели данной структуры были следующие: написание статей для чешской, английской прессы; налаживание контактов с соотечественниками в армии, а также в странах Северной Америки; пропагандистская деятельность среди карпаторусов и (на английском языке) среди жителей англо-саксонского мира [3. Т. I. S. 589]. Примером подобной пропагандистской продукции является опубликованная в 1943 г. в Лондоне под редакцией Цибере книга о жизни «карпаторусских партизан». В предисловии к книге он отчетливо обозначил свои русофильские взгляды: «Судьба карпаторусского народа сложилась трагически. Карпаторусский народ является частью великой русской нации, чью культуру он разделяет. Хотя на протяжении веков он разлучен с братьями из России, наш карпаторусский народ уверенно осуществляет свою культурную миссию, и, не смотря на все трудности, успешно отстаивает и развивает русскую культуру в Карпатской Руси» [4. Р. 6]. Основу книги составляет повествование о жизни партизанского отряда на территории Подкарпатской Руси, большинство которого составляли местные русины, воевавшие вместе с чехами и словаками. Взаимоотношения между ними описывались самыми радужными тонами: «Справедливость, дружелюбная атмосфера, дисциплина и военный задор, которые царили в нашем отряде, в результате образовали счастливое единство, в котором жили братские нации чехов, словаков и карпаторусов» [4. Р. 44]. Подобные сообщения о «широком партизанском движении» в Подкарпатской Руси в 1939–1943 гг. являлись пропагандистским приемом, рассчитанным на западное общественное мнение, и имели мало соответствий с действительностью [5. С. 332].

Однако уже в самом скором времени члены эмигрантского правительства в Лондоне стали выражать недовольство деятельностью Канцелярии по делам Подкарпатской Руси. Так, государственный секретарь Министерства иностранных дел Г. Рипка 8 августа 1941 г. на заседании правительства утверждал, что вся необ-

ходимая пропагандистская деятельность должна осуществляться соответствующими структурами его ведомства, вследствие чего наличие Канцелярии по делам Подкарпатской Руси являлось нецелесообразным [3. Т. I. S. 572]. На заседаниях 20 и 24 марта 1942 г. была озвучена обеспокоенность тем фактом, что Цибере вел агитационные радиопередачи на русском языке. По мнению министра Я. Нечаса, это могло стать поводом для различных спекуляций со стороны официального Будапешта. Министр предлагал вести передачи «во-первых, на русском, во-вторых, на “местном языке”» [3. Т. II. S. 191–192]. Рипка считал возможным объявить свободу действий представителям всех национально-языковых направлений (русофильскому, украинофильскому и русинофильскому), и предлагал, подобно Нечасу, вести радиопередачи попеременно на русском и русинском языках [3. Т. II. S. 192–193]. В дальнейшем недовольство фигурой русофила Цибере, не желавшего идти на компромисс с представителями иных идеологических направлений, в правительственных кругах Чехословакии возросло. 27 ноября 1942 г. правительство приняло решение ликвидировать Канцелярию по делам Подкарпатской Руси и возложить свойственные ей ранее задачи на отдел пропаганды Министерства иностранных дел [3. Т. II. S. 758].

Цибере в тот же день выразил протест действиям правительства. Свою позицию он объяснил в письме министру внутренних дел Ю. Славику в декабре 1942 г. Цибере был возмущен, что решение о ликвидации Канцелярии было принято без его ведома. Данную организацию Цибере считал «не только центральным пропагандистским и информационным органом в карпаторусских делах», но и «политическим центром всей карпаторусской эмиграции и символом особого конституционно-правового статуса Подкарпатской Руси в Чехословацкой Республике» [6. Sing. 2-10-19. K. 115].

20 июля 1943 г. Цибере отправил в адрес правительства специальный меморандум. Представитель Подкарпатской Руси в Государственном совете выдвигал претензии Праге в излишнем централизме по отношению к карпаторусскому народу, который, на взгляд Цибере, представлялся властным кругам Чехословакии «не до конца сформированной этнографической массой». Автор меморандума остался верен русофильским взглядам: «Чехословацкие правящие круги боялись свободного развития настоящей русской культуры и русского литературного языка в Подкарпатской Руси, так как это могло привести к уверенному доминированию русского народа в регионе, что наиболее полно соответствует духу культурно-национального возрождения карпаторусского народа». Кроме того, Цибере выдвигал требование предоставления обещанной автономии Подкарпатской Руси сразу после восстановления чехословацкой власти в регионе [6. Sing. 2-51-4. K. 218]. Не получив ответа на свой меморандум, он 9 ноября 1943 г. отправил письмо Э. Бенешу, в котором просил снять с него полномочия члена Государственного совета [3. Т. III/I. S. 450].

После долгих обсуждений правительство поручило министру внутренних дел Ю. Славику подготовить ответ Цибере. Соответствующее письмо было отправлено 7 декабря 1943 г. Министр внутренних дел сообщал о том, что прошение об отставке члена Государственного совета не принято, и декларировал желание правительства сотрудничать с приверженцами всех национально-языковых ориентаций, в том числе с русофилами: «Правительство не может занимать односторонней позиций в языковых и других вопросах, в которых между представителями Подкарпатской Руси в эмиграции нет единства. Эти вопросы должны быть решены демократическим путем и только дома» [3. Т. III/I. S. 450]. В 1943–1944 гг. Цибере не принимал активного участия в жизни чехословацкой эмиграции.

Однако обвинения в его адрес не переставали поступать. Так, участники заседания политического комитета Государственного совета 13 июня 1944 г. инкриминировали Цибере неправомерное позиционирование себя как «единственного признанного защитника и представителя Подкарпатской Руси». Его требования предоставления автономии региона трактовались как противоречащие «основной задаче правительства в эмиграции – сохранению без изменения существующего ранее правового строя [6. Sing.2-2-18. К. 88].

В условиях нарастающего конфликта с русофильским деятелем П.П. Цибере на ведущие позиции в среде эмиграции из Подкарпатской Руси в Лондоне вышел украинофил И.Д. Петрушак. В 1930-е годы он являлся секретарем краевого комитета коммунистических «красных профсоюзов» в Подкарпатской Руси, редактором газет «Рабочая молодежь» и «Голос жизни». После событий марта 1939 г. Петрушак по заданию Коммунистической партии Чехословакии эмигрировал в Англию. После нападения Германии на СССР последовало сближение на антифашистской основе всех течений чехословацкой эмиграции, вследствие чего Петрушак был делегирован руководством Коммунистической партии Чехословакии как один из ее представителей в Государственный совет [7. С. 301].

Петрушак по поручению правительства подготовил аналитическую записку о меморандуме Цибере. Резкой критике была подвергнута позиция последнего в национальном вопросе. Ссылаясь на данные Академии наук в Санкт-Петербурге (1905 г.) и Академии наук Чехии (декабрь 1919 г.), Петрушак утверждал, что «в этнографическом плане население Подкарпатской Руси составляют украинцы»: «Я ничего не имею против того, что некоторые в нашем регионе объявляют и считают себя русскими. Но следует признать, что подавляющее большинство населения считает себя украинцами». Кроме того, Петрушак оставался последовательным приверженцем сохранения региона в составе Чехословакии: «Сегодня совместная борьба чехов, словаков и подкарпатских украинцев дает основание к тому, что в возрожденной Чехословакии станет возможным принцип равноправия этих трех народов» [6. Sing. 2-51-4. К. 218]. Вопрос восстановления чехословацкой власти в регионе он считал приоритетным, и ради осуществления данной цели необходимо сотрудничество представителей всех идеологических направлений. Об этом, в частности, им было заявлено на заседании Государственного совета 16 января 1943 г.: «Тот факт, что президент Бенеш назначил меня членом Государственного совета как представителя украинского направления, является, на мой взгляд, осуществлением принципа представительства всех национальных направлений единой Чехословакии. Другой член Государственного совета, доктор Цибере, является представителем русского направления. Как украинец считаю своим долгом заявить, что из-за этого языкового барьера не может существовать никаких противоречий между мной и Цибере в нашем сотрудничестве в деле сопротивления оккупантам, как не существует их дома, в нашем Подкарпатье. Судьба чехов, словаков и жителей Подкарпатя, пусть кто-то себя относил и относит к направлению украинскому или русскому, очень простая: все мы находимся под неприятельской оккупацией, все терпим муки и всем грозит смерть, если господство Гитлера и его союзника Хорти не будет свергнуто как можно скорее». Позже, в речи на заседании Государственного совета 15 марта 1944 г., Петрушак обвинял Цибере в нежелании принять условия сотрудничества с представителями украинофильского направления эмигрантов из Подкарпатской Руси [6. Sing. 2-2-10. К. 88].

Вместо ликвидированной Канцелярии по делам Подкарпатской Руси при Министерстве внутренних дел 1 марта 1944 г. был создан специальный отдел,

занимающийся проблемами региона [6. Sing. 2-10-19. К. 115]. Возглавил его Ю. Гаджега, который, подобно Петрущаку, являлся украинофильским деятелем коммунистической ориентации, выступавшим за сохранение Подкарпатской Руси в составе Чехословакии. Гаджега, член Коммунистической партии Чехословакии с 1924 г., в 1933–1934 гг. был функционером краевого комитета комсомола, с 1936 г. – администратором газеты «Карпатская правда» и членом районного партийного комитета Мукачевского округа, с 1937 г. – партийным секретарем Мукачевского округа. По поручению партии в 1938–1939 гг. Гаджега был завербован в структуры полувоенной организации «Карпатская Сичь» – радикальной проукраинской националистической структуры периода деятельности автономного правительства А.И. Волошина. В марте 1939 г. он эмигрировал в Югославию, позже был приглашен Комитетом политических эмигрантов Чехословакии в Лондон [8. Ф. 495. Оп. 281. Д. 61].

В пропагандистской статье для прессы, подготовленной в Отделе по делам Подкарпатской Руси, давалось следующее определение жителей региона: «Русины как самая западная ветвь большой русской этнографической семьи в языковом плане, несомненно, принадлежит к украинскому народу». Отличие же языка населения региона от литературного украинского языка объяснялось «вековой изоляцией». Однако автор статьи считал, что нахождение региона в составе Чехословакии является исторически обусловленным: «Карпаты являются границей – реальной границей – разделяющей два мира. Русины ориентированы на Запад и видят свое будущее в сожитии с самыми западными славянскими племенами, с чехословацкой нацией» [6. Sing. 2-10-13. К. 114].

Видение послевоенного будущего Подкарпатской Руси подробным образом изложил Г. Рипка в письме от 11 октября 1944 г. известному общественному деятелю С. Нейману. На взгляд секретаря Министерства иностранных дел, регион должен был вернуться в состав Чехословакии и получить широкую автономию. Автор письма считал население Подкарпатской Руси украинцами и указывал на необходимость обеспечения «украинского характера общественной жизни». Отношение к русофильским настроениям, свойственным значительной части местной интеллигенции, у Рипки было умеренно негативным: «Никоим образом не должен вырасти барьер перед русским языком, особенно перед наследием великих русских культурных деятелей. Но будет положен конец всем русификаторским тенденциям, которые в прошлом вызывали много споров, выгоду из которых имели враги славянского народа Подкарпатья» [6. Sing. 2-10-13. К. 114]. 20 октября Рипка повторно озвучил свою позицию на заседании «Подкарпатского клуба» (организация, созданная в Лондоне 6 февраля 1944 г. по инициативе Петрущак; насчитывала около ста членов [1. С. 139]). Секретарь Министерства иностранных дел рассматривал Подкарпатскую Русь как составную часть Чехословакии, а население, по его мнению, должно было «в культурном отношении примкнуть к соседнему украинскому народу» [8. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 72–73].

Педалирование в кругах чехословацкой эмиграции идей исторической связи Подкарпатской Руси с Украиной и украинских корнях населения региона не было случайным. По мнению В.В. Марьиной, Э. Бенеш «прекрасно понимал, что раньше или позже Чехословакии придется отказаться от Подкарпатской Руси в пользу СССР. И естественно было предположить, что, отойдя к СССР, эта область будет присоединена к Украинской ССР. Желая выйти из сложившейся ситуации с как можно меньшими моральными потерями для страны и для себя лично, Бенеш как бы упреждал события, делал первый шаг навстречу неизбежному» [9. С. 28–29]. Бенеш и его окружение в официальных речах декларировали необходимость вос-

становления Чехословакии в домюнхенских границах, однако понимали, что осуществление такого сценария в случае с Подкарпатской Русью не гарантировано. Так, в беседе со своим биографом К. Макензи весной 1944 г. Бенеш утверждал: «Подкарпатская Русь была нам доверена после Первой мировой войны. Мы – за то, что нам Подкарпатская Русь должна быть формально возвращена, поскольку она была включена в наши домюнхенские границы; однако, если подкарпатские русины решат присоединиться к Советской Украине, то мы не будем этому препятствовать» [9. С. 39]. Относительно будущей национально-культурной жизни региона (при рассмотрении варианта сохранения Подкарпатской Руси в составе Чехословакии) Бенеш в конце ноября 1943 г. высказывался в проукраинском духе: «Украина со своим сорокамиллионным населением – уже почти самостоятельна и пойдет дальше тем же путем. Не будем же мы на Подкарпатской Руси возвращать нечто такое, что принесло бы нам только хлопоты. Это касается русского языка, как хотели аграрники, или каких-либо планов относительно “местного языка”. Не будем же мы бросать на это деньги, когда по соседству будет литература и культурная среда сорокамиллионного народа. Это – глупости» [9. С. 37]. Чехословакии, однако, не удалось сохранить регион в своем составе. После освобождения Подкарпатской Руси войсками Красной армии в октябре 1944 г. последовал непродолжительный период существования просоветского квазигосударственного образования Закарпатская Украина. По договору между СССР и Чехословакией от 29 июня 1945 г. регион вошел в состав Украинской ССР.

Таким образом, среди представителей Подкарпатской Руси в кругах эмигрантского правительства Чехословакии господствовали различные представления о будущем национально-культурном облике региона. После конфликта с русофильски ориентированным членом Государственного совета П.П. Цибере лондонское правительство сделало ставку на украинофилов, к тому же придерживавшихся коммунистических взглядов. Во многом это было связано с двойственной позицией Э. Бенеша и его окружения, в которой сочеталось желание возродить Чехословакию в домюнхенских границах и понимание факта заинтересованности СССР в присоединении Подкарпатской Руси. В условиях послевоенного переустройства Центральной Европы был реализован именно второй вариант, в результате чего начался очередной драматичный этап в судьбе региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Офіційський П.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ, 1997.
2. *Archív Kanceláře Prezidenta republiky.* Inv. č. 928. Sign. PR 87. Kart. 15.
3. *Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně / Ed. J. Němeček.* Praha, 2008. T. I; 2011. T. II; 2012. T. III.
4. *Čech J., Cibere P.* Death stalks the forest. The Story of the Carpatho-Russian Guerrillas. London, 1943.
5. *Снівак Б.І.* Нарис історії революційної боротьби трудящих Закарпаття в 1930–1945 роках. Львів, 1963.
6. *Národní archiv České Republiky (NAČR).* F. MV-L.
7. *Пон І.І.* Енциклопедія Подкарпатської Русі. Ужгород, 2001.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 281. Д. 61.
9. *Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003.

© 2016 г. А.Л. ШЕМЯКИН

МЕЖДУ МОСКВОЙ И БЕЛГРАДОМ: ИСТОРИЯ СЕРБИИ В ТРУДАХ К.В. НИКИФОРОВА

В сообщении прослеживается научная биография и анализируются основные труды известного российского специалиста по истории Сербии и Югославии К.В. Никифорова, отмечающего в этом году свой шестидесятилетний юбилей.

The essay traces the scholarly biography and analyses most important works of the renowned Russian expert on the history of Serbia and Yugoslavia Kostantin Nikiforov, who celebrates his sixtieth birthday this year.

Ключевые слова: Сербия, Югославия, Боснийский кризис, К.В. Никифоров.

Keywords: Serbia, Yugoslavia, crisis in Bosnia, Konstantin Nikiforov.

Константин Владимирович Никифоров принадлежит к тому поколению историков, которому, на мой взгляд, повезло. С одной стороны, его представители «вставали на крыло», получая свои первые степени в то время, когда уже рушились прежние запреты и открывались перспективы работать в науке, вырвавшись из пут «единственно верного учения». Это давало возможность изучения и использования кардинально иных методологических приемов, что оказывалось особенно важным именно для Балкан, – в этом регионе, применительно к интерпретации исторического процесса, марксистская схема всегда давала сбой. К примеру, черногорской «буржуазии» никогда не существовало, но в отвлеченных конструкциях советских и даже отдельных (по инерции) постсоветских исторических сочинений она описывалась как реальное социальное явление. И вот, в конце 1980-х появлялся шанс (вспомним великого Леопольда Ранке) «писать так, как оно было на самом деле», а главное – самостоятельно, вне рамок ограничивающей познание единой методологически правильной «оптики», пытаться *объяснить*, почему все происходило так, а не иначе. Марксистский позитивизм уходил в прошлое... Эти перемены придавали науке нового времени невыразимую притягательность для умов¹. Но она же оказывалась подлинным вызовом для только что «оперившихся» кандидатов.

С другой стороны, научное формирование молодых ученых шло в тесном контакте с блестящим поколением послевоенных историков-балканистов, заложивших, по словам самого К.В. Никифорова, «основы монографического изучения истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы» [1. С. 6] и создавших, до-

---

Шемякин Андрей Леонидович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Здесь вспоминается тот романтический энтузиазм, с которым коллектив авторов во главе с незабвенной Риттой Петровной Гришиной (в их числе был и К.В. Никифоров) готовил коллективную монографию «Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы» (М., 1994).

бавим от себя, отечественные научные школы. Принадлежность к ним придавала молодежи чувство причастности к «цеху» (кафедра истории южных и западных славян МГУ, Институт славяноведения и балканистики АН СССР); способствовала осознанию и восприятию традиций отечественного – в широком смысле – славяноведения. От учителей и наставников она получала навыки культуры и этики исследования, что становилось стойким противоядием от проявлений «научного нигилизма» (увы, столь нередких сегодня). Отсюда и высочайшее уважение юбиляра к своему учителю – Ирине Степановне Достян, памяти которой посвящена его новейшая монография.

В 1987 г., после окончания аспирантуры Института славяноведения и балканистики АН СССР Константин Владимирович защитил кандидатскую диссертацию «Внешняя политика Сербского княжества в 40-х – начале 50-х гг. XIX в.». И уже вскоре результаты его первого исследования были опубликованы в авторитетной академической серии «Международные отношения на Балканах» [2. С. 132–147; 234–255; 293–296]. Казалось, что впереди прямая дорога к новым достижениям на научной ниве. Но наступили «лихие девяностые», и ученым, как и многим другим, пришлось прежде всего выживать. Не всем это удалось, многие ушли из профессии, иссякли налаженный десятилетиями отбор молодых исследователей и приток новых кадров. Константину Владимировичу судьба уготовила иной путь: в 1992–1998 гг. он работал в Администрации Президента РФ... Впрочем, «большое будущее», как оказалось, от него никуда не ушло.

Многие из его коллег, оказавшись вместе с ним на новом поприще, бесспорно закончили с наукой, но только не он. С одной стороны, именно тогда К.В. Никифоров, на базе кандидатского сочинения, подготовил к печати первую монографию [3]. С другой же – полностью использовал открывшиеся возможности для расширения поля своих исследований, в первую очередь, связанных с бушующими тогда в бывшей СФРЮ межнациональными конфликтами. Являясь, в силу разных причин, непосредственным свидетелем многих событий, имея доступ к эксклюзивным материалам и будучи знаком с закулисной переговорной «кухней», Константин Владимирович в итоге стал уникальным специалистом по югославскому кризису. Этот эффект личного присутствия придал очередной его монографии, на сей раз – о внутреннем противостоянии в Боснии [4], – специфический характер: то был сплав анализа открытой и некогда закрытой информации с наблюдениями очевидца, что заметно расширило наши знания о *реальной* ситуации в Боснии в первой половине 1990-х годов и одновременно усилило репрезентативность авторских оценок и выводов. Добавлю, что именно в это время автор занялся изучением общепалканского исторического контекста, без знания чего, как сказано в другой его книге, «невозможно быть специалистом по истории Сербии» [1. С. 6], а равно, разумеется, и Югославии.

Таким образом, когда в 1999 г. К.В. Никифоров вернулся в Институт славяноведения, он был историком широкого профиля (сербист-югославист-балканист)². Очевидно, что годы, проведенные вне родных стен, пошли ему только на пользу – с точки зрения расширения диапазона и углубления хронологии его исследований. Справедливости ради отмечу, что эти «расширение и углубление» легли на подготовленную почву – еще до работы в Кремле он успел «послужить» в секторах Института всех *трех* эпох: Новой истории славянских народов, истории

² Добавим, что К.В. Никифоров является и одним из авторов коллективной монографии по новейшей истории России «Эпоха Ельцина: очерки политической истории» (М., 2001; 2-е изд. М., 2011).

межвоенного периода, а также периода социализма. Понятно, что пребывание в каждом из них давало ему новые знания и опыт, позволяя воспринимать историю Сербии (Югославии) не как совокупность *политических* процессов (от революции до революции, от войны до войны, или, как выразился венгерский политик и публицист Оскар Яси, «от покушения к покушению» (цит. по [5. С. 343])), но как единый *исторический* процесс длиною более чем в полтора века. Этот «унаследованный» от первых лет работы в Институте и «благоприобретенный» (перефразируя название книги Велько Мичуновича) в «кремлевские годы» комплексный взгляд на сербо-югославо-балканские сплетения К.В. Никифоров успешно применил на новом этапе жизни, вернувшись в Академию наук.

В 2000 г. он защитил докторскую диссертацию по теме монографии о кризисе в Боснии. Кстати, весьма символично, что его защита состоялась 5 октября, когда в Белграде произошла «малая октябрьская революция», приведшая к отставке Слободана Милошевича, события которой стали отдельным сюжетом научного анализа автора [1. С. 108–116]. С 2004 г. и по настоящее время он возглавляет Институт славяноведения РАН, будучи выбран его коллективом на должность директора уже на третий срок.

В новом качестве Никифоров не утратил интереса и энергии на научном поприще. По его инициативе была создана Комиссия историков России и Сербии, в рамках работы которой прошло уже четыре заседания и вышло три совместных с сербскими коллегами сборника статей. В 2011 г. под его же редакцией был опубликован важный и новаторский труд – коллективная монография «Югославия в XX веке. Очерки политической истории». Причем К.В. Никифоров принял деятельное участие и в его написании, подготовив две главы, посвященные последнему периоду существования СФРЮ [6. С. 735–765] и геополитике югославского кризиса [6. 865–871]. Важность данного проекта состоит в том, что первая и последняя успешная попытка издания «Истории Югославии» была предпринята в далеком 1963 г. и хронологически ограничивалась окончанием Второй мировой войны. В связи с чем в 2002 г. будущий ответственный редактор «Очерков» сетовал на то, что *реальная* «история Югославии после 1918 г. и особенно после 1945 г. отечественными историками еще не написана» [7. С. 21]. Не прошло и десяти лет, и серьезная научная лакуна под его руководством успешно заполнена...

Пять лет назад в сборнике, посвященном юбилею своего научного наставника К.В. Никифоров поместил статью «Три монографии И.С. Достяна» [8. 62–80]. Хотелось бы также вкратце остановиться на трех монографиях юбиляра. Две из них были написаны уже во время его директорства.

О первой его книге, вышедшей двадцать лет назад, уже упоминалось [3]. Ее несомненным достоинством является введение в научный оборот неизвестных прежде источников, которые (да и то неполно) использовал веком ранее один лишь Н.А. Попов. Кроме того, Никифоров подверг данные маститого исследователя XIX в. тщательной проверке, выявив ряд погрешностей, нередко значительных.

В последние годы, наряду с подготовкой работ по истории Балкан XX–XXI вв., Константин Владимирович возвращается к сюжетам начала своей научной деятельности, снова, но совершенно по-иному, обращаясь к середине XIX в. В 2015 г. вышла в свет его монография, посвященная знаменитому «Начертанию» Илии Гарашанина и первым попыткам добиться реализации этого базового документа сербской национальной политики [9]. Причем данное «возвращение» совсем не случайно. Я бы даже сказал – совершенно логично. Ибо оно есть не формальное повторение написанного ранее, но – осмысление темы на совсем ином уровне, обогащенное новыми источниками и заключениями исследований

последних двадцати лет. К.В. Никифоров крайне своевременно обратился к идеям и событиям более чем полуторавековой давности, ибо как с научной, так и с политической точек зрения, давно пришло время установить исторические корни многих процессов, имевших место во время последнего югославского кризиса. Ведь где-то было его Начало, или, скорее, Начала?

Одно из таких «Начал» и изучает автор монографии, являясь, как уже говорилось, в отличие от многих нынешних «экспертов» по новейшим балканским делам – и, как правило, не историков, – профессионалом в области сербской (югославянской, югославской) истории на протяжении *почти двух столетий*. И это крайне важно, поскольку кое-кто из них, явно «мня себя стратегом», совсем не чувствует при этом исторической подоплеки и обусловленности современных явлений.

Исследование К.В. Никифоровым «Начертания» значимо в двух аспектах. С одной стороны, в чисто научном плане. Во-первых, что удивительно, но оно никогда еще не переводилось и не публиковалось в России (СССР). Во-вторых, никогда столь скрупулезно не анализировалось. И это действительно новая страница в отечественной исторической славистике. С другой же (что отражает уже не только научную, но и политическую ценность монографии), ее выводы и оценки особенно важны, имея в виду то обстоятельство, что не столько сам текст «Начертания» И. Гарашанина, сколько его «нужные» интерпретации, до сих пор оказывают влияние на общественно-политические настроения на Балканах и, что самое главное, – «конструируют» такие настроения.

Что касается чисто научного аспекта, то прежде всего хотелось бы отметить блестящий историографический очерк. Автор проработал практически все сербские (югославские), российские (советские) и западные исторические труды, где только упоминалось/ется «Начертание». И это, на мой взгляд, наглядный мастер-класс для студентов и аспирантов.

Такая научная тщательность и уважение к исследователям прошлого и настоящего служат подтверждением того, что школа отечественной славистики, в центре внимания которой всегда стояли источник и отменное знание литературы (что, несмотря на сменявшие друг друга идеологические парадигмы, оставалось и остается главным критерием познания и честных трактовок), воспитала автора. Это очевидно и из его посвящения, и из текста книги. Добавлю, что ее материал органично продолжает труды М.В. Белова об истоках сербской национальной идеологии [10 и др.]. Таким образом, создается единая интегральная база для дальнейшего исследования предельно актуального и по сей день сербского национального вопроса. Новейшая монография К.В. Никифорова, несомненно, поспособствует его более глубокому и объективному изучению...

Наконец, еще одна книга К.В. Никифорова посвящена истории Сербии на Балканах в XX веке [1]. Она носит иной характер. Если в предыдущей работе автор оперировал больше эмпирикой, занимаясь *анализом* конкретной темы из истории Сербии, то «Сербия на Балканах» написана более широкими мазками, в ней важное место занимают сквозные сюжеты, являя собой, с одной стороны, попытку *синтеза* сербской истории на протяжении целого века (от Сербии до Сербии), а, с другой, желание «изложить некоторые мысли, выявить проблемы, поставить вопросы» [1. С. 12]. К тому же наряду с сербскими в ней присутствуют и балканские темы.

Среди размышлений автора (о цикличности сербской истории Нового времени или о парламентаризме в Сербии в XX в.) представляются крайне важными его корректно сформулированные замечания о традиционном характере сербского

общества в начале XX в. и специфике сербской государственности, в рамках которой «парламентская форма и ее реальное содержание расходились очень существенно» [1. С. 31]. «Принято даже считать, – пишет он, – что жизнь в традиционном обществе вообще не знает политики в современном смысле этого слова» [1. 29]. С данными положениями я полностью солидарен. И, думается, в настоящее время они опять же актуальны – в связи с неутраченной дискуссией о характере истории Сербии 1903–1914 гг.: ряд сербских ученых считают период правления Петра Карагеоргиевича чуть ли не «золотым веком» Королевства [11. С. 188; 12. С. 45 и др.].

Причем мною замечено, что с увеличением исторической дистанции между эпохой 1903–1914 гг. и временем, в каком живут и работают исследующие ее представители национальной историографии, степень идеализации предмета изучения – в сравнении с оценками очевидцев – неуклонно возрастает, что, впрочем, является универсальным явлением, ибо мифический «золотой век» всегда необходим народам для самоутверждения и поддержания национального «здравия», а сербам (с их моральными изломами и травмами последнего времени) – особенно. Как пишет видный отечественный этнолог В.А. Шнирельман, «миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и наделить творческой энергией для преодоления кризиса» [13. С. 10–11]. К.В. Никифоров прекрасно это сознает, и потому снисходителен к коллегам: «Если принять во внимание дальнейший ход сербской истории в XX в., такую оценку можно если не принять, то вполне понять» [1. С. 31]. Уважая такой настрой автора, мне все-таки кажется, что снисходительность (как, разумеется, и самоснисходительность к собственной истории) не всегда благотворна для науки. «Любое общество живет определенным мифом [...] Если, будучи членом данного общества, ученый его разделяет, то его научные построения могут служить укреплению такого мифа, и при этом сам ученый может верить в то, что он отстаивает “объективную научную истину”. Человек же со стороны увидит в таких построениях всего лишь псевдонауку» [14. С. 20].

Это общетеоретическое суждение имеет прямое отношение к проблеме *идеализации* сербского «золотого века» (а равно к тем, кто его идеализирует, и тем, кто смотрит «со стороны»). Ее апогеем, на наш взгляд, стала последняя по времени (Белград, 2015), с претензией на новаторскую фундаментальность, коллективная монография «Сербь в 1903–1914 гг. История идей» [15]. В качестве наглядной иллюстрации приведу одно из ее центральных положений: «Сербия в начале XX в. являлась демократической страной, *республикой (политией) свободных крестьян* (выделено в оригинале. – А.Ш.). Для тех условий она имела передовую демократию, одну из самых развитых в Европе» [15. С. 27]. Или еще заявление о той же эпохе из более раннего (2008) и камерного труда: «Сербский народ, в огромном своем большинстве неграмотный и необразованный, обладал такой политической зрелостью и знанием, что мог самостоятельно принимать правильные и мудрые решения в своих интересах» [16. С. 7].

Причину столь безудержного восхваления своей политической «традиции» опять же объяснить нетрудно: «Претензии на исторический приоритет некоторых [...] политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов», – а в упомянутом выше объемистом томе всячески подчеркиваются преимущества политической практики сербов в сравнении, например, с болгарями (об этом см. также [17]), – суть один из универсальных компонентов «этноцентристских версий прошлого», которые создаются «в условиях серьезного этнополитического кризиса» [14. С. 17–18]...

Говоря о новейших работах К.В. Никифорова, следует упомянуть его краткий, но емкий теоретический очерк ««Короткий XIX век» Балкан» [18. С. 16–26]. В нем применительно к региону анализируются научные представления и аргументация хронологических рамок Нового времени (так называемый «долгий XIX век»). Автор делает вывод, что для Балкан этот век, наоборот, был «коротким» и уместился в 36 лет – от Берлинского конгресса 1878 г. и до начала Первой мировой войны в 1914 г. Именно такой период история отвела народам полуострова, чтобы пройти свой путь возвращения в Европу (т.е. испытание модернизацией) – от получения независимости до «европеизации» всех сторон жизни. Вот только спрашивается, возможно ли втиснуть в три с половиной десятилетия те процессы, которые в Старом Свете протекали веками? Ответ очевиден: несмотря на «заимствование» западных практик и институтов, балканские страны (точнее – социумы) сохраняли свою традиционную природу. И после Мировой войны их развитие оставалось «догоняющим» (имитирующим), в результате чего сократить отставание от передовых держав снова не удалось.

Поздравляя Константина Владимировича Никифорова с юбилеем, мы выражаем надежду на появление его новых работ столь же комплексного характера.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала поздравляют директора Института и члена редколлегии журнала «Славяноведения» Константина Владимировича Никифорова с 60-летием и желают ему здоровья и творческих успехов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012.
2. Международные отношения на Балканах. 1830–1856. М., 1990.
3. *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
4. *Никифоров К.В.* От Кремля до Республики Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.
5. *Айрапетов А.Г.* Балканы начала XX века: взгляд венгерского современника // Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI – XX вв.). СПб., 2011.
6. Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров М., 2011.
7. *Никифоров К.В.* Четыре этапа сербской истории (XIX–XX века) // Югославянская история в Новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002.
8. *Никифоров К.В.* Три монографии И.С. Достяна // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь И.С. Достяна. М., 2010.
9. *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853. М., 2015.
10. *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. XVIII–XIX вв. СПб., 2007.
11. Нова историја српског народа / Приред. Д. Батаковић. Београд, 2000.
12. *Батаковић Д.* Сербия накануне Первой мировой войны: внешние и внутренние вызовы // Накануне Великой войны: Россия и мир / Отв. ред. О.В. Петровская. М., 2014.
13. *Шнирельман В.А.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Македония. Проблемы истории и культуры / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1999.
14. *Шнирельман В.А.* Подделки и альтернативная история // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М., 2011.
15. Срби 1903–1914. Историја идеја / Приред. М. Ковић. Београд, 2015.
16. *Протић М.* Највиша тачка учености међу Србима // Пола века од смрти Слободана Јовановића. Повратак у националну баштину и домовину / НИИ. Специјални додатак. 16. октобар 2008. године.
17. *Свирчевић М.* Локална управа у Србији и Бугарској (1878–1914). Београд, 2009.
18. Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016.

Русская государственность в трудах историков зарубежья. Работы русских историков-эмигрантов белградского круга 1920–1941 / Авт.-сост. Е.А. Бондарева. М., 2012. 448 с.

Представляемая работа является попыткой показать трудную, во многом драматическую судьбу русских историков, оказавшихся в эмиграции в Белграде после революции 1917 г. и, вместе с тем, познакомить читателя с их научными трудами. Книга состоит из двух частей. Одна из них содержит очерк жизни русской эмиграции на Балканах и анализ научного наследия историков-эмигрантов, вторая часть работы являет собой публикации статей историков, в этот круг входивших и составивших ядро белградской эмиграции: Ф.В. Тарановского, А.В. Соловьева, В.А. Мошина, Е.В. Спекторского. Публикации предваряют биографические очерки ученых.

В первой главе «Русская эмиграция в Югославии (1920–1941)» Е.А. Бондарева рассматривает самый широкий круг вопросов, касающихся жизни русской эмиграции на Балканах в межвоенный период. В сферу внимания автора попадают и вопросы статуса русских эмигрантов, и проблемы образования, и деятельность русской церкви в королевстве СХС, и общественная жизнь эмиграции. Многоплановость рассмотрения проблем позволяет читателю окунуться в жизнь русской эмиграции, почувствовать ее атмосферу.

Но основное внимание автора сосредоточено на исследовании жизни и научной деятельности русских историков-эмигрантов. Е. А. Бондарева отмечает особую роль Белграда в судьбах русской эмиграции: ведь именно столица СХС стала вторым после Парижа центром русской диаспоры во многом из-за исключительно благожелательного отношения короля Александра Карагеоргиевича, хорошо знавшего русскую культуру и русский язык, способного оценить интеллектуальный потенциал русских эмигрантов.

Е.А. Бондарева отмечает, что отношение к русским в Югославии было особенно теплым, что соответствовало веками существовавшей традиции. Хотя цент-

ром русской эмиграции был Белград, где располагались основные организации диаспоры, но эмигрантские центры действовали и в других городах страны. Всего в Югославии функционировали более 1000 русских организаций различного толка, характеристика деятельности наиболее значимых приводится в книге.

В научном плане, как отмечается в работе, белградский круг историков был неразрывно связан с пражским центром и по проблематике, и по методологии. Русские историки вели в Королевстве СХС большую научную и педагогическую работу, способствуя повышению уровня исторических исследований на своей новой родине. На основе изучения как опубликованных, так и архивных источников (некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот) Е.А. Бондарева анализирует деятельность профессиональных организаций русских историков, издательскую деятельность, связи с европейскими учеными.

К сожалению, в послевоенные годы произошло угасание научной жизни русской эмиграции на Балканах, что было связано с политическими переменами.

Обращаясь к трудам историков белградского круга, автор предпринимает удачную попытку определения концепции и основных этапов русской истории, представленной на страницах сочинений А.Л. Погодина, Г. Острогорского, А.В. Соловьева, Ф.В. Тарановского, Е.В. Спекторского, В.А. Мошина, П.Б. Струве, с привлечением работ таких авторов, как Л.М. Сухотин, Е. Елачич, С.В. Троицкий, А.П. Доброклонский.

По мысли Бондаревой, в трудах названных ученых отчетливо прослеживается стремление противостоять попыткам представить русское государство как некую «периферию» европейской цивилизации, либо как продукт «евразийского синтеза». Крупный специалист в области европейского права, знаток памятников славянской правовой культуры Ф.В. Тарановский убе-

дительно доказывал, что русская государственность «вполне укладывается в рамки политической эволюции европейской культуры» (с. 84). Е.А. Бондарева справедливо замечает, что исследования Тарановского не утратили актуальность и в наши дни, представляя значительный научный интерес.

Большое внимание ученые белградского круга уделяли проблеме русского национального самосознания. Особая роль в исследовании этой проблематики принадлежала А.В. Соловьеву, начавшему работать над данной темой еще в России и продолжившему трудиться над ней в эмиграции.

В круг проблем, привлекавших внимание историков-эмигрантов, как отмечает Е.А. Бондарева, входили сюжеты, связанные с историей Древней Руси, в частности варяжский вопрос, отношения с Хазарией, Крещение Руси, Русь в системе международных отношений. На основе анализа работ В.А. Мошина, А.Л. Погодина, Г. Острогорского, А.В. Соловьева и ряда других авторов она воссоздает картину взглядов ученых на указанные проблемы, отмечая их непреходящую научную актуальность и значимость. Бондарева подчеркивает, что труды историков-эмигрантов используются российскими учеными по сей день, причем в силу недоступности оригиналов отечественные ученые вынуждены обращаться к западным переводам.

Далее автор рассматривает основные труды историков-эмигрантов посвященные русской истории периода ордынского ига и укрепления Московского государства, истории России XVIII–XX вв. Е.А. Бондарева отмечает то внимание, с которым эмигрантские историки относились к проблеме взаимоотношений России с южными славянами в XVIII–XIX вв. Именно этой проблематикой занимались А.В. Соловьев, А.А. Олесницкий, А.Л. Погодина и другие историки. Особый интерес представляют работы А.Л. Погодина, посвященные изучению общественного мнения на Балканах по вопросу об отношении к России в XIX в., среди которых особо значима «Русско-сербская библиография 1800–1925 гг.» Издание Погодина является единственным в своем роде в сербской историографии. Сам Погодина писал, что завершив эту работу он может «спокойно умереть в убеждении, что русская великая душа не будет забыта в Сербии» (с. 154).

Е.А. Бондарева полагает, что русские историки белградского круга были объединены не только общностью судьбы, но и общностью мировоззрения, научных интересов, методологических принципов исследовательской работы. Она относит их труды главным образом к позитивистскому направлению исторической науки. «Непре-

рывность исторического развития, многофакторный подход к анализу исторического материала, применение сравнительно-исторического подхода – все это, – по мысли Е.А. Бондаревой, – является отличительными чертами исторических работ белградского круга» (с. 165). Труды белградских историков являют собой пример междисциплинарных исследований на стыке различных гуманитарных дисциплин: истории, права, географии, философии, социологии, что вполне соответствовало общемировой тенденции развития науки того времени.

Вторая часть работы, как выше указывалось, посвящена публикациям научных трудов ученых белградского круга. Открывается эта часть биографическим очерком Е.В. Спекторского о Тарановском, затем следует работы Тарановского «Государственная культура России» и «Славянство как предмет историко-юридического изучения». Следующий раздел второй части книги включает в себя очерк Е.А. Бондаревой о жизни и судьбе А.В. Соловьева и публикации его работ «Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи», «Национальное сознание в русском прошлом», «Белая и Черная Русь. Опыт историко-политического анализа». Затем следует раздел, посвященный В.А. Мошину, состоящий из биографического очерка Бондаревой и публикаций «Христианство в России до Св. Владимира» и «Русь и Хазария при Святославе». И, наконец заключительная часть работы содержит биографический очерк о Е.В. Спекторском и публикации его трудов «Западно-европейские источники евразийства», «Либерализм» и «Принципы европейской политики России в XIX и XX веках».

Представляется, что рецензируемая книга – интересное и заслуживающее внимание научное исследование, позволяющее получить сведения как о жизни русской эмиграции, так и о развитии русской исторической науки в очень непростое время, в условиях оторванности от родины, но, с другой стороны, имеющей возможность развиваться в контакте с европейской наукой. Приведенные в книге публикации работ русских историков, не всегда легко доступные, будут способствовать расширению исследовательских возможностей специалистов как по истории России, так и славянских народов в целом.

При всех достоинствах книги хотелось бы отметить, что работа, несомненно, выиграла бы при условии публикации библиографии работ историков белградского круга, а также при устранении некоторых повторов, возникающих при обращении к биографиям ученых как в первой, так и во второй частях книги.

П. МАНГАЧЕВ. Документална история на руските бежанци в България (1919–1944). В 2-х т. София, 2015. Т. 1, с. 248. Т. 2, с. 199.

П. МАНГАЧЕВ. Документальная история русских беженцев в Болгарии (1919–1944)

Не будет преувеличением сказать, что болгарские исследователи вырвались далеко вперед, по сравнению с другими, по количеству книг, посвященных русским «беженцам», хотя мне и не нравится это определение, уж лучше эмиграции. «Беженцы» – это шпаки, т.е. штатские. Хотя споров вокруг определения русских изгнанников предостаточно. Здесь просто не стоит забывать, что слово «беженцы» воспринимается несколько тоскливо, рисуя толпу, бегущих куда-то мужчин, женщин, стариков, старух, разнополых детей. Гораздо лучше, более внушительно, исторично, литературно звучит слово «эмиграция». Так и вспоминается Великая французская революция с маркизами, нашедшими убежище в Петербурге. Но в России все было не так «как у людей» и вместе с утратой надежд на скорое возвращение «беженцы» превратились в «эмиграцию». Видимо об этом думал и Иван Алексеевич Бунин, когда назвал свой манифест «Миссия русской эмиграции».

Именно он и открывает двухтомник известного болгарского историка Петко Мангачева, что само по себе является не только символическим, но и глубоко органичным, своеобразным предисловием к тексту, охватывающим и военное время. Обычно историки при исследовании эмигрантской тематики стремятся ее разделить на три этапа: довоенный, военный и послевоенный. Здесь автор изменил «обычному», соединив два этапа – довоенный и военный, что только расширяет сюжетную панораму при детализации картин.

Мне, правда, не совсем понятна идея автора с заглавием, точнее, прилагательное «документальная», так как любое историческое исследование опирается на документы. Видимо, болгарский коллега хотел акцентировать внимание именно на документальной базе своего труда, посвященного гуманитарной сфере, допускающей различное прочтение. Соответственно, вся

книга построена почти исключительно на документах и мемуарах без привлечения трудов иных исследователей. Это выглядит несколько странно, но если учесть, что на первом плане у автора было введение в научный оборот новых документов в этой сфере, то все встает на свои места, тем более, что богатства болгарских архивов это позволяют. При этом сам труд болгарского историка П. Мангачева органично входит в разнообразную историографическую базу, посвященную названной тематике/проблематике.

Итак, первый том. В чрезвычайно интересном предисловии П. Мангачев пишет, что при работе над трудом его занимали сюжеты, относящиеся к самым различным видам и формам денежного довольствия, оказываемые различными болгарскими институтами отдельным лицам и организациям.

Эти сюжеты в определенной степени уже были предметом интереса исследователей русской эмиграции в Болгарии. Но приводимые П. Мангачевым разнообразные новейшие материалы, их анализ позволяют раздвинуть представления о жизни/быте русских в Болгарии, помощи ее властей в указанных сферах. В то же время новые архивные сведения, которые вводит болгарский коллега, обогащают, уточняют картину русского бытия и болгарской помощи. Присутствующие в книге таблицы, статистические данные только расширяют соответствующую информацию. Эта «сухая материя» в то же время служит документальным подтверждением верности исторического знания, представленного в труде.

Если говорить о таком штампе, как «актуальность», то здесь исследование автора в наше трудное время межгосударственных российско-болгарских отношений, появления «новых прочтений и оценок» нашей славянской истории, можно только рассматривать как весомый вклад в ту

сферу, которая служит идее человека, славы, гуманности, братства.

В сущности, труд болгарского коллеги являет собою и ценный источник для объемных, комплексных исследований в сфере русской эмиграции/русского беженства.

Здесь и субсидирование болгарским государством инвалидов войны (от участников русско-турецкой войны 1876–1878 гг. до воинов Добровольческой армии, пострадавших в ходе Гражданской войны), и анализ их социального статуса, и политика болгарских властей к новоприбывшим русским. Заключает первый том глава, посвященная финансированию болгарскими русское учебного дела.

Пожалуй, трудно что-либо выделить особо интересное в тексте: все привлекает внимание, особенно когда в центре человек, русский, давний освободитель и недавний неприятель, отношение к нему государства, его властей. Именно гуманность к русским организациям и институтам пронизывает текст, хотя, конечно, не все так было гладко в отношении к беженцам/эмигрантам.

Текст первого тома обильно снабжен уникальными фотографиями, групповыми и портретными снимками тех, кто вошел в историю безымянными и известными истории.

Второй том, равно как и первый, построен почти исключительно на новых архивных документах. В тексте исследуются прежние сюжеты о субсидировании болгарским государством русских детских заведений, студентов, отношение Совета министров и Болгарской православной церкви к русскому духовенству, как и отношение болгарского царя Бориса III к русским беженцам/эмигрантам.

Пожалуй, один из самых информативных сюжетов связан с неизвестными фактами о русских учебных заведениях. Здесь исследователь школьного дела может найти новые ценные сведения, в некоторых случаях довольно подробные, о русских гимназиях в Пловдиве, Варне, Пещере, Шумене, Софии, училище В.П. Кузьминой в болгарской столице, о русской гимназии в городе Долна Оряховица, о русском среднем сельскохозяйственном училище в селе Княжево, что под Софи-

ей, об англо-русской гимназии в Варне, о Галлиполийской гимназии в городке Тырново-Сеймен, о русских детях и учениках в Пернике, о Софийском детском русском интернате, о других воспитательных-учебных заведениях. Сам текст обильно снабжен разнообразными выкладками, таблицами, от цен на продукты до уровня успеваемости учащихся. Равным образом в него включены интереснейшие письма болгарских и русских официальных лиц, из которых можно узнать о состоянии дел в этой важнейшей отрасли человеческого общежития, о размерах финансирования болгарским государством этих институций, и ряд иных сведений.

И напоследок. В ряду указанных выше «болгаро-русских картин», расширяющих наше историческое знание, есть одна общая характерная и важнейшая деталь – это отношение болгарских властей, царя, духовенства к русским беженцам/эмигрантам. Короче и точнее – картина самой болгарской власти, ее разнообразная работа по «русскому вопросу».

Для меня, не бросающего церковную тематику, большой интерес вызывал текст, связанный с Болгарской православной церковью. Спешу заметить, что автор расцветчивает новыми оттенками картину присутствия русского духовенства на болгарской земле. Впрочем, это можно отнести ко всему исследованию болгарского коллеги.

В приложении можно увидеть на чуть менее 50 страницах множество снимков, связанных не только со школьным делом, культурно-просветительной деятельностью, благотворительностью, но и в целом, с болгаро-советскими отношениями. Почти все они «украшены» различными по исполнению печатями русских организаций. Причем сама тема печатей может служить предметом самостоятельного исследования.

Завершая свои строки, могу сказать следующее: текст, безусловно, будет полезен всем тем, кто не только занимается исследованием болгаро-русских отношений в их динамике и конкретике, но и шире – культурологам, политикам, «оценщикам» прошлого с позиций настоящего.

© 2016 г. *В.И. Косик*

Руската колония во Скопје (1920–1943 год). Сборник на документи. Скопје, 2015. 909 с.

Русская колония в Скопье (1920–1943 гг.). Сборник документов

В свое время я надеялся поработать в македонских архивах по русским сидельцам в этой далекой стране, но не удалось. И вот теперь мою мечту отчасти исполнили другие, я говорю, прежде всего, о Л.И. Жиле, с которой мы знакомы много лет.

Именно она и ее коллега Ф. Петровский подготовили и выпустили в 2015 г. под грифом государственного архива Македонии замечательный сборник документов о русских жителях в Скопье. Примечателен он, разумеется, не только богатством содержания, но и именами двух министров иностранных дел – Н. Попоского и С.В. Лаврова, которые подчеркнули значимость общей исторической памяти, духовную и культурную близость двух народов, как и надежду на то, что настоящий сборник послужит делу плодотворного сотрудничества «во имя крепости вечной русско-македонской дружбы».

(Обращения Н. Попоского и С.В. Лаврова, предисловие к сборнику и его содержание представлены на двух языках – македонском и русском.)

По структуре этот сборник разделен на три раздела, предваряемые обширным предисловием, в котором рисуется картина приобщения русского человека на македонскую землю, дается сухая историческая справка о волнах эмиграции в Королевство сербов, хорватов и словенцев, образовании и устройстве русских колоний на его землях, вкладе «белогвардейцев» (обычное название среди местного населения русских эмигрантов) в культурную и хозяйственную жизнь македонского народа. (Например, появление охридского жемчуга македонцы связывали с таинственной фигурой некоего «белогвардейца», сообщившего рецепт жемчужной эссенции двум македонским семействам.) Указаны основные публикации по русской теме в Македонии, дальнейшему раскрытию которой и посвящен сборник. Его содержание обусловлено самим характером, отложившихся в архиве русской колонии документов. Это, прежде всего, разнообразная документация, связанная с руководством русской колонии и решением различных вопросов.

Так в первый раздел вошли материалы Правления русской колонии: различные распоряжения местных властей и сведения о помощи беженцам, требования о регистрации, устав кассы взаимопомощи, о выборах и пере выборах в Правление и его членах, о случавшихся неурядицах между членами колонии, об устройстве «Русского дня», о «женском вопросе» в сфере голосования, о приеме в подданство, о пособиях, о льготах при приеме на работу, о русской школе с ее трудностями, неурядицами, упреками и оправданиями, о ревизиях сумм колонии, доклады Правления о проделанной работе и жизни колонии, о помощи детям, о казаках и разделениях среди них, списки членов колонии, имеющих право голоса, о соколах и младороссах, о положении и трудностях русского населения после «оккупации» македонской территории Болгарией, о поездке русской делегаций в Софию в 1941 г., о помощи славянского «дружества» в Софии русской колонии в Скопле, вещевой и денежной помощи, отосланной в Софию, о вещах, пересылаемых через Софию в Россию, о научных интересах увлеченного сербскими фресками С.Н. Смирнова, и многочисленные «слушали – постановили», которые также представляют несомненный интерес для будущего историка русско-македонских отношений.

Второй раздел, в основном, включает в себя личные документы членов русской колонии и русских эмигрантов, которые к таковым не принадлежали. Его содержание характеризуется большой массой документов, связанных с удостоверениями, свидетельствами и подтверждением личных данных членов колонии, просьбами о разрешении жительства в Скопье, приеме в члены колонии, в городскую общину, устройства на работу, продлении трудового контракта, бумаг о подтверждении проживания в Скопье и примерном поведении, необходимых для устройства на работу, о приеме в подданство Королевства сербов, хорватов и словенцев, с анкетными данными.

Некоторые из упомянутых бумаг полны разнообразных сведений об их подателях и

местах работы, включая дореволюционный период жизни.

Для исследователей русской эмиграции, российских краеведов – эти документы представляют собою ценнейший материал, который может помочь и в стирании «белых пятен» в биографиях разыскиваемых лиц, и составить примерную картину трудовых отношений в различных сферах, и расширить знания по географии мест рождения эмигрантов, их социальном и семейном положении, вплоть до установления судеб тех, которые разыскиваются потомками.

Третий раздел включает, прежде всего, документы и материалы, связанные с русскими учеными, преподававшими два с лишним десятка лет на философском факультете в Скопье, их разнообразной деятельностью. Это: историк литературы, критик, фольклорист, прозаик Е.В. Аничков, историк, литературовед, философ П.М. Бицилли, историк, публицист А.К. Елачич, филолог-славист, палеограф С.М. Кульбакин, преподаватель русского языка, методист, переводчик, публицист, учредитель и редактор журнала «Јужни преглед» П.А. Митропан, византолог, палеограф, специалист по славянской археографии В.А. Мошин, искусствовед, историк искусства и архитектуры Н.Л. Окунев, историк, библиограф Е.А. Ошанина, лингвист, философ, историк литературы, публицист В.А. Розов, картограф Б. Шпора.

Здесь и протоколы заседаний философского факультета, и печатные материалы в местной прессе о русских ученых в Скопье, византологическом конгрессе в Белграде, о первом конгрессе славянских филологов в Праге, об украинском вопросе, о Л. Толстом, М. Горьком, А. Чехове, свадебных обычаях в Призрене, театральные обзоры и другие материалы, в том числе связанные с Советской Россией, обращения студентов к руководству факультета по разным вопросам, различные свидетельства по русским студентам, бумаги о нострификации русских дипломов, сообщения о ходе преподавания и практических занятий по русскому языку и литературе, финансовые документы, списки преподавателей, студентов, административного персонала, список дипломированных студентов, информационные материалы о работе философского факультета, материалы по кадровым вопросам, учебные программы, перечень семинаров, включая Географический институт, где работал Б. Шпора, библиография работ факультетских преподавателей,

Среди многих материалов о разнообразной деятельности русских лекторов, привлекает особый интерес информация, связанная с увольнением А.К. Елачича после прочтения им лекции о Г.М. Плеханове. Именно с име-

нем этого русского преподавателя связано множество документов, публикуемых в книге.

Безусловно, каждый из русских преподавателей, упоминаемых в тексте, заслуживает отдельного, серьезного, многостраничного исследования, книги. Пока, насколько мне известно, опубликованы солидные работы, связанные с именами П.М. Бицилли и В.А. Мошина. Остальные имена ждут своих авторов.

В частности, здесь можно назвать имя П.А. Митропана, регулярно выступавшего и в печати. С его публикациями, связанными с русским театром и его режиссерами, актерами и актрисами я довольно хорошо знаком и смею уверить, что его театральные публикации заслуживают отдельной книги. Материалы, присутствующие в сборнике, только могут добавлять красок к портрету этого талантливому «русса». Могу сказать еще, что в сборнике «всплывают» многие, ранее неизвестные и малоизвестные, русские имена, что ставит новые интересные задачи перед исследователями русской эмиграции в Македонии.

И как итог: когда начинаешь думать над тем, чтобы написать критическое о настоящем сборнике, то понимаешь всю безнадежность: документ и критика в данном контексте несовместимы.

Хотя обычно документальные материалы при подготовке к публикации печатаются/набираются в соответствии с традиционными правилами их издания. Здесь, авторы/составители пошли другим путем, а именно воспроизведения документов в их оригинальной/факсимильной форме. Разумеется, этот способ имеет свои преимущества, прежде всего в том, что читатель имеет возможность «приблизиться» к самому ушедшему времени с его характерными чертами через сами документы – форму, стиль, почерк. К этому добавлю отличную обложку книги, которая воспроизводит папку архивного дела со штампом правления русской колонии в Скопле.

И в завершение несколько слов: сборник будет служить обогащению исторических знаний о приеме и жизни русских на братской македонской земле, как и укреплению связей между македонским и русским народами, станет, как подчеркивают сами авторы составители, своеобразной книгой памяти.

Но не только: полагаю, верю, надеюсь, что настоящий сборник, сделанный трудами Л.И. Жилы и Ф. Петровского, послужит своеобразным фундаментом, на котором «вырастут» новые исследования, которые позволят расширить картину, добавить цвета в историю славянского братства.

J. VACULÍK. Reemigrace a repatriace čechů a Slováků po První světové válce. Brno, 2014. 112 s.

Я. ВАЦУЛИК. Реэмиграция и репатриация чехов и словаков после Первой мировой войны

Наличие многочисленной, влиятельной и хорошо организованной диаспоры всегда играло важную роль в истории чехов и словаков. Примечательным в этой связи представляется то обстоятельство, что зарубежная деятельность К. Масарика и Э. Бенеша в ходе Первой мировой войны, направленная на создание независимого чехословацкого государства, успехом в значительной степени обязана поддержке со стороны чешской и словацкой диаспоры.

Процесс реэмиграции и репатриации чехов и словаков в Чехословакию после окончания Первой мировой войны имел существенное значение для становления новорожденного чехословацкого государства. Между тем, этот важный в новейшей истории Чехословакии сюжет длительное время оставался вне поля внимания чешских историков. Серьезный вклад в ликвидацию данного историографического пробела вносит монография известного чешского историка, профессора Университета имени Масарика в Брно Я. Вацулика «Реэмиграция и репатриация чехов и словаков после Первой мировой войны», изданная в Брно в издательстве Университета им. Масарика в 2014 г.

Монография является плодом многолетних изысканий автора в данной области и опирается на солидную и разнообразную источниковую базу. При написании монографии были использованы материалы Архива Министерства иностранных дел Чехии, Национального архива в Праге, Военно-исторического архива Чехии, Словацкого национального архива в Братиславе, а также Государственного архива Киевской области. Кроме того, автор активно использовал материалы чешской и словацкой периодической печати, включая издания из США и других стран проживания чешских и словацких эмигрантов.

Первая глава монографии посвящена анализу основных проблем, связанных с реэмиграцией и репатриацией в Чехосло-

вакию после Первой мировой войны. Во второй главе содержится подробный анализ процесса реэмиграции и репатриации из России, Украины, США, Австрии, Германии и стран Западной Европы, а также из стран Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы.

Толчком для начала реэмиграции представителей чешской и словацкой диаспоры за рубежом стало окончание Первой мировой войны и образование независимой Чехословакии в 1918 г., что, как отмечает автор, стимулировало стремление чешских и словацких эмигрантов вернуться на родину; при этом «одновременно имел место процесс репатриации тех лиц, которые в ходе войны оказались за пределами чешских земель и Словакии, главным образом военнопленных бывшей австро-венгерской армии и чехословацких легионеров» (s. 7). Среди основных причин реэмиграции автор называет как социально-экономические соображения, прежде всего экономическую привлекательность Чехословакии (s. 7), так и «чувство гордости за принадлежность к чешскому и словацкому народу», а также «высокую степень идеализации своей родины» (s. 99). В наибольшей степени интерес к реэмиграции проявили чешские и словацкие эмигранты в Австрии и Германии, где в результате поражения в Первой мировой войне социально-экономическая ситуация резко ухудшилась, как и в России, «где после большевистской революции в ноябре 1917 г. началась Гражданская война» (s. 7).

По словам Вацулика, «наибольшие возможности для послевоенной реэмиграции должны были возникнуть в Словакии, где в ходе земельной реформы планировалось ликвидировать привилегированное положение крупных немецких и венгерских латифундистов. Основную часть земельных участков получили словаки и словацкие венгры (70 %), оставшуюся часть полу-

чили чехи и мораване (29 %)» (с. 8). При этом одной из наиболее важных задач реэмиграции и репатриации было такое размещение возвращенцев, чтобы их можно было использовать, по выражению автора монографии, в качестве «колонизационного материала» в пограничных областях ЧСР (с. 9). Тем самым чехословацкие власти стремились в полной мере воспользоваться процессом реэмиграции для усиления чешского и словацкого этнического элемента прежде всего в проблемных для Праги пограничных регионах Чехословакии. Организацией непосредственной помощи колонистам на местах занималось Государственное земельное управление, которое, в частности, обеспечивало их кредитами. Результат данной работы был довольно впечатляющим: в рамках земельной реформы в южной Словакии на землях бывших латифундистов, в основном этнических венгров, была создана 61 государственная колония; 11 подобных колоний возникло в южной части Подкарпатской Руси, где значительную часть местного населения также составляли венгры (с. 15).

Вопросам реэмиграции и репатриации уделялось колоссальное внимание правительством ЧСР. Так, проблемой возвращения военнопленных непосредственно занималось Министерство обороны, в рамках которого был образован специальный отдел по делам военнопленных. В решении вопросов, связанных с возвращением реэмигрантов, были задействованы Министерство социального обеспечения, в рамках которого было создано специальное управление, Министерство общественных работ, а также МИД. При этом процессы реэмиграции в чешские земли и Словакию регулировались с учетом местной специфики; вопросами переселения в Словакию ведало специальное отделение по вопросам переселенческой политики в Братиславе (с. 13).

В монографии показано, что на решение вопросов реэмиграции влияли социально-экономические реалии Чехословакии в первые годы после ее возникновения. Правительство ЧСР стремилось максимально облегчить материальные условия возвращения чешских и словацких эмигрантов на родину. Так, Министерство социального обеспечения брало на себя заботу о предоставлении реэмигрантам транспорта и питания; чехословацкие государственные железные дороги предусматривали возможность перевозки материально не обес-

печенных репатриантов бесплатно или с пятидесятипроцентной скидкой (с. 9).

Вместе с тем, далеко не радужная ситуация в экономике Чехословакии после окончания Первой мировой войны вынуждала Министерство социального обеспечения принимать меры, призванные минимизировать возвращение тех реэмигрантов, которые не имели достаточных финансовых средств и не располагали в Чехословакии жильем и возможностью гарантированного трудоустройства (с. 8). В этой связи руководство Министерства призывало дипломатические учреждения ЧСР за границей препятствовать любым попыткам «поспешного» возвращения реэмигрантов на родину; причем, тех реэмигрантов, жизненный уровень которых за рубежом был выше ожидаемого на родине, предлагалось прямо отговаривать от возвращения (с. 9).

Сравнивая реэмиграцию чехов и словаков после Первой и после Второй мировой войн, автор отмечает, что реэмиграция после Первой мировой войны в целом осуществлялась в более сложных условиях. По словам Вацулика, «в то время как после Второй мировой войны имелись дополнительные возможности расселения благодаря депортации немцев из пограничных областей, после Первой мировой войны, хотя и была проведена земельная реформа, возможности расселения и трудоустройства имелись лишь в сельской местности, прежде всего в немецких и венгерских латифундиях» (с. 15).

Около трети объема монографии посвящено реэмиграции и репатриации из России, что представляется вполне оправданным, поскольку на территории России находилось наибольшее число чехов и словаков, как многочисленных довоенных колонистов, так и участников чехословацких легионов и военнопленных австро-венгерской армии. Как отмечает автор, специфика России и находящихся в ней чехов и словаков обусловила разделение российской территории на три репатриационных округа: 1. Южная Россия и Кавказ под контролем Добровольческой армии генерала Деникина; 2. Внутренняя Россия и Украина под контролем большевиков; 3. Территория Сибири (с. 19). Из первого округа репатриация в ЧСР осуществлялась через Новороссийск и далее через Румынию и балканские страны. Репатриация из второго округа осуществлялась чехословацкими миссиями в Москве и Харькове; при этом репатрианты отправлялись на родину преимущественно через терри-

торию Галиции. Репатриация из Сибири была связана с возвращением на родину чехословацких легионеров и определялась спецификой данного процесса (s. 19).

В монографии подробно описываются выступления чехословацкой общественности и политиков за ускоренное возвращение на родину чехословацких легионеров и против их участия в Гражданской войне в России (s. 19–22). С января 1919 г. началась эвакуация чехословацких легионеров и отдельных чехословацких граждан через Владивосток; для организации эвакуации было создано специальное Эвакуационное управление чехословацкого войска в России, которое было подчинено верховному командующему чехословацкими войсками генералу М. Жанену и обеспечивало размещение войск на Дальнем Востоке, их питание и лечение, а также оформление документов. В соответствии с приказом министра обороны ЧСР М. Штефаника, Эвакуационное управление должно было организовать эвакуацию с Дальнего Востока не только личного состава чехословацкой армии, но и семей военнослужащих, а также гражданских колонистов-чехов (s. 23–24). Маршрут кораблей с эвакуируемыми чехами и словаками вел из Владивостока вокруг Китая, Индокитая, Индии, Аравийского полуострова и Малой Азии в Триест, откуда эвакуируемые отправлялись непосредственно в Чехословакию. Поведение эвакуируемых в ходе путешествия четко регламентировалось специально изданной инструкцией. По решению чехословацкого правительства, все расходы по эвакуации чехословацких военнослужащих и членов их семей на родину брало на себя государство (s. 25). Последний транспорт с чехословацкими репатриантами отправился из Владивостока в Европу 29 января 1922 г.

Что касается репатриации чехов и словаков из внутренних областей России и других регионов под контролем большевиков, то в монографии детально показано, что данный процесс был здесь осложнен политическими и идеологическими факторами. Так, советские власти Туркестана препятствовали возвращению на родину примерно семи тысяч находившихся здесь чехов и словаков, не желая терять квалифицированную рабочую силу в их лице (s. 44). Власти РСФСР отказывались предоставить возможность реэмиграции

тем чехам и словакам, которые имели российское гражданство. По словам Вацулика, российские советские структуры осуществляли репатриацию лишь формально, «в реальности это реализовывалось чешскими коммунистами», при этом «весьма негативную роль здесь играли те чешские и венгерские коммунисты, которые работали в аппарате ЧК» (s. 45).

Дополнительные проблемы вызывало и то обстоятельство, что Министерство социального обеспечения Чехословакии, непосредственно занимавшееся организацией репатриации, не учитывало специфику России и поэтому, по словам Вацулика, «выполнение всех формальностей, предусмотренных Министерством социального обеспечения, в случае с Россией было иллюзией» (s. 46). Сложности возникали и с польскими властями, которые периодически затягивали решение вопроса о прохождении поездов с репатриантами по территории Польши (s. 44). Хотя подавляющее большинство чехов и словаков стремились покинуть опустошенную Гражданской войной Россию, существовали и противоположные примеры. Так, автор упоминает о том, что после перехода к нэпу несколько тысяч уже находившихся в Чехословакии русских чехов и словаков обратились с просьбой к властям обеспечить им возможность возвращения в Россию, где они намеревались возобновить свою предпринимательскую деятельность (s. 46).

В заключение автор подчеркивает, что реэмиграция чехов и словаков после Первой мировой войны представляет собой важный, но малоизученный сюжет чешской и словацкой истории прежде всего потому, что, несмотря на серьезные экономические и инфраструктурные проблемы, а также политическую нестабильность в Центральной и Восточной Европе, чехословацким властям в целом удалось успешно решить проблему возвращения в Чехословакию многочисленных чешских и словацких эмигрантов, обеспечив их интеграцию в социально-экономическую жизнь чехословацкого государства. Монография Я. Вацулика вносит значительный вклад в изучение и осмысление данного малоизвестного аспекта чешской и словацкой истории.

© 2016 г. *К. Шевченко*

The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology / Ed. by L. Popović and M. Nomachi. Sapporo, 2015. 252 s.

Сербский язык. Взгляд с Востока и Запада: синхрония, диахрония и типология

Славянское языковедение в Японии – это не только русистика, как во многих восточных и западных научных традициях, но именно специализация на языках зарубежных по отношению к России стран. Болгаристика, сербокroatистика, полонистика, богемистика, словакистика, украинистика и прочие преподаются и изучаются во многих университетах страны. Слависты Японии объединены в Японское общество по изучению славянских языков и литератур (председатель Мицуёси Нумано), которое выпускает журнал «Slavia Iaponica: Studies in Slavic Languages and Literatures» (издается с 1986 г., до 2012 г. выходил под названием «Slavia Occidentalis Iaponica»), а также участвуют в Японском совете российских и восточноевропейских исследований, созданном в 1998 г. На прошедшем в августе 2015 г. в Макухари (Япония) IX Конгрессе Международного совета по изучению Центральной и Восточной Европы (ICSEES) японские ученые делали доклады по славянским языкам и диалектам, литературе, кино и музыке, фольклору и обрядам.

Немалую роль в становлении японской славистики сыграл профессор Сёити Кимура, основатель Центра славянских и евразийских исследований (ЦСЕИ) при Хоккайдском университете (с 1956 г. до 2014 г. известный как Центр славянских исследований). Этот центр с 1983 г. выпускает ежегодный журнал «Acta Slavica Iaponica», а также серии книг и монографий. В 2015 г. ЦСЕИ издал сборник «Сербский язык в восточной и западной перспективе: синхрония, диахрония и типология», который безусловно вызовет интерес у славистов и лингвистов. Редакторами сборника выступили Мотоки Номати (ЦСЕИ) и Людмила Попович (Белградский университет, Сербия).

Рецензируемая книга вышла в серии «Славянские евразийские исследования» (№ 28). ЦСЕИ объединяет разные дисциплины,

в том числе очень далекие от славистики и лингвистики в традиционном смысле (история, география, экономика не только славянских, но и бывших социалистических стран), и книги упомянутой серии это хорошо отражают. Лишь начиная с 23-го тома славистика заявляет о себе и последовательно публикуется тома по грамматикализации, славянскому мусульманству (язык, религия, идентичность), possessивности славянских языков, славяно-германским контактам. Данный том посвящен одному южнославянскому языку в сравнительном освещении и стал результатом японско-сербского сотрудничества и совместных научных симпозиумов.

Статьям предшествуют два предисловия – японского и сербского редакторов. Мотоки Номати дает краткую, но очень емкую характеристику развитию славистики в Японии и особенно отмечает заслуги профессора Сёити Кимура. Достойным продолжателем дела слависта С. Кимуры стал М. Номати, специалист по славянским литературным и малым языкам, их истории, диалектам и грамматике. Силами М. Номати выпускаются книги по славистике, проводятся конференции, реализуются совместные проекты. Заслугам этого слависта уделяет внимание и Л. Попович (Белградский ун-т, Сербия) в предисловии (с. 1). Кратко характеризуя содержание сборника, сербская исследовательница отмечает, что в современной науке лингвистические исследования приобретают особую актуальность, если они соотносятся с проблемами идентичности в контексте разных культур. Десять статей книги объединены в четыре главы, и именно проблемами идентичности (глава 1. «Сербский язык и его идентичность между Востоком и Западом») открывается этот сборник. Статья Р. Бугарского (Белградский ун-т, Сербия) «Об идентичности сербского языка» посвящена параметрам (внутренним и

внешним) и уровням (сильном и слабым) идентичности, применяя эти категории к истории сербского (сербскохорватского) языка вплоть до начала «языкового сепаратизма» и становления хорватского, боснийского и черногорского языков как языков государственных. Бугарский подробно характеризует состояние современного языка с точки зрения его модернизации, с особым вниманием к основным словообразовательным моделям и заимствованиям. Надо отметить, что многие из моделей знакомы русскому и другим славянским языкам, а ряд неологизмов буквально совпадают с русским (например, серб. *прихватација*). Рассматривая заимствования, автор видит их пользу, особенно для носителей городского идиома, конечно же, с учетом того, что нельзя принимать нововведения в неограниченном количестве. Он полагает, что опасность для идентичности сербского языка идет не снаружи, а изнутри (с. 25).

В статье «“Восток” и “Запад” в структуре сербского языка: языковые контакты и их результаты» М. Номати (ЦСЕИ, Япония) обращается к проблеме влияния языковых союзов на развитие их членов. Именно на Балканах, по мнению автора, происходит встреча Востока с Западом, во всей сложности этих понятий (Европа – Азия, Восточное – Западное христианство, восточные и западные диалекты сербского языка и др.). Такие дихотомии очень показательны при сравнении балканизмов на языковой территории Сербии, которые намного ярче представлены именно на Востоке страны, а также при историческом анализе говоров, лежащих в основе литературного языка (с. 33–38). М. Номати рассматривает также влияние церковнославянского языка русского извода (восточного), русской гражданской азбуки на сербский язык как явления, способствовавшие его развитию и сохранению (с. 46–47). Наконец, собственно Восток во время османского ига и соответствующие непосредственные контакты сыграли значительную роль в трансформации сербского языка («ориентализмы» в области лексики и структуры). Западные контакты с германскими языками (Габсбургская империя) также заметно повлияли на развитие сербского.

Статья Сюю Нисихары (ЦСЕИ, Япония) «Диграфы в системе письма Саввы Мркаля», рано ушедшей из жизни и не дождавшейся выхода своей публикации, опубликована в редакции М. Номати. (Добавим в скобках, что именно ее памяти и посвящен этот сборник.) В работе да-

ется краткая биография Саввы Мркаля, характеризуется история использования кириллицы в сербском языке XVIII в., а также сравнивается графика сербского и русского церковнославянских изводов. Автор подробно разбирает и иллюстрирует орфографическую реформу Мркаля и его стремление сделать так, чтобы одному звуку в сербском соответствовала одна буква. В алфавите Вука Караджича эти тенденции обрели свое воплощение. Орфографические реформы Мркаля и Караджича брали за основу лингвистические факторы, и хотя в них были и ошибочные решения, они стали отражением динамики сербского общества и языка интеллигенции (с. 85).

Вторая глава «Восток и Запад с точки зрения языковой картины мира» открывается статьей Райны Драгичевич (Белградский ун-т, Сербия) «Концепты Восток и Запад в сербском языке (лингвокультурологический и семантический анализ)». Исследовательница применила известную методологию польского этнолингвиста Е. Бартминьского по изучению аксиологии и когнитивных особенностей ряда концептов в славянских и неславянских языках. С точки зрения лексики, серб. *исток* и *запад* используются для темпоральных и локальных противопоставлений, для выражения оппозиций «начало – конец», «хороший – плохой», а также для обозначения двух систем мировоззрений. Особый интерес представляет анализ анкет, которые содержали вопросы о сути Востока и Запада («Что для вас Восток», «Что для вас Запад») и предлагали дополнить сравнительные клишированные конструкции «... как на Востоке», «... как на Западе», а также завершить словосочетание «восточный (-ая, -ое) ...», «западный (-ая, -ое) ...» и, наконец, предлагалось вкратце охарактеризовать восприятие восточной и западной культур. Анализ Драгичевич подтвердил, что в сербской картине мира Восток и Запад воспринимаются как зеркальное отражение (с. 103). Статья Биляны Сикимич (Ин-т балканистики, Сербская академия наук и искусств) «Вербальный дискурс детского фольклора у сербов и других южнославянских народов: возможности анализа» обращена к языку фольклора и концентрируется в основном на магических текстах. В этой работе описываются многие специфические аспекты исследования, такие как особенности сбора детского фольклора, классификация детских «правовых» и «игровых» текстов, анализ клишированных формул в играх и

других коммуникациях. Автор делает попытку ареальной характеристики детского фольклора, оставляя этот ракурс исследования для дальнейшей более подробной разработки.

В третьей главе «Лексика как свидетельство восточно-западных взаимодействий» Првослав Радич (Белградский ун-т, Сербия) публикует исследование «О восточной лексике в сербском языке», посвященное подробному анализу социолингвистической ситуации и ее развития в южнославянских землях начиная с османских завоеваний XIV в. Автор отмечает значительную роль турцизмов особенно в балканославянских лексиконах, где даже самые частотные слова заменены ориентализмами, а в городах многочисленные заимствования из турецкого означали экономический престиж урбанистической культуры (с. 137). Радич останавливается подробнее на этапе восстаний против османского ига, которым сопутствуют попытки создания сербского литературного языка и практика умеренного пуризма, пример которого являла деятельность Вука Ст. Караджича. Статья завершается обзором современного статуса турцизмов в «европейской» Сербии и на Балканах. Отмечая, что в начале XX в. ориентализмы воспринимались как преграда на пути к европеизации Балкан, в некоторых южнославянских странах (в Хорватии в период фашизма) от них стремились избавиться как от «сербизмов», Радич констатирует, что и в наши дни южнославянские лексиконы содержат много турцизмов, для которых нет славянских синонимов и параллелей (с. 145). И, наконец, сейчас проникают восточные заимствования из других восточных стран, например, Японии, которые в сербском языке развивают интересные метафорические значения.

Подобно турцизмам, грецизмы занимают в развитии сербского лексикона особое место. Ясна Влаич-Попович (Ин-т сербского языка, Сербская академия наук и искусств) посвящает статью «Сербский и греческий: длинная история лексического заимствования» греческо-сербским контактам в диахронии и синхронии. Основным объектом ее анализа служит лексика, которая, как отмечает автор, в основном проникла в сербский язык опосредованно (особенно через турецкий и романские языки). Влаич-Попович начинает анализ грецизмов с протославянского периода, затем переходит к Средневековью и современности. Исследовательница дает тематическую классификацию заимствований,

описывает их характерные фонетические и морфологические черты и отмечает интересное явление в сербском лексиконе – наличие дублетов, которые заимствовались из греческого разными путями.

Наконец, в четвертой главе «Сопоставительный анализ сербского языка: славянские и другие языки» публикуются три работы, которые имеют особую ценность. Дивна Тричкович (Белградский ун-т, Сербия) в статье «Взгляд на глагол и прилагательное в сербской и японской перспективе: вклад в контрастивный анализ двух языков» стремится через сопоставление двух столь разных языков показать специфику сербского. Она сосредотачивается на анализе категорий времени и лица, а также на особенностях прилагательных в сербском и японском языках. Различие проявляется уже в том, что в японском языке «линия времени» делится на две части: «не прошедшее» и «прошедшее» время, тогда как в сербском это деление трехчастное: будущее, настоящее и прошедшее. Еще одним бросающимся в глаза специфическим явлением японского является наличие категории времени у прилагательных и отсутствие у них согласования по роду, числу и падежу. Так же заметно различаются японский и сербский в отношении глагольного вида (аспекта), категорий лица и переходности. В заключении автор очерчивает направление дальнейшего изучения в области глагольно-атрибутивных отношений, в котором, по ее мнению, необходимо использовать перспективу говорящего и категорию предикативности.

Канамэ Окано (Ун-т Киото, Япония) в статье «Лексико-семантические особенности перемещения в сербском и русском языках» обращается к обобщающим глаголам движения – серб. *ићи* и рус. *идти*. Автор отмечает, что «по сравнению с русским когнатом, сербское *ићи* является более “свободным”», поскольку у него нет ограничений по способу перемещения, за исключением перемещения на дальнейшее расстояние, что обозначается глаголом *путовати* (с. 207). Этот глагол, в свою очередь, не полностью соответствует русскому глаголу *ехать*. Окано анализирует и ситуацию прихода–ухода, весьма релевантную для сербского языка, который в целом не имеет такой разветвленной системы глаголов движения как русский.

Людмила Попович (Белградский ун-т, Сербия) в статье «Лексические и грамматические показатели эвиденциальности в сербском и других славянских языках» обращается к важнейшей для балканских

языков грамматической категории, которая в небалканских славянских языках передается различными лексическими и синтаксическими маркерами. Исследовательница отмечает особое положение сербского языка по отношению к балканскому языковому союзу, что проявляется и в грамматикализации/неграмматикализации семантики эвиденциальности. Попович подробно останавливается на использовании лексики, модальных глаголов, союзов и др. в сербском языке для передачи эвиденциальных значений.

Сборник, как это видно из краткой характеристики его содержания, представляет сербский язык в разных аспектах и ипостасях. Что особенно ценно, язык описывается как система динамичная, что японские и сербские исследователи показывают на примере диахронического и синхронного анализа.

Статьи, публикуемые в сборнике, написаны на русском и английском языках и обязательно сопровождаются английским и русским резюме. К сожалению, русский язык, особенно стилистика и орфография,

иногда содержит погрешности, в том числе и в применении терминов, что, однако, не искажает сути общего научного изложения.

Представляется, что этот сборник и вся серия изданий в целом, основанная на совместных проектах славистов из разных стран, заложили традиции славистических исследований в Японии и при этом открывают определенные перспективы. Так, можно уже видеть отдельные тома по другим славянским языкам (польскому, болгарскому, словацкому, украинскому, и др.), по малым языкам и диалектам, а также и по другим темам, над которыми работают ученые Японии в тесном сотрудничестве с коллегами из славянских стран.

© 2016 г. *И.А. Седакова*

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век».

XXVII КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ»

Очередная конференция из цикла «Славяне и их соседи», посвященного памяти известного палеослависта Владимира Дорофеевича Королюка (1921–1981), была организована Отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН и состоялась в октябре 2014 г.; темой конференции стали «Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени». Ее участники, историки и филологи, представляли ведущие академические и университетские центры Москвы, других городов России, а также Центрально-Европейский университет (Будапешт). Издан сборник тезисов докладов этой научной встречи.

Оргкомитет конференции (председатель – чл.-корр. РАН Б.Н. Флоря) видел основную ее задачу в раскрытии значения путевых рассказов как одной из форм диалога между разными обществами и разными культурами. Общеизвестно, что ценность фиксации впечатлений состоит в том, что путешественники часто обращают внимание на такие особенности общественной или культурной жизни, которые не привлекают особого внимания местных жителей, и тем самым их записки становятся ценным источником о жизни и воззрениях других народов. Вместе с тем само внимание к тем или иным особенностям, характер искажений при передаче информации характеризуют самого путешественника как представителя иного общества с иными обычаями и взглядами. Обнаруживающаяся при этом степень понимания чужого говорит об объеме и глубине имеющего место диалога. Приоритетность такого подхода к анализу европейских путевых заметок XVII–XVIII вв. в современной историографии была продемонстрирована в докладе *М.В. Лескинен* «Дневники путешественников / травелогии как источник информации о Другом: стандарты описания, специфика жанра, проблемы интерпретации».

Хронологические и пространственные рамки заявленных тем оказались весьма широкими. *А.В. Подосинов* обратился в своем докладе к одному из наиболее интересных, но малоизученных памятников позднеантичного и раннесредневекового времени – географического сочинения анонимного автора из Равенны «Космография» (ок. 700 г.). Отметив «книжный», компилятивный характер работы автора и соединение в этом сочинении сведений, почерпнутых из древних источников (в частности использование карты первых веков н.э., близкой к Певтингеровой) и более поздних текстов, докладчик проанализировал сведения о народах, «недавно» (по словам Анонима) мигрировавших на территорию Восточной и Центральной Европы – франках, гуннах, готам, хазарам, болгарам и др. Было выявлено использование Равеннским Анонимом в части, касающейся европейской ойкумены, выражений, демонстрирующих его знакомство с хронологически близкими ему событиями, связанными с миграциями.

Т.Н. Джаксон прояснила некоторые особенности ориентации в пространстве древних скандинавов, нашедшие отражение по преимуществу в исландских королевских сагах. Здесь присутствует общегерманское соответствующее сторонам света четырехчастное деление «земного круга», где, например, Норвегия оказывалась в северной части, Дания, Саксония и Рим – в южной, Англия, Франция, Испания – в западной, а земли по берегам Балтийского моря и в глубине Восточной Европы – в восточной. Так что соответствующая терминология в путевых описаниях не соответствовала реальным направлениям сторон света «по компасу». *Ф.Б. Успенский* посвятил свое выступление уточнению этимологии скандинавского названия одного из днепровских порогов в сочинении Константина Баг-

рянородного «Об управлении империей» – Λεάντι, связав его с причастием от глагола ἠλόα (кипеть, источать пар), который встречается в «Старшей Эдде».

Не были обойдены и восточные источники. Произведениям известного арабского писателя и путешественника ал-Мас'уди (ок. 896–956) было посвящено выступление *Т.М. Калининой*, которая обратила внимание на использование им в своих сочинениях ряда жанров средневековой арабской литературы и привела дополнительные аргументы в пользу мнения о том, что творчество писателя в целом было направлено на написание истории народов мира.

Основная часть выступлений была посвящена анализу славянских источников. *В.Я. Петрухин* в докладе «Славянские миграции и странники-апостолы в Повести временных лет: Кто был первоучителем Руси?», соотнес данные космографического изложения славянского расселения, описания начала «славянской грамоты» и упоминания в связи с этими и другими сюжетами апостолов Петра и Андрея, пришел к выводу, что св. Андрей с его странствием по пути из варяг в греки и благословением киевских гор после схизмы оказался более «актуальным» для автора Повести временных лет как первый апостол Руси.

Тема странствий нашла своеобразное преломление в докладе *С.А. Иванова*, посвященного хорошо известной по древнерусским синодикам, но фактически не исследованной повести о человеке, предпринявшем путешествие в ад, где пребывала в вечных муках за распутную жизнь его мать, и сделавшем все для того, чтобы она попала в рай. По мнению докладчика, древнерусский текст с очевидностью восходит к не сохранившемуся греческому протографу, предположительно датируемому IX в. и вышедшему из христианской ближневосточной среды. В тексте были выявлены детали, свидетельствующие о восприятии автором оригинала (как представителем этой среды) некоторых правил мусульманской жизни, в частности закреплении за левой рукой «нечистых» интимно-гигиенических функций, и, соответственно, о тесноте общения христианского и мусульманского населения на данных территориях.

Сказания о перенесении мошей в качестве источника сведений политического и этноконфессионального характера рассматривались в двух докладах. Так, *Д.И. Польшанский* исследовал практику перенесения мошей святынь в средневековой Болгарии (как внутри болгарских земель, так и извне) в периоды интенсивного перераспределения властных полномочий, территорий и политического авторитета, а именно – в эпоху распространения и утверждения христианства в Первом Болгарском царстве при Борисе, Симеоне и Самуиле, во время утверждения во Втором Болгарском царстве (в период правления царей Иоанна, Калояна и Иоанна II из династии Асеней) новой государственной парадигмы и административного объединения разобщенных при византийской власти болгарских земель и, наконец, во время османского завоевания Болгарии во второй половине XIV – XV в. В этот последний период мощи святынь использовались османами для привлечения на свою сторону отдельных государей и групп населения. Л.В. Луховицкий в качестве источника по истории этноконфессиональных отношений на Балканах XVII в. были представлены четыре малоизученных текста этого времени (три греческих и один арабский), содержащих рассказы о перенесении мошей и паломничества к мощам св. Параскевы (Петки) Епиватской, написанных на основе рассказов о более ранних перенесениях мошей святой. Особое внимание было обращено на описания в этих рассказах мусульманской власти, особенностей отношений между христианами и мусульманами, между христианскими народами и т.п. В докладе *А.А. Сафонова* был поставлен вопрос об отношении современников (османская администрация, местное христианское оседлое население) к массовым сезонным миграциям полукочевых скотоводческих общин в Османской Македании.

Темы нескольких докладов были непосредственно связаны с развитием жанра паломнических «хождений». В древнерусской литературе он был представлен достаточно крупными текстами уже с начала XII в., когда появилось «Хождение игумена Даниила», автор которого посетил Палестину и Афон. Именно к рукописной истории этого текста обратилась *Н.А. Кобяк*, проанализировав маргиналии и вклейки в список «Хождения» из сборника конца XV в. (собрание ОИДР), в которых содержатся дополнения или уточнения к тексту этого времени, и определив их источники – византийское сочинение рубежа VIII–IX вв. «Повесть Епифания» и «Хождение Арсения Солунского» XIV в. В сочинении Мелетия Смотрицкого о его поездке в Константинополь и на Святую землю «Апология странствования в восточные страны» (1628) *О.Б. Немецкий* обнаружил некоторые черты, роднящие его с традицией жанра хождений. Прежде всего это демонстрация автором

своей причастности ко всему «русскому народу» и ко «всей Русской земле», от имени которой он и совершает свое паломничество. Но одновременно докладчик усмотрел в сочинении Смотрицкого образец политической литературы, публицистики и богословского трактата, целью которого был поиск способа преодолеть раскол в западнорусской церкви, склонить униатов к восстановлению церковного единства и единства западнорусского общества. Сведения о Болгарии из русских паломнических и посольских рассказов XVI–XVIII вв. были собраны *С.И. Муртузалиевым* и представлены в его докладе.

Если в древнерусской книжности жанр паломнических «хождений» был достаточно распространен, то в южнославянских литературах он не получил такого развития и остался на периферии внимания исследователей. Тем интересней оказался проведенный *А.А. Туриловым* анализ особенностей сербских описаний паломничеств в Святую землю (как переводных текстов, так и оригинальных проскрипций). В его докладе преимущественное внимание было уделено сербским «хождениям» первой трети XVII – начала XVIII в. хиландарского иеромонаха Лаврентия, патриарха Арсения Черноевича и иеромонаха Иерофея Рачанина. Докладчика интересовало не столько изложение авторами библейской и христианской истории, сколько упоминаемые предметы и предания, связанные с сербской историей (например вклады короля Милутина в Иерусалиме), и мелкие бытовые подробности путешествий, которые позволили сделать вывод о написании текстов на основе непосредственных путевых заметок авторов.

Схожие проблемы рассматривались и на основе западнославянского материала. Так, *Г.П. Мельников*, обратившись к описаниям странствий в чешской литературе позднего Средневековья и раннего Нового времени, рассмотрел два их вида – паломничества по святым местам, в рассказах о которых он усмотрел очевидное повышенное внимание к бытовым, культурным и географическим подробностям, и путешествия с политическими целями (прежде всего посольства), призванные восстановить престиж чехов и их страны в глазах католического мира послегуситского периода. Интересные западноевропейские типологические соответствия более раннего времени были предложены *А.К. Гладковым* в докладе «Континентальные маршруты английских дипломатов и формирование единого церковно-политического пространства в Западной Европе (40– 50-е годы XII в.)», в котором анализировались источники, показывающие деятельность короля Генриха II Плантагенета и представителей англиканской церкви, сторонников его политики восстановления и укрепления Англии на международной арене. Но если король стремился при этом к ослаблению связей с Римом высшего английского духовенства, то для представителей последнего принципиальное значение имела связь с папством, дававшая шанс на сохранение свобод и привилегий, которые были объектом притязаний со стороны королевской власти.

Важное место в выступлениях на конференции было отведено анализу впечатлений иностранных путешественников по землям Восточной и Центральной Европы. В центре внимания *И.О. Князького* оказались известные записки о половцах еврейского путешественника из Регенсбурга рабби Петахьи, побывавшего в половецких степях в 1175 г. *О.А. Акимова* затронула проблемы языкового понимания/непонимания при исполнении посольских миссий (переводы документов и устной речи), направленных из Рима в Россию в конце XVI в. Внимание было уделено посольствам Поссевино к двору Ивана Грозного, в котором принимал участие иезуит из Загреба Степан Дреноци, и посольства 1595 и 1597 гг. под руководством далматинского священника Александра Комуловича. В докладе *Б.Н. Флори* была предпринята попытка выяснить факторы, влиявшие на изображение украинской действительности в записках сирийца Павла Алеппского (сына антиохийского патриарха Макария), проезжавшего вместе с отцом через Украину в середине XVII в. На впечатления Павла Алеппского накладывало отпечаток незнание языка, вынуждавшее на ограниченное общение. Так, сведения о древнерусской истории были почерпнуты им, по мнению докладчика, у проживавших на Украине греков, а события восстания Хмельницкого и его последствия воспроизводились по рассказам официальных представителей Хмельницкого патриарху и его сопровождению. *А.Л. Хорошкевич* привлекла внимание к обширному труду дневникового характера Мартина Груневега (о. Венцеслава), немца из Гданьска, ведшего записи во время торговых поездок в разных частях Европы (70-е годы XVI – начало XVII в.), в которых нашли отражение как подробные сведения о различных народах, их быте и нравах, так и сложная картина их этноконфессионального, политического, культурного взаимодействия. В течение нескольких лет Груневег был секретарем одного из львовских армянских купцов, и центральной темой доклада стали записи,

важные для восстановления истории армян Речи Посполитой описываемого в источнике времени.

А.М. Кузнецова обратила внимание на содержащиеся в житиях святых-миссионеров Центральной Европы IX–XI вв. отрывочные путевые заметки и сведения о народах, которые рассматриваются как показатели достоверности источников такого рода. С этой точки зрения были рассмотрены соответствующие описания из жития св. Герхарда, епископа Чанадского, житий свв. Кирилла и Мефодия, а также жития Пяти польских братьев Бруно Кверфуртского. *Я. Баком* были представлены результаты исследования текстов разных жанров, созданных в широком хронологическом диапазоне V–XV вв. и содержащих свидетельства о Паннонии и Венгерском королевстве посещавших и описавших эти земли путешественников, пилигримов, крестоносцев, дипломатов. Венгерская тема была продолжена в докладе *О.В. Хавановой*, которая на основе сохранившихся официальных документов финансового и дипломатического характера предприняла попытку восстановить географию путешествий и поездок дипломата империи Габсбургов XVIII в. графа Миклоша Эстерхази и соотнести их с этапами его карьеры.

В целом, участников конференции интересовал не столько нарративный компонент путевых впечатлений авторов V–XVIII вв. (хотя и ему было отведено должное), сколько отражение в соответствующих текстах политических, этноконфессиональных, культурных процессов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе и на сопредельных территориях, с одной стороны, и авторского восприятия этих процессов – с другой.

© 2016 г. *О.А. Акимова*

Славяноведение, № 4

РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ В НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, XVII–XX ВВ.»

В наши дни межгосударственное сотрудничество и осуществляемые поверх границ общественные, культурные, научные связи стали важным фактором в развитии науки. Знакомство с исследовательскими и образовательными учреждениями других стран, совместные проекты с зарубежными научными центрами открывают новые перспективы в изучении отдельных эпох и теоретических проблем. Все это в полной мере можно отнести к российско-венгерской конференции «Мирные договоры и соглашения в Новой и новейшей истории Центральной и Восточной Европы, XVII–XX вв.», прошедшей 8 сентября 2015 г. в Институте славяноведения РАН. Организаторами также выступили Архивный институт Венгрии в Москве, Институт истории Дебреценского университета, Комиссия историков России и Венгрии. Конференция прошла при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках выполняемого в Институте славяноведения РАН проекта «Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и международных отношениях XVIII–XX вв.».

Конференцию открыл доклад *К. Панн* (Дебреценск. ун-т), в котором были рассмотрены обстоятельства и последствия подписания Венского мира 23 июня 1606 г. Документ стал плодом непростых переговоров трансильванского князя Иштвана Бочкаи и императора Священной Римской империи Рудольфа II. Согласно статьям договора, Рудольф обес-

печил свободу вероисповедания только дворянам, горожанам и жителям пограничных крепостей евангелической (лютеранской) и реформатской (кальвинистской) конфессии. Он также гарантировал избрание надора (королевского наместника) в Венгрии и прекращение судебных процессов против оппозиционно настроенных к Габсбургам венгерских аристократов. В своем выступлении Папп сочла необходимым подчеркнуть, что договор имел последствия не только для Венгрии, но и для Священной Римской империи, среди которых наиболее важным стал приход к власти эрцгерцога Матиаса. Последнее обстоятельство тем более значимо, что спустя несколько лет текст договора послужит образцом для введения сходных мер в иных частях Священной Римской империи.

Второй докладчик, *К.А. Кочегаров* (ИСл РАН), обратился к теме взаимоотношений между Россией и Польшей в период между перемирием 1667 г. и договором о вечном мире 1686 г., непосредственно после русско-польской войны 1654–1667 гг. Двум соперничавшим державам так и не удалось прийти к согласию. Вопрос о том, кому принадлежат украинские территории, оставался причиной сохранения взаимной напряженности. В то же время возможность совместных военных действий против Османской империи могла стать точкой сближения. Докладчик обратил внимание слушателей на то, что договаривающимся сторонам нелегко было прийти к согласию. Россия требовала для себя приглашения в образованную в 1684 г. антитурецкую «Священную лигу» и настаивала на придании условиям перемирия 1667 г. статуса вечного мира, чего удалось добиться только в 1686 г. Его подписание стало триумфом русской дипломатии и поражением польской, что не способствовало дальнейшей нормализации российско-польских отношений.

К. Штеппан (ИСл РАН) рассмотрел характер и обстоятельства подписания австрийско-русского союзного договора 1726 г. Идея более тесного взаимодействия России и Австрии высказывалась еще в начале 20-х годов XVIII в., когда и были поданы соответствующие сигналы со стороны русского двора. Но тогда серьезным препятствием стало то, что в 1721 г. Петр I провозгласил себя императором. Это было крайне негативно воспринято венским двором. До устранения разногласий дело дошло только после вступления на престол в 1725 г. Екатерины I, когда государыня официально отказалась от императорского титула. Со своей стороны, император Карл VI пообещал активизировать сотрудничество между державами. В конце концов, союзный договор между Россией и Австрией был подписан в августе 1726 г., что стало объективным отражением взаимного стремления к более тесной кооперации. Прежде всего это касалось действий против Османской империи, Швеции и Польши. В этом отношении русско-австрийский договор заложил основы долгосрочного партнерства на международной арене.

Об отражении в историографии эпохи «Священного союза» говорила в своем докладе *К. Шрек* (Дебреценск. ун-т). Она поместила изучаемый период в контекст венгерской историографии и рассмотрела, какие точки зрения, мнения, концепции высказывали венгерские историки о «Священном союзе» и связанной с ним эпохе. Докладчик избрала хронологический подход и связала высказывания ученых по заявленной теме с процессом формирования и развития в Венгрии профессиональной историографии между 1867 и 1990 гг.

Вторая секция конференции продолжила рассмотрение мирных договоров и соглашений в Новое время. На ней с докладом выступил *П.А. Искендеров* (ИСл РАН), рассмотревший политические последствия Берлинского конгресса 1878 г. для Балкан. Главной целью великих держав было помешать появлению в регионе сильного государства. По мнению докладчика, организаторы конгресса в этом отношении добились своих целей и весьма успешно разрешили восточный кризис 1875–1878 гг. Кроме того, подписанный в Берлине договор представляет особый интерес в том смысле, что он был первым, где выдвигалось требование к национальным законодательствам гарантировать права этнических меньшинств. Докладчик счел важным подчеркнуть: несмотря ни на что, конгресс не смог найти приемлемого долгосрочного решения для основополагающих проблем Балканского региона.

Историческому анализу системы межгосударственных договоров, подписанных в пригородах Парижа в 1919–1920 гг. и известных как Версальская система, был посвящен доклад *Р. Барты* (Дебреценск. ун-т), зачитанный в отсутствие докладчика переводчиком А.И. Гусевым. По окончании Первой мировой войны вступили в действие новые мирные договоры, которые привели к важным изменениям в Европе. Новые государственные границы, горечь военных поражений, потери, экономические трудности способствовали появлению новых идей и тенденций в политике. Паралич европейской экономики, потеря интереса к Европе со стороны американского истеблишмента и капитала стали новыми

вызовами с точки зрения континентальной политики, экономики и необходимости социальной стабилизации.

Влияние Первой мировой войны на Венгрию и ее последствия для городской инфраструктуры Дебрецена в 1920–1944 гг. были показаны в докладе *Я. Анги* (Дебреценск. ун-т). Статьи Трианонского мирного договора непосредственно коснулись и региона Бихар: новая линия государственной границы отрезала от страны важный региональный центр Надьварад (совр. Орадя-Маре в Румынии), отчего сложилась не только новая экономическая, но и культурная ситуация. Изменившаяся обстановка, однако, парадоксальным образом создала для Дебрецена благоприятные условия, поскольку – приспособившись к новым обстоятельствам – город смог взять на себя роль ведущего регионального центра, прежде исполнявшуюся Надьварадом.

А.С. Стыкалин (Исл РАН) рассмотрел процесс подготовки Парижского мирного договора 1947 г. с точки зрения его влияния на судьбу Трансильвании. Вопрос о проведении границы между Венгрией и Румынией обсуждался союзниками по антигитлеровской коалиции уже в начале 1944 г. Однако единого мнения о судьбе и будущей государственной принадлежности Трансильвании у них не было. Западные державы выдвигали идею независимой Трансильвании, в то время как СССР вплоть до августа 1944 г. склонялся к установлению над будущим Трансильванским государством советского протектората. После выхода Румынии из войны ее позиции в глазах союзников резко изменились. Несмотря на разногласия между США, Великобританией и СССР относительно условий подписания мирного договора с Бухарестом, в конечном итоге победила советская точка зрения о необходимости вернуть Трансильванию Румынии. Надежды венгерской дипломатии на помощь в этом вопросе западных держав потерпели полное поражение.

Достойным завершением конференции стало подписание договора о сотрудничестве между Институтом славяноведения РАН и гуманитарным факультетом Дебреценского университета. С венгерской стороны документ подписала декан гуманитарного факультета и директор Института истории Дебреценского университета К. Папп, с российской – директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров.

© 2016 г. *К. Шрек*

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

Славяноведение, № 4

ВТОРОЙ КОНГРЕСС СЛОВАЦКИХ СЛАВИСТОВ

4–6 ноября 2015 г. в Братиславе состоялся Второй конгресс словацких славистов (Первый конгресс словацких славистов был организован Институтом славистики САН и Словацким комитетом славистов в 2011 г.; материалы докладов опубликованы в сборнике «Slovenská slavistika včera a dnes» (Bratislava, 2012) (доступно на: http://slavu.sav.sk/publikacie/slov_slavistika_vcera_a_dnes.php), который был посвящен научному творчеству знаменитого словацкого лингвиста, диалектолога и историка языка Яна Станислава, чье имя носит Институт славистики САН. Организаторами Конгресса выступили Институт славистики им. Я. Станислава САН и Словацкий комитет славистов в рамках проекта Центра эксцеллентности САН. Целью этого события было представить взгляды разных дисциплин на историю словацкой славистики в контексте научного творчества Яна Станислава.

На Конгрессе также было торжественно отмечено 20-летие образования Института славистики им. Яна Станислава САН и 50-летие основания славистического журнала «Slavica Slovaca».

По случаю 20-летия функционирования Института славистики САН директор Института проф. Петер Женюх вручил пять памятных грамот за особые заслуги в институционализации славистики в рамках Словацкой академии наук, в создании ее научно-ис-

следовательского потенциала и обеспечении преемственности славистических научных исследований. Грамоты получили: проф. Ян Доруля – основатель Института (первоначально Кабинета славистики в Институте словацкого языка им. Л. Штура), проф. Штефан Любы – председатель Словацкой академии наук в период создания Института славистики, проф. Ганс Роте из Германии, который вместе с Я. Дорулей стал издателем факсимиле первого перевода Библии на словацкий язык в престижной серии «Biblia Slavica» в 2002 г. Памятную грамоту получили также проф. Бернад Гарай, декан философского факультета Университета Константина Философа в Нитре – за сотрудничество при подготовке в Университете аспирантов для Института по специальности «славянские языки и литературы», а также доктор филологических наук Вера Гашпарикова – за многолетнее сотрудничество в междисциплинарных славистических исследованиях. Награжденные выступили в ответных речах.

Участники Конгресса, известные деятели культурной и общественной жизни Словакии и зарубежные гости в своих приветственных выступлениях высоко оценили научную продукцию Института. Отмечалось, что результаты славистических исследований, проводимых в Институте, выявили в том числе малоизвестные факты, прежде всего о связях словацкой культурной среды с европейской. В своем выступлении посол Болгарии в Словацкой Республике *М. Ганева* подчеркнула плодотворное сотрудничество словацких и болгарских ученых при исследовании кирилло-мефодиевского наследия и словацко-болгарской лексикографии. Приветствовать Конгресс пришли: монсеньор Ф. Рабек, председатель Совета по науке, образованию и культуре при Конференции епископов Словакии; монсеньор П. Руснак, братиславский греко-католический епископ; проректор Трнавского университета Ш. Мартинчак; декан философского факультета Университета Кирилла и Мефодия в Трнаве К. Слободова-Новакова; председатель Чешского комитета славистов В. Чермак. Был зачитан поздравительный адрес от Института славяноведения РАН по случаю 20-летия основания Института славистики САН. Поздравительный адрес от Института археологии САН торжественно передал проф. А. Руткай на заседании Словацкого комитета славистов.

В докладах были представлены результаты исследований словацко-латинских и словацко-церковнославянских отношений древнего периода словацкой истории, исследований по словацкой диалектологии, топонимике и ономастике, фольклористике – дисциплинам, в разной степени разрабатывавшимся Я. Станиславом, многие темы которых нашли отражение в его научном творчестве. Заключительная секция Конгресса была посвящена разноаспектному анализу статей и материалов, помещенных в славистическом журнале «*Slavica Slovaca*».

Конгресс открыл *П. Женюх* (Ин-т славистики САН, Братислава) с докладом «Институт славистики им. Я. Станислава САН и 20 лет его существования», в котором динамично изложил вехи в истории Института, представил научные кадры, направления деятельности и печатную продукцию этой славистической организации САН.

Я. Доруля (Ин-т славистики САН, Братислава) посвятил свое выступление «Заветы творчества Яна Станислава» взглядам этого знаменитого ученого на историю, язык и культуру Словакии. Докладчик особо подчеркнул внимание Я. Станислава к лингвистическим (в первую очередь ономастическим) и историческим данным, которые характеризуют процесс этногенеза словаков, прослеживаемый с праславянского времени.

П. Зубко (Ин-т славистики САН, Братислава) в докладе «Место Камалдульской Библии среди словацких переводов Священного Писания» обозначил особое место, занимаемое этим первым целостным переводом Библии на словацкий язык в добернолаковский период, и сравнил его с более ранним переводом Псалмов, изданных словацкими кальвинистами в 1752 г., и более поздним переводом Библии, изданным Я. Палковичем в 1829 и 1932 гг.

В докладе «Исследование в Институте славистики им. Яна Станислава словацко-латинских и славянско-латинских взаимоотношений» *С. Заварский* (Ин-т славистики САН, Братислава) указал на комплексный характер названных исследований и на их значительную роль для словацкой славистики в связи с тем, что латинский язык широко использовался в Венгрии, в том числе и словаками, вплоть до эпохи национального возрождения, а для Западной Словакии латинский язык является одним из основных элементов самознания и культуры региона.

Ш. Маринчак (Центр духовности Восток–Запад Михала Лацка Трнавского ун-та, Кошице) посвятил свой доклад «Исследование кириллических рукописных источников в контексте словацкой культуры – *Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae*» раз-

мышлениям о смысле и целях издания кириллических рукописных памятников в серии Памятников, где представлено наследие древней словацкой литературы. В некоторых рукописях кириллицей записан латинский текст, но ввиду того, что возникли эти рукописи в среде византийского обряда, они являются неотделимой составляющей византийской традиции в Словакии.

Доклад *Ю. Дудашовой-Кришиаковой* (Прешовский ун-т) «Диалектологические работы Яна Станислава в контексте словацкой и славянской лингвистики» представил роль и значение диалектологических трудов Я. Станислава – «Липтовские диалекты» (1932), который считается первой словацкой диалектологической монографией, новаторской по своим методам, и «Происхождение восточнословацких диалектов» (1935). В этих работах автор обратился к вопросу о югославизмах в словацком языке и к проблеме происхождения восточнословацких диалектов, доказав, что последние являются составной частью общесловацкого ареала.

В докладе «Диалект как неисчерпаемый источник информации об историческом развитии языка» *М. Седлакова* (Ун-т П.И. Шафарика, Кошице) предложила возможности изучения диалектов путем сопоставления различных фонологическо-типологических структур диалектов, оказавшихся в географическом соседстве. Докладчица использовала в качестве примера данные восточнословацких говоров, продемонстрировала ряд составленных ею карт и схем.

И. Рупка (Прешовский ун-т) свой доклад «Константы и переменные “Чехословацкой грамматики” Яна Станислава» посвятил разбору этой актуальной до сих пор работы Я. Станислава, вышедшей в 1938 г. и занявшей свое определенное место в истории словацкого языкознания. «Граматику» можно назвать предшественницей истории словацкого языка, в ней автор предпринял описание развития словацкого языка, предложил свои мысли о семантике слова и о понятии национального языка в целом. «Константы», т.е. положения, изложенные в «Чехословацкой грамматике», имеющие непреходящее значение для словакистики, разрабатываются последующими поколениями исследователей.

В своем докладе «“Словацкий юг в Средние века” Я. Станислава в контексте традиционных и новых ономастических исследований» *Я. Кришко* подчеркнул основополагающую роль этой работы ученого для ономастических исследований в Словакии. Я. Станислав занимался ономастикой и конкретно топонимией с самого начала своей научной деятельности, а в монографии «Словацкий юг в Средние века» обобщил и подытожил результаты своих исследований, ясно указав на славянское происхождение топонимики южных областей Словакии. Книга несколько раз запрещалась по политическим и идеологическим причинам. Ряд положений и выводов Я. Станислава использовали в своих работах Э. Паулини, Р. Крайчович и другие известные словацкие ученые. Современная ономастика дополняет и уточняет эти положения, не утратившие до сих пор своей ценности.

М. Добрикова (Ун-т Я.А. Коменского, Братислава) в докладе «Ad honorem Ивана Буюклиева. Влияние Яна Станислава и словацкой славистики на жизнь и творчество болгарского словакиста» рассказала о научной судьбе известного болгарского слависта и о роли, которую сыграл в определении его научных предпочтений Ян Станислав. Иван Буюклиев начинал свою деятельность как палеославист и богемист, а после командировки в Прагу и Братиславу переориентировал свои интересы на словацкую филологию. Позже он инициировал создание в Болгарии словакистики как дисциплины в высшей школе, написал «Краткую словацкую грамматику» (1995). Круг научных интересов И. Буюклиева оставался широким и включал лексику и синтаксис старославянского языка, сравнительную грамматику славянских языков.

Д. Константинова (Ун-т св. Кирилла и Мефодия, Велико Тырново) в сообщении «Славистика и словакистика в Великотырновском университете св. Кирилла и Мефодия в Болгарии» рассказала об одном из ведущих университетов Болгарии и преподавании здесь с 1978 г. словацкого языка в форме лектората, а с 1995 г. – как отдельной специализации.

В. Чермак (Славянский ин-т АН ЧР, Прага) в докладе «Милош Вайнгарт и начала современной словацкой палеославистики» попытался обобщить основополагающий вклад М. Вайнгарта в славянскую филологию по время его деятельности на философском факультете в Братиславском университете (Вайнгарт был в то время единственным профессором славянской филологии на факультете). Докладчик подчеркнул роль Вайнгарта в создании Славянского семинара, организации обучения в целом, в создании печатных органов университета. В период деятельности в Братиславе Вайнгарт публиковал под грифом университета свои обширные труды «Bizantské kroniky v literatúre církevněslovanské» (1922, 1923) и «Dobrovského Institutiones» (1923, 1925), которые подняли рейтинг в том

числе новооткрытого факультета. Вайнгарту удалось передать Братиславе научное наследие не только чешских лингвистов (Пастернака, Зубатого, Гуера), но и опосредованно – наследие В. Ягича. Значение М. Вайнгарта для словацкой палеославистики еще и в том, что он воспитал первого словацкого палеослависта – Яна Станислава.

Доклад *К. Женьоховой* (Ин-т славистики САН, Братислава) «Импульсы для научного творчества Я. Станислава на пограничье диалектологии и фольклористики» был посвящен лингвистическим трудам ученого с точки зрения их связи с фольклором и фольклористикой. Связь эта просматривается в первую очередь в его диалектных записях нарративов (64 текста определенного жанра и тематики) в Липтове. При этом на основании архивных данных докладчица отнесла начало собирания фольклорных текстов Яном Станиславом еще к студенческим годам, потом последовала так называемая Вольманнова акция по сбору фольклора (сказок, быличек), третьим этапом стала публикация текстов фольклорных жанров в диалектологической монографии «Липтовские говоры» (1932). Докладчица привела примеры взаимодействия диалектологии и фольклористики в истории как словацкой, так и зарубежной лингвистики на разных уровнях: методологическом, уровне полевых исследований, последующей интерпретации и адаптации текстов, а также остановилась на вопросе жанровой и тематической ограниченности собрания фольклорных текстов Я. Станислава.

А. Шковьера (Ин-т славистики САН, Братислава) в докладе «Словацкие переводы Кирилло-Мефодиевских источников. С особым вниманием к творчеству Яна Станислава» указал на проблемы и задачи, которые стоят перед словацкой славистикой, на недостаток переводов на словацкий других старославянских источников. Был предложен хронологический список переводов Кирилломефодиевы разными переводчиками, освещена история переводов «Жития Константина-Кирилла и Мефодия» и отмечен большой вклад Я. Станислава в дело перевода Кирилломефодиевы (источниковедческие дополнения, корректуры, сравнительный анализ переводов).

Докладчик из Чехии *М. Вепржек* (Ун-т Палацкого, Оломоуц) говорил о Яне Станиславе и лингвистической характеристике великоморавского старославянского языка. Он проанализировал работы Я. Станислава по палеославистике, особенно посмертно изданный 2-томный «Старославянский язык», в котором автор систематически дополнил языковой материал источниками из Великой Моравии и Паннонии. Докладчик отметил, что, хотя об отдельных языковых явлениях можно дискутировать и по-разному их интерпретировать, подход Я. Станислава к теме можно назвать методологически перспективным.

С. Вашичкова (Ин-т славистики САН, Братислава) говорила о языке евангелических перикоп в Угрянских рукописях (памятник XVII в. из Закарпатского региона, содержащий воскресные и праздничные проповеди). Отвечая на поставленный в докладе вопрос, существовали ли разные версии старославянского перевода или источником более поздних церковнославянских переводов послужил единственный старославянский текст, докладчица проанализировала языковые различия переводов одного отрывка Угрянского поучительного евангелия с тем же отрывком в других славянских переводах: Библии Леопольта, 1561 г., Краков; Брестской Библии, 1563 г.; Библии Якуба Вуйка, 1599 г.; Гданьской Библии, 1632 г.; Библии Шимона Будного, 1572 г. и др.

В докладе «Нижняя Паннония во взглядах Яна Станислава и современной науки» *М. Гомза* (Ун-т Я.А. Коменского, Братислава) сравнил ономастические данные о присутствии славян в Паннонии, собранные Я. Станиславом, и современные знания, представляемые интердисциплинарными исследованиями данной темы. Докладчик сделал интересные экскурсы в историческую антропониимику и топонимику.

М. Голема (Ун-т Матяя Бела, Банска Быстрица) представил доклад «Концепт значения слова в монографии Я. Станислава “Славянский юг в Средние века” и некоторые возможности его дополнения и переоценки (на примере мифологически мотивированных топонимов)», в котором обратил внимание на некоторые топонимы, значение которых Я. Станислав объяснял метонимическим переносом. Докладчик предложил иной способ объяснения – метафорический, в основе которого – символическое воспроизведение сакральных мест (типа *Peryň*). В докладе было отмечено, что в работе Я. Станислава преобладала схема интерпретации ойконимов на основе личных, этнических, ремесленных терминов. Однако составной частью средневекового мнемотопа было также и все «пустое» пространство, пространство «антикультуры».

Г. Глошкова (Ун-т Я.А. Коменского, Братислава) в докладе «К истории славистической фольклористики в Словакии» сосредоточилась на историческом аспекте научного изучения этнографии и фольклора в Словакии, охарактеризовала тематику исследований

и методологические основы изучения данных дисциплин, указала на ведущих ученых в этой сфере славистики. Начало обучению этнографии было положено в 1921 г., оно продолжалось в межвоенный период (К. Плицка, А. Мелихерчик), позже появились сопоставительные фольклористические исследования, удачные попытки каталогизации словацкого фольклора (В. Гашпарикова, М. Косова). Большую роль в разработке данной проблематики сыграли журналы «Slovenský národopis», «Etnologia Slovaca» и «Slavica», публиковавшие результаты комплексных славистических исследований. С 1988 г. как орган Фольклорной комиссии при Международном комитете славистов издается бюллетень «Slavistická folkloristika».

М. Валенцова (ИСЛ РАН) в сообщении «Словацкие любительские диалектные словари и их значения для словацкой славистики» разобрала лишь несколько примеров печатных словацких диалектных словарей (*M. Grigel. Goralské nárečie. Slovník. Námestovo, 2004; V. Kertés. Zemplínsky slovník. Príslovia a porekadlá. Michalovce, 2010; E. Kuriaková. Slovník obce Zubrohlava a okolitých plátenníckych obcí, 2005; J. Kudlovský. Poľančiansko-slovenskí kešeňovi slovník. Košice, 2013; J. Caban. Slovník tisovskeho nárečia alebo Po tisovskej, 2012*). Оценив их лексический состав с точки зрения диалектной новизны (по сравнению с академическим словарем «Slovník slovenských nárečí») и методы обработки в них материала, докладчица подчеркнула, что, несмотря на несовершенство лексикографического описания, эти и подобные им диалектные словари могут быть использованы при составлении как словацких диалектных, этимологических, фразеологических словарей, так и в работе над этимологическими словарями других славянских языков.

В. Ляшук (Ун-т Матяя Бела, Банска Быстрица) в докладе «Славянский фольклор в современной научной парадигме» говорила о современном восприятии фольклора разными гуманитарными дисциплинами. Современная наука переосмысляет и дает обоснованную интерпретацию традиционному для славянского возрождения пониманию фольклора как «души народа», исторической памяти, по-новому видит эстетическую и лингводидактическую функции фольклора. Особое внимание докладчица уделила лингвистическим аспектам изучения фольклора в словацкой, белорусской и русской традиции.

Доклад *Я. Бобака* (Братислава) «Публицистика Яна Станислава» был посвящен вопросам, которые затрагивались Я. Станиславом в публицистических работах. Больше всего внимания в них уделялось обсуждению различных взглядов на этногенез словаков, вопросам заселения нынешней территории Словакии, континуитета словацкого этноса и т.п. Я. Станислав тщательно собирал не только лингвистические, но и политические и исторические, археологические свидетельства о славянском присутствии на территории Паннонии и указывал на государствообразующую функцию деятельности Кирилла и Мефодия.

В. Гашпарикова (Братислава) предложила свои «Воспоминания о Яне Станиславе», у которого она училась в университете, об участии в полевых исследованиях и Вольманновской акции, о коллегах и своих научных интересах, на которые повлиял этот замечательный ученый.

Я. Соколова (Ун-т Константина Философа, Нитра) в докладе «Лингвистическая русистика на страницах журнала “Slavica Slovaca” 1966–2014» представила исчерпывающий и многоаспектный анализ работ, посвященных проблемам русистики, за последние 50 лет. Как было показано, всего за это время было опубликовано 176 статей, однако с убывающей динамикой в последние десятилетия (1966–1976 – 57, 1976–1987 – 70, 1987–1996 – 32, 1996–2006 – 14, 2006–2014 – 3 работы), при этом 47 статей (26,7%) было написано зарубежными авторами. Докладчица проанализировала результативность и области исследования отдельных авторов. В журнальных материалах затрагивались: фонетика и фонология – 1, словообразование – 28, морфология – 21, лексикология – 22, синтаксис – 35, лексикография – 7, фразеология – 9, стилистика – 3, ономастика – 3, общее языкознание – 4, лингвистика текста – 5, социолингвистика – 7, когнитивная лингвистика – 1 работа. Докладчица также рассказала об изменениях в образовательной программе кафедры русистики Университета Константина Философа в Нитре.

А. Рачакова (Ун-т Матяя Бела, Банска Быстрица) в докладе «Польская славистика и исследование словацко-польских отношений на страницах журнала “Slavica Slovaca”» проанализировала публикации с полонистической проблематикой в журнале с точки зрения предмета исследования, авторского состава, хронологии публикаций. Докладчица показала, что расцвет литературоведческой полонистики пришелся на вторую половину 60-х годов XX в. (словацкие и польские авторы); заметно отразилась в журнале польская теория перевода (Попович, Мико), теория коммуникации. Для лингвистики наиболее пло-

дотворными в количественном отношении стали 70-е годы XX в., когда публиковались статьи по диалектологии пограничья (Карась, Заремба, Дудашова), синхронные исследования польского языка (Лясковский, Тополинська), фразеологические исследования (Левицкий, Скорупка, Буффа).

3. *Танески* (Ун-т Константина Философа, Нитра) в докладе «Македонистика в словацком славистическом журнале “Slavica Slovaca”» проанализировал таким же образом статьи по македонистике, опубликованные в журнале в 1966–2014 гг. Целью доклада было указать на место, значение и функцию этих статей, которые в течение полувека формировали профессиональное мнение словацкой славистики о македонском языке, литературе и культуре.

Э. *Бртанёва* (Ин-т словацкой литературы САН, Братислава) в докладе «История литературы на страницах журнала “Slavica Slovaca”» представила этапы формирования литературоведения как науки – как синтеза истории и теории литературы – на страницах журнала, указала на важнейшие литературоведческие работы (такие как *Durišin D.* “Päť rokov výskumu inopärodných literatúr”, *Šepan O.* “Romantizmus a mesianizmus” и др.). Отразились в журнальных статьях и результаты компаративного исследования славянских литератур, и смещение центра тяжести исследований от билатерального к мультилатеральному, и дискуссия между теоретиками и историками литературы.

Кратким, но не менее емким был доклад *М. Бенжи* (Братислава) «Традиционная культура на страницах журнала “Slavica Slovaca”», целью которого было проанализировать, как отразились результаты исследований словацкой и инославянской этнологии на страницах журнала. По представленной докладчиком статистике за 50 лет существования журнала в нем было опубликовано 86 материалов, из которых 18% – исследования, 40% – обзоры, 25% – материалы, 23% – рецензии (всего 44 научных и 32 информационных материала). Докладчик пригласил задуматься над цифрами: из общего количества 3050 публикаций за 50 лет только 86 (2,82%) посвящены этнологии и традиционной культуре, и высказал надежду, что тенденция более активной публикации этнологических материалов и статей с 2000-х годов будет продолжена, в том числе публикация статей, написанных зарубежными авторами, и особенно статей с сопоставительной проблематикой.

Доклады сопровождалась заинтересованной дискуссией. Они показали широкую тематику славистических исследований, проводимых в Словакии, в разных областях: в лингвистике, включая когнитивную лингвистику, ономастику, топонимику, лексикографию, диалектологию; в литературоведении, включая историю и теорию литературы; в этнологии и фольклористике. Заметно бурное развитие палеославистики и изучения церковно-славянского и латинского языков и книжности – направлений, возглавляемых Институтом славистики им. Яна Станислава САН.

По материалам Конгресса готовится сборник.

© 2016 г. *М.М. Валенцова*

Славяноведение, № 4

КОНФЕРЕНЦИЯ «НОРМА И АНОМАЛИЯ В СЛАВЯНСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ»

2–4 декабря 2015 г. в Институте славяноведения РАН состоялась конференция «Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции», организованная Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН. Девятнадцатая по счету конференция проводится в рамках международного проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия» (материалы всех конференций 1995–2015 гг. опубликованы, полные тексты сборников выложены на сайте http://www.sefer.ru/rus/publications/culture_conf_publications.php).

На конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с темой нормы и ее нарушений в разнообразных проявлениях (физических и ментальных). В центре внимания были такие вопросы, как нормативное и девиантное поведение, правила в культуре, выход за пределы права и морально-этических требований, норма и антиповедение в обрядах и ритуалах. Эти проблемы рассматривались на материале устных и письменных текстов, памятников языка, фольклора, литературы, философии, изобразительного искусства.

В работе конференции приняли участие исследователи из России, Белоруссии, Израиля и Латвии (всего было заслушано 32 доклада).

На открытии конференции состоялась презентация сборника «Число – счет – нумерология в славянской и еврейской культурной традиции» (Сб. статей / Под ред. О.В. Беловой (отв. ред.), И.В. Копчёновой, В.В. Мочаловой, В.Я. Петрухина. М., 2015. 232 с.), в который вошли материалы прошлогодней конференции.

Доклады конференции разделились на несколько тематических блоков. Первый был посвящен обсуждению проблемы восприятия нормы и аномалии в ближневосточной архаической и библейской традициях, текстах эпохи Второго Храма. А. Ковельман (Москва) представил пленарный доклад «Номос и аноμία в иудаизме», содержащий общую постановку вопроса: в еврейской традиции Бог есть абсолютный закон, но сам Творец свой закон не соблюдает, отсюда появляется дискурс о своеволии (беззаконии) Бога в иудаизме.

Е.Я. Федотова (Москва) рассмотрела описания погребений и деталей погребального обряда в библейском повествовании как литературный прием презентации героя или событий, позволяющий охарактеризовать персонаж как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Взаимодополняющими оказались доклады Л. Дрейера (Москва) «Зона и кедеша: границы дозволенного в Израиле и Ханаане» и В. Гордон (Санкт-Петербург) «Жрица-проститутка: забытая норма как аномалия в месопотамской и еврейской культурной традиции», посвященные поиску новых интерпретаций для терминов *qadēšā*, *qadištu* в библейских и аккадских текстах, прежде понимаемых как свидетельства в пользу существования «культурной проституции». По традиции, восходившей к Септуагинте, переводили *qadēšā* как «проститутка», и это слово было синонимом для слова *zōnā*. Оба докладчика, анализируя различные тексты, склоняются к альтернативной точке зрения: *qadēšā* значит «жрица», женский род от *qādēš* «жрец (ханаанейских) культов». Изменение смысла этого слова носило, скорее всего, идеологический характер, связанный с борьбой с чужими культурами в Древнем Израиле.

Н. Киреева (Москва) в докладе «Я буду в тяготах, словно женщина первородящая»: концептуализация страдания в литературе кумрано-ессейского круга» показывает пересечение границы между нормой и аномалией на примере формирования особого аскетического взгляда на реальность и превращения аскезы из инструмента для лучшего познания священного текста (что характерно для иудаизма) в сущностную характеристику мировоззрения авторов кумранских текстов.

Вызвавший бурное обсуждение доклад М. Туваля (Иерусалим) «Апостол Павел как не-нормальный еврей в контексте иудаизма I в.» был посвящен анализу мировоззрения Павла и восприятию его личности современниками в рамках как еврейской, так и христианской общин того периода.

В. Петрухин (Москва) в своем докладе наряду с осетинскими и славянскими версиями происхождения образа Вия, которые ранее рассматривались исследователями, предложил провести параллели также с талмудическим текстом: сюжет встречи рабби Кагана из Суры с рабби Йохананном (Вавилонский Талмуд, Бава кама, 117а).

А. Грищенко (Москва) в докладе «Восточнославянская правка перечня чистых и нечистых животных в списках Пяти- и Восьмикнижия XV–XVII вв.» показал, что вносившиеся в славянские переводы изменения устраняли аномалии пищевых запретов первоначального славянского перевода Восьмикнижия и приближали список чистых и нечистых животных (Левит 11, Втор. 14:5) как к устоявшимся к началу второго тысячелетия правилам кашрута, так и к зоологическим реалиям части восточнославянского ареала. Русские новшества в данных списках находят параллели в народных восточнославянских пищевых запретах и в церковно-книжных источниках русского средневековья.

Следующий блок докладов рассматривал проблему восприятия нормы и аномалии на основе литературных текстов и в изобразительном искусстве.

Е. Хаздан (Санкт-Петербург) показала на примере изменений в прочтении стиха Исайя 40:3 («Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему») в разных переводах «мерцание смыслов» библейского текста и важность знаков кантиляции для понимания изначального смысла текста. *Е. Сморгунова* (Москва) сравнила канонические надписания псалмов в первоисточнике с греческими и славянскими переводами. *Ю. Ключкова* (Екатеринбург) в докладе «Аномалии уральского города в газетных фельетонах Перми и Екатеринбурга начала XX в.» изучила образцы популярного жанра газетного фельетона, описывающего маргинальные зоны повседневности уральского города. *Г. Элиасберг* (Москва) рассмотрела в докладе примеры отражения в еврейских литературных и драматургических текстах 1880–1910-х годов Якова Гордина мотива сумасшествия («безумия мира и безумия личности») в контексте общественно-политических реалий и идейных исканий эпохи рубежа XIX–XX вв. *Ю. Фрейдин* (Москва) обратился к фольклорным мотивам в творчестве О. Мандельштама и показал соотношение традиционных и аномальных фольклорных персонажей и сюжетов в лирике поэта.

Д. Харман (Москва) проанализировала лист со сценами из жизни Самсона во Второй Нюрнбергской Агаде (2-я половина XV в.), где обнаружила миниатюру с изображением совы, на которую нападают птицы – мотив, весьма распространенный в западноевропейском искусстве и имеющий в том числе и антииудейскую коннотацию, но абсолютно нехарактерный для еврейских рукописей. Здесь можно усмотреть следы иудео-христианской полемики, а Сова-Самсон отражает мессианские чаяния: с приходом Мессии ненормальная ситуация изменится, «ночь станет светлой, как день».

Доклад *С. Кравцова* (Иерусалим) «Судьба художника в еврейской коллективной памяти: от традиционного общества к авангарду» был посвящен фигуре мастера (художника или архитектора) и его имени при строительстве синагог и создании разного рода сакральных вещей (*арон-кодеша*, росписей в синагоге и пр.). В частности, были рассмотрены различные адаптации в еврейской народной культуре распространенного в Европе сюжета о погибшем мастере/строителе и особенностям его дальнейшей трансформации при передаче в разных средах слушателей.

Исторический блок объединил доклады, анализирующие дозволенное – недозволенное, преступление границ допустимого и отношение к нормам в обществе на основе материалов из Испании, Италии (Венеции), Польши и Российской империи.

Г. Зеленина (Москва) высказала гипотезу о том, что испанские марраны XVI в., находясь в промежуточном состоянии между иудейским законом и христианской верой, руководствовались в повседневной жизни не религиозными, а прежде всего моральными и социальными нормами, понятиями чести, репутации и доброго имени. *Е. Зарубина* (Москва) на основе подробного кодикологического анализа изучила разветвленную систему санкций за нарушения норм в венецианском Братстве соблюдающих утро по материалам книги записей XVII в. (*пинкаса*), впервые вводя этот источник в научный оборот.

В. Мочалова (Москва) рассмотрела конфликт в хасидской среде, возникший в начале XIX в. в связи с приходом Наполеона на Россию. Суть конфликта заключалась во взглядах на возможности и пути влияния на ход истории (можно ли пытаться средствами магии превратить Наполеона в Гога и Магога и тем самым приблизить приход Мессии или следует способствовать только внутреннему возвращению всего человечества к Богу). Данный раскол среди хасидских цадиков свидетельствует об отсутствии единства не только внутри еврейства (*хасидим* – *митнагдим*), но и даже внутри хасидских кругов в начале XIX в.

В докладе *К. Гавриленко* (Брест) были проанализированы социальные, правовые и религиозные нормы в деятельности двух видов еврейских погребальных обществ на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.), одно из них – *хевра кадиша* – было традиционным и существовало в течение многих веков, докладчик показал, что постепенно *хевра кадиша* теряет свою монополию в местечках на захоронение умерших и пр. *И. Вавренюк* (Брест) в своем сообщении коснулась ряда сложившихся народных представлений о евреях в Польском государстве (1921–1939 гг.) на примере материалов из местечка Мир.

Самый большой блок докладов конференции был посвящен восприятию нормы и аномалии по материалам устной истории, в фольклоре и традиционной обрядности славян, евреев и коми.

А. Итполитова (Москва) представила типологию аномальных растений в русских рукописных травниках XVII – начала XX в., отметив, что они наделялись, прежде всего, магическими, а не утилитарными свойствами. *М. Ясинская* (Москва) отметила особое

внимание, уделявшееся в традиционных верованиях славян глазам и зрению, служившим особым маркером для отделения своих и чужих. *А. Островский* (Санкт-Петербург) в своем обзоре материалов Бюро князя В.Н. Тенишева по Вологодской, Новгородской, Ярославской и Калужской губерниям очертил общие типы нормативных представлений о семейных отношениях у крестьян (супругов, родителей и детей), их варьирование и отклонения в различных регионах.

С. Низовцева (Сыктывкар) проанализировала круг загадок на языке коми относительно отдельных частей тела человека и скатологических выделений. Она отметила, что коми традиция загадывания отличается особой откровенностью и натуралистичностью в демонстрации телесного низа. *П. Истомина* (Сыктывкар) на основе современных записей, сделанных от русского населения горнозаводских поселений Республики Коми (2008–2015 гг.), показала практики выстраивания отношений с демонологическими персонажами, последствия нарушений правил при контакте с ними, предписания и запреты, превентивные и защитные меры, применяемые человеком при взаимодействии с нечистой силой.

Е. Носенко-Штейн (Москва) рассмотрела специфику российского варианта реформистского иудаизма по сравнению как с другими иудейскими общинами, так и с зарубежными реформистскими общинами. Сложившуюся традицию российского реформистского иудаизма можно рассматривать как норму и отклонение от нее в рамках современных иудейских традиций.

В докладе *М. Каспиной* (Москва) были проанализированы современные полевые материалы, т.е. то, каким образом в последние несколько десятилетий (начиная с 1930-х годов) представители еврейской общины пытались обходить религиозные запреты из-за невозможности их полного соблюдения в советское время. Вся эта ситуация в некотором смысле породила «новые» нормы и правила. *М. Гехт* (Рига) продолжила тему практик обхода еврейского закона в праздники и шаббат, но на примере еврейской традиции в Латгалии в довоенные годы: она показала, что были как вынужденные нарушения закона, так и распространенные народные практики, основанные на механизмах ритуального обмана.

С. Амосова (Москва) провела сравнительный анализ критериев восприятия местными жителями евреев-соседей, живших в д. Любавичи Смоленской обл. до войны («евреи нормальные») и еврейских паломников, приезжающих на кладбище в наши дни («евреи ненормальные») и показала, что в данном случае «нормой» считается не своя традиция, а традиции и поведение довоенных евреев (то, как помнят это жители Любавичей), а современные евреи ведут себя и выглядят совершенно по-иному, что воспринимается как антинорма.

В. Шнирельман (Москва) в докладе «Прошлое – светлое или темное? Христианский и языческий подходы» проанализировал взгляды на историю России, в частности на крещение Руси и его роль в истории России, с точки зрения различных неоязыческих субкультур и показал многообразие взглядов на эту проблему. *Н. Омонов* (Иерусалим) продолжил тему анализа взглядов субкультуры русского неоязычества, которая, отрицая в равной степени христианство и иудаизм, тем не менее инвертируют христианские и иудейские культурные нормы.

Доклад *О. Беловой* (Москва) «Этнокультурный стереотип: между нормой и антинормой» во многом подводил итоги конференции, в нем было рассмотрено, каким образом в традиционной культуре формируется понятие нормы и антинормы, был проанализирован ряд теоретических подходов к понятию «чужой», «аномальный».

Сборник статей по материалам конференции планируется издать в 2016 г.

© 2016 г. *И.В. Копчёнова, С.Н. Амосова*

Работа выполнена по гранту РНФ № 15-18-00143

К ЮБИЛЕЮ ЭЛЛЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ЗАДОРОЖНЮК

28 января 2016 г. юбилей отмечает сотрудница Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Задорожнюк Элла Григорьевна. В 1969 г. она окончила кафедру истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1972 г. – аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР и тогда же стала его сотрудником, последовательно пройдя все ступени профессионального роста от младшего до ведущего научного сотрудника. В 1974 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1991 г. – доктора исторических наук. С 1992 г. по 2009 г. она – руководитель группы, а затем Центра истории реформ и революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в конце XX – начале XXI в. в Отделе современной истории и социально-политических проблем Исл РАН; с 2013 г. – заведующая этим Отделом.

Э.Г. Задорожнюк является ведущим специалистом по истории Чехии и Словакии и в целом региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Она – автор более 400 работ (включая около 40, изданных за рубежом), в том числе трех монографий: «Городское мелкое производство в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: поиски оптимальной модели. 1940–1980-е годы» (М., 1991); «Социал-демократия в Центральной Европе» (М., 2000), за которую была награждена серебряной медалью Я.А. Коменского Международной педагогической академии. В Приложении к монографии в авторском переводе впервые в России опубликованы программные документы социал-демократических партий стран Вишеградской группы из текущих архивов партий социал-демократических ориентаций.

Третья индивидуальная монография – «От крушения Пражской весны к триумфу “бархатной” революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 г. – ноябрь 1989 г.» (М., 2008) (25 п.л.). В ней впервые в отечественной историографии освещается история чехословацкого оппозиционного движения и его важнейшей составляющей – диссидентства; анализируются основные формы и направления оппозиционной деятельности; прослеживается формирование широкого спектра противостоявших «режиму нормализации» независимых инициатив и структур, дана их типология и эволюция программных установок. В приложении также представлены документы основных составных частей чехословацкого оппозиционного движения.

Проблемы социально-политического развития стран региона ЦЮВЕ, диссидентского движения и «бархатной революции» в Чехословакии Элла Григорьевна разрабатывает и участвует в качестве автора во всех коллективных трудах Отдела: «Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии» (М., 1998); «Февраль 1948 года. Москва и Прага: взгляд через полвека» (М., 1998); «Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие» (М., 2001) (ее статья, написанная по материалам архива Горбачев-Фонда, на впервые введенных ею в научный оборот архивных документах конца 80-х годов XX в. – протоколах переговоров высшего государственного руководства СССР и западных стран, переведена и издана в Словакии); «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории» (в 2-х книгах. М., 2005).

Она также является ответственным редактором (наряду с авторской работой) коллективной монографии «Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века» (а во всех других коллективных трудах Отдела – неизменным членом редколлегии, ведущим большую редакторскую работу). В этой работе ее глава посвящена «бархатному» разводу ЧСФР – «Почему не устояло в 90-е годы XX в. единое чехословацкое государство?».

Новые интерпретации «бархатной» революции в Чехословакии анализируются Эллой Григорьевной в очередном коллективном труде «История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа» (М., 2007). Впервые в отечественной литературе на основе широкой источниковой базы с привлечением изданных в последнее время публикаций и новейшей зарубежной литературы проведен анализ международного фона и внутренних причин революций в странах региона, а также их предпосылок с учетом того, что эти проблемы вплоть до настоящего времени остаются дискуссионными в зарубежной и отечественной историографии.

Связь между советской перестройкой и революциями 1989–1990 гг. в странах региона Задорожнюк рассматривает в международном коллективном труде «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (М., 2011).

Вопросы новой государственности в программных установках чехословацких анти-нормализационных течений (апрель 1969 г. – декабрь 1972 г.) ставятся Задорожнюк в международном сборнике статей «Историк-славист: призвание и профессия» (М., 2013), изданном к юбилею В.В. Марьиной. В 2013 г. Отделом была организована международная научная конференция «Идеи новой государственности в программах и концепциях инакомыслящих и диссидентства». В этом же направлении велась работа и в коллективном труде «Инакомыслие в условиях “реального социализма”. Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в.» (М., 2014), где в главе, написанной Эллой Григорьевной на основе документов чешского и словацкого протестных течений (1969–1989 гг.), анализировались контуры нового формата государственности.

В круг научных интересов юбиляра входит также проблема постсоциалистического развития Чехии и Словакии. Ход и итоги трансформационного развития Чешской и Словацкой республик в конце XX – начале XXI в. рассматриваются ею в книге «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник» (М.; СПб., 2015). Эти страны в указанный период не только существенно изменили общественно-политическое устройство, но и кардинально переориентировали внешнеполитический вектор развития. Поэтому столь важны сейчас проблемы региональной идентичности, интеграционных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе в конце XX – первые десятилетия XXI в., что по инициативе Эллы Григорьевны и стало одним из основных направлений работы Отдела в последние годы. В 2000 г. на эту тему был издан коллективный труд «Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности», в текущем году планируется проведение конференции «Евроскептицизм и еврооптимизм в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI в.», а в 2017 г. – издание коллективного труда на основе этих материалов. В значительной степени ее заслугой следует считать, что некоторые коллективные труды готовились сотрудниками Отдела в рамках грантов РГНФ, ОИФН РАН.

Еще одно направление научной деятельности Э.Г. Задорожнюк – историческая персоналогия. Так, ею была опубликована серия научных статей о Т.Г. Масарике – президенте Чехословакии в 1918–1935 гг. По ее инициативе в 1997 г. впервые в России был проведен международный «круглый стол», посвященный его памяти; она являлась членом авторского коллектива, работавшего над переводом и изданием трехтомного фундаментального труда Масарика «Россия и Европа» (т. 1. 2000; т. 2 – в 2004; т. 3 – 2006); в 2000 г. по просьбе Посольства ЧР в Москве Э.Г. Задорожнюк приняла активное участие в юбилейных торжествах, посвященных 150-летию со дня рождения Масарика. В 2013 г. выступила на «круглом столе» в рамках заседания двусторонней Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР с докладом «Т.Г. Масарик: концепции малых народов и проекты союза славянских государств». Ряд статей и выступлений на конференциях посвящены политическому портрету президента Чехии Вацлава Гавела, прослеживается его путь от диссидентства к президентству. В международном коллективном сборнике к 100-летию со дня рождения Густава Гусака «Gustáv Husák. Moc politiky – politik mocí». (Praha; Bratislava, 2013) помещена ее статья на словацком языке («Густав Гусак и Михаил Горбачев: от апреля (1987) до апреля (1988)»). К 200-летию юбилею Т.Г. Шевченко были разработаны такие

проблемы, как Шевченко и идея славянского единения, Шевченко и русская культура и др. А на японском языке опубликована статья Э.Г. Задорожнюк в двухтомной книге по истории русской общественной мысли о Р.В. Иванове-Разумнике (Токио, 2013).

Не обходит Элла Григорьевна вниманием и вопросы, связанные с современной историей Украины, украинским кризисом. Она соавтор фундаментальной статьи в международном коллективном труде «Украина и Россия: общества и государства» (М., 1997). В Российском совете по международным делам давала экспертную оценку сценариям развития украинского кризиса (2014).

Важной частью своей работы Элла Григорьевна считает знакомство читателей с новейшей литературой по современной истории региона ЦЮВЕ. Ею написан ряд рецензий на вышедшие главным образом за рубежом значительные книги на эту тему, многие из них были опубликованы журналом «Славяноведение». Не менее значимы для науки перевод на русский язык и публикация документов из зарубежных архивов, которым юбиляр уделяет большое внимание.

Итоги исследований Задорожнюк имеют широкое признание отечественных и зарубежных историков и политологов, привлекают внимание действующих в современной России политиков, часто публикуются в Чехии, Словакии, Польше.

Она ведет большую научно-организационную работу: с 2013 г. – заведующая Отделом современной истории стран ЦЮВЕ, в течение ряда лет – ученый секретарь Специализированного совета ИСл РАН по защите кандидатских и докторских диссертаций, заместитель председателя Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР, член Комиссии историков России и Словакии, международных редколлегий журнала «Historicky casopis» (Братислава) и интернет-журнала «Русский вопрос» (Прага), член Ученых советов Института славяноведения РАН и ИНИОН РАН, член Оргкомитета множества международных конференций и «круглых столов», научный руководитель нескольких аспирантов.

Для стиля работы юбиляра характерно сочетание принципиальности и требовательности с доброжелательностью по отношению к коллегам.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Элле Григорьевне здоровья и творческих успехов.

© 2016 г. О.Н. Майорова

CONTENTS

ARTICLES

<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). Clement of Ohrid's Epiphany in the «St. Nicolas' Anthologion» («Tomić Psalter»)	3
<i>Floria B.N.</i> (Moscow). Concepts of the ancient Polish society and its development in the work of the representatives of the Polish historical thought of the second half of the fifteenth – middle of the sixteenth centuries (Jan Długosz and Marcin Kromer)	15
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). Russia, Hetman Mazepa and the election of Joazaf Krokowski Metropolitan of Kiev, 1707–1708.....	25
<i>Lazarev Ya.A.</i> (Yekaterinburg). The Russian government and the Ukrainian Cossack elite: specific features of the communication in the period of functioning of the Collegium of Little Russia (1722–1727)	41
<i>Lun'kova N.A.</i> (Moscow). Rythms in prose (on the syntax of Stanislav Stratiev's short stories in the 1990s)	52

* * *

<i>Suppan A.</i> (Vienna). Conflict, war and genocide in East-Central and South-Eastern Europe, 1938–1948. Part II	64
--	----

REPORTS

<i>Shevchenko V.A.</i> (Moscow). Russian schools on the interwar Poland	72
<i>Kazak O.G.</i> (Minsk). National and cultural look of the Carpathian Ruthenia in the eyes of the Czechoslovak emigration in London (1940–1944)	85

* * *

<i>Shemiakin A.L.</i> (Moscow). Between Moscow and Belgrade: history of Serbia in the work of Konstantin Nikiforov	91
--	----

REVIEWS

<i>Lykoshina L.S.</i> Русская государственность в трудах историков зарубежья. Работы русских историков-эмигрантов белградского круга 1920–1941	97
<i>Kosik V.I.</i> П. Мангачев. Документална история на руските бежанци в България (1919–1944). В 2-х т.	99
<i>Kosik V.I.</i> Руската колония во Скопје (1920–1943 год). Зборник на документи	101
<i>Shevchenko K. J.</i> Vaculik. Reemigrace a repatriace česků a slovaků po První světové válce.....	103
<i>Sedakova I.A.</i> The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology	106

SCHOLARLY LIFE

<i>Akimova O.A.</i> XXVIIth conference «Slavs and their neighbours»	110
<i>Schrek K.</i> Russian-Hungarian conference «Peace treaties and agreements in the Modern and contemporary history of Central and Eastern Europe in the seventeenth to the twentieth centuries»	113
<i>Valentsova M.M.</i> The Second Congress of the Slovak Slavists	115
<i>Kopchenova I.V., Amosova S.N.</i> Conference «Norm and anomaly in the Slavic and Jewish cultural traditions»	120

JUBILEES

<i>Majorova O.N.</i> To the jubilee of Ella Grigorievna Zadorozhniuk	124
--	-----

Сдано в набор 31.03.2016   Подписано в печать 24.05.2016   Дата выхода в свет 20.07.2016
Формат 70 × 100¹/₁₆   Цифровая печать   Усл.печ.л. 10,4   Усл.кр.-отг. 2,0 тыс.   Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0   Тираж 186 экз.   Зак. 296   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен ФГУП Издательство «Наука» РАН
Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Российская академия наук
объявила прием заявок
на соискание Золотой медали РАН
за выдающиеся достижения
в области пропаганды научных знаний

Для направления работы на конкурс необходимо заполнить заявку, опубликованную на интернет-портале www.medal.ras.ru

Заявки для участия в конкурсном отборе принимаются по адресу электронной почты csp@presidium.ras.ru

Прием работ осуществляется в срок до 30 октября 2016 года включительно

Телефон для справок 8(499)237-54-11, 8(499)237-45-31